

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН

**ЛОКАЛЬНАЯ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ
ИЗМЕРЕНИИ:
МИР ЯКУТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ**

Сборник научных статей

Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 18-09-00414
«Локальная и региональная история в глобальном измерении:
мир якутской эмиграции между Востоком и Западом»).

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2021

УДК 314.743(=512.157)
ББК 60.7(2Рос.Яку)
Л73

Утверждено к печати
Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук *В.Ю. Волошина*
кандидат исторических наук *Л.Б. Степанова*
кандидат исторических наук *Н.Г. Суворова*

Р е д к о л л е г и я:
Е.П. Антонов (отв. ред.), *Е.Н. Романова*, *М.Б. Башкиров*

Локальная и региональная история в глобальном измерении:
Л73 мир якутской эмиграции между Востоком и Западом: сборник
научных статей. — Новосибирск: Наука, 2021. — 124 с. — (Ин-
теллектуальная история Северо-Востока России: время и люди.
Вып. 1).

ISBN 978–5–02–041464–8.

Настоящий сборник представляет собой первый в российском
интеллигентоведении междисциплинарный сборник статей, посвя-
щенный проблемам историографии, интеллектуального наследия,
адаптивных стратегий и биографики якутских эмигрантов.

Издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей
вузов, аспирантов и всех, кто интересуется историей эмиграции.

ISBN 978–5–02–041464–8.
doi: 10.7868/978–5–02–041464–8

© ИГИиПМНС СО РАН, 2021
© Оформление. Новосибирский филиал
ФГУП «Издательство «Наука», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век стал веком глобальных миграций, транзита культурных и политических идей в контексте всеобщих трансформационных процессов в имперском пространстве. Освоение новых методологических подходов, связанных с синтезом гуманитарных наук, «антропологический» поворот в исторических исследованиях позволили коллективу авторов обеспечить совершенно новый формат «жизнеописания» эмигрантского сообщества.

Осмысление феномена якутской эмиграции как неотъемлемой части интеллектуальной истории русской эмиграции — главная тема научного дискурса настоящего издания. Включение в него общеметодологических статей, демонстрирующих разные подходы к изучению феномена эмиграции: семейная история как память, этнический дискурс ученых-эмигрантов о своей национальной истории, применение модели биографического нарратива как «биографического письма», — безусловно, расширяют исследовательское пространство сборника. При этом следует подчеркнуть, что персональные истории русских, татарских и якутских эмигрантов создавали единое социокультурное пространство с Востока на Запад, где объединяющими концептами выступали память и идентичность.

Отличительной особенностью жизненных траекторий эмигрантов являлись разные адаптационные практики и деятельностные стратегии. На этом фоне оригинальность авторских статей, представленных в сборнике, состоит в выборе исследовательских процедур и конструировании собственных версий интеллектуальной жизни эмигрантской среды и личности. Статьи, раскрывающие на основе эго-документов миры русских эмигрантов В.М. Зензинова, М.З. Винокурова и С.М. Широкогорова, позволяют сделать важный вывод о созидательной стратегии их жизни на чужбине. В первую очередь это была интеллектуальная деятельность как адаптивная практика в вынужденной эмиграции.

Интеллектуальная биография и эго-документы становятся опорными точками в сборке «коллективного тела» русской эмиграции.

Предисловие

Исследования ученых из Москвы, Казани и Санкт-Петербурга включают в общую картину мира локальный текст якутской эмиграции, связывая все персональные истории русской эмиграции в единый коммуникативный мир.

Впервые феномен якутской эмиграции раскрывается в контексте различных цивилизационных сценариев, когда мир был разделен Британской, Французской, Российской, Японской и другими империями. Тематика сборника связана с деятельностью эмиграции по сохранению российских культурно-исторических ценностей и традиций, а также с выявлением особенностей культурного воспроизводства якутской эмиграции в условиях иноязычной среды. Изучение якутской эмиграции позволяет объективно оценить масштаб интеллектуального и культурного забвения целого пласта исторического наследия Якутии. Конструируя национальную идентичность, интеллектуалы окраин имперской России оперировали глобально циркулирующими идеями национальной парадигмы, социальной справедливости, образовательно-просветительскими проектами. В целом мир якутской эмиграции как социокультурный феномен до сих пор остается белым пятном в истории Якутии и требует глубокого концептуального осмысливания.

В историографии Якутии вопрос эмиграции затрагивался в трудах историков и краеведов. М.С. Иванов — Багдарын Сулбэ рассмотрел судьбу М.Ф. Корнилова, С.К. Старостина и Е.Е. Старостина, которые отбывали наказание на Соловках и впоследствии совершили побег в Финляндию. Кроме того, он обратился к изучению жизнедеятельности Д.П. Винокурова, В.И. Новгородова, Г.В. Никифорова — Маннныаттаах уола, эмигрировавших в Японию [Багдарын Сулбэ 1992, 1995]. Американский исследователь Ричард Пирс, О.Д. Якимов, Е.Г. Пивоваров исследовали жизнедеятельность якутнина М.З. Винокурова, эмигрировавшего в США и внесшего огромный вклад в сбор и сохранение памятников истории Русской Америки [Пирс 1992; Якимов 1995; Пивоваров 2005, 2013].

Б.Е. Васильев — Харысхал опубликовал серию статей, в которых приведены сведения о якутских политэмигрантах в Китае, Японии, США и Финляндии. По материалам публикаций вышла первая часть его книги [Харысхал 2002]. В монографии Н.В. Вишневского в центре описываемых событий — судьба сахалинского купца якута Д.П. Винокурова, а также жизнь коренных жителей острова и российских эмигрантов, оказавшихся в 1905–1945 гг. по различным причинам на Карафuto — японской части Сахалина [Вишневский 2013]. Отдельного внимания заслуживают труды по интеллигентоведению Н.Н. Дьяконовой, которая впервые обозначила проблему якутской

Предисловие

эмиграции как части национального исторического нарратива и уделила большое внимание когнитивной характеристики якутских эмигрантов [Дьяконова 2004].

Исполнителями гранта Е.П. Антоновым [Антонов, Антонова 2018, 2019; Антонов 2020], Е.Н. Романовой [2018; Антонов, Романова 2020], П.О. Саввиновым [Саввинов, Антонов 2019; Саввинов 2020] также опубликован ряд статей на тему якутской эмиграции.

Данный сборник посвящен ментальным характеристикам мира якутской эмиграции в эпоху войн и революций и охватывает широкий пространственно-временной континуум (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.). Исследования направлены на изучение «якутского мира» на чужбине и трансляцию новых культурных кодов, сопряженных с ландшафтом памяти и этнической идентичностью, а альтернативный опыт якутской эмиграции дает возможность по-новому осмысливать траектории национальной истории и раскрыть горизонты будущего развития Якутии в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона. В книге на основе глобальной и когнитивной истории представлена адаптация и деятельность немногочисленной якутской антибольшевистской эмиграции как своеобразного феномена оппозиционной интеллектуальной субкультуры в Финляндии, Японии, Китае и США в первой трети XX в.

Впервые в научный оборот вводится обширный корпус документов из зарубежных архивов (Финляндии, Польши, Франции, Японии, США).

Особое внимание авторы статей уделили визуальной проекции сборника. Представленные фотоиллюстрации (автографы, личные и семейные фотографии, вырезки из эмигрантских газет, опубликованные труды, рукописи фольклорных текстов, стихотворения, письма) органично вписаны в интеллектуальный и биографический контекст и таким образом создают особую атмосферу общей биографии русской эмиграции.

Список литературы

Антонов Е.П., Антонова В.Н. К вопросу о политической деятельности якутских эмигрантов // Клио. — 2018. — № 10. — С. 124–128.

Антонов Е.П., Антонова В.Н. Якутская эмиграция: особенности адаптации и коммуникации // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 228–244.

Антонов Е.П. Мемуары Ираиды Самоновны Клиориной как исторический источник по истории Гражданской войны, эмиграции, реэмиграции и репрессий // Клиорина И.С. Куррикулум витэ (Краткие сведения жизни). Опыт автобиографии. — Новосибирск: Архимед, 2020. — С. 5–11.

Предисловие

Антонов Е.П., Романова Е.Н. Гуманистическое наследие якутских эмигрантов: между Востоком и Западом (о проблеме формирования интеллектуальной культуры народа саха в мировом пространстве) // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 125-летию Г.М. Василевич. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — С. 53–55.

Багдарын Сүлбэ. Олох долтуна: докумоонгга оловурбут уус-уран очерк (Превратности судьбы: документально-художественный очерк). — Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1992. — 176 с.

Багдарын Сүлбэ. Нэрөн нөргүй буолуохтун! (Вечная память им!) — Дьокуускай: Бичик, 1995. — 272 с.

Вишневский Н.В. Отасу. Этнополитические очерки. 2-е изд., доп. / редколл.: Т.П. Роон (отв. ред.), Е.А. Иконникова, Г.В. Матюшков и др. — Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2013. — 284 с.

Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). — Новосибирск: Наука, 2002. — 239 с.

Курикулум витэ (Краткие сведения жизни). Опыт автобиографии. — Новосибирск: Архимед, 2020. — 392 с.

Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса США (1800–1933 гг.). — СПб.: Нестор, 2005. — 234 с.

Пивоваров Е.Г. История русской книги в Библиотеке Конгресса США. — СПб.: Нестор, 2013. — 240 с.

Пирс Р. М.З. Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил // Полярная звезда. — 1992. — № 3. — С. 160–164.

Романова Е.Н. Якутские эмигранты в Китае (1920–1940-е гг.) // Клио. — 2018. — № 9. — С. 140–144.

Савинов П.О. Олесов Никита Иннокентьевич: полицейский и якутский эмигрант // Клио. — 2019. — № 12. — С. 186–189.

Савинов П.О., Антонов Е.П. Проблема исследования якутской эмиграции в историографии // Гуманистический вектор. — 2019. — Т. 14, № 3. — С. 112–120.

Савинов П.О. Сохранение культурно-национальной идентичности якутских эмигрантов // Клио. — 2020. — № 9. — С. 161–166.

Харысхал. Ааспыт кэм аартыктарынан (Тропами прошлого). Ч. 1. — Дьокуускай: ДНиСПО, 2002. — 60 с.

Якимов О.Д. Человек из небытия. — Якутск: Бичик, 1995. — 120 с.

*Е.Н. Романова, доктор исторических наук
Е.П. Антонов, кандидат исторических наук*

УДК 93/94

П.О. Саввинов,

аспирант Института истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия
pavel_savvinov@mail.ru

**ЯКУТСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. История российской эмиграции 1917–1940 гг. всегда привлекала внимание исследователей, начиная с трудов советских и зарубежных историков. В данный момент в современной российской исторической литературе представлены различные взгляды и суждения о российской эмиграции. Историография якутской эмиграции находится только на стадии становления. Начиная с 1990-х гг. тему якутской эмиграции и «якутского мира» за границей начали разрабатывать историки, краеведы-журналисты, но тем не менее в историографии тема эмиграции все еще остается белым пятном. В данной статье, в рамках проекта, посвященного ментальным характеристикам мира якутской эмиграции 1917–1940 гг., рассмотрены проблемы исследования якутской эмиграции в историографии. Автором для раскрытия темы применялся проблемно-хронологический метод. Проанализировав собранные в статье труды историков, краеведов, писателей и др., автор приходит к выводу, что в историографии до настоящего времени отсутствуют обобщающие труды по истории якутской эмиграции, где изучался бы опыт ее адаптации на пограничье Востока и Запада, что требует обращения к инновационной методологии исторических и социальных наук, расширения исследовательской проблематики в рамках локальной и глобальной истории.

Ключевые слова: марксистско-ленинский подход, контрреволюция, Гражданская война, белогвардейцы, революция, национальная интеллигенция, якутская эмиграция.

Pavel Savvinov,

*Postgraduate, the Institute of History of SB RAS,
Novosibirsk, Russia
pavel_savvinov@mail.ru*

**YAKUT EMIGRATION IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY:
HISTORY OF STUDY AND MODERN RESEARCH**

Abstract. The Russian emigration has always been a topic of scientific interest starting from the works of Soviet historians. This article is dedicated to the issues of research the processes of development of Russian emigration in historiography.

© П.О. Саввинов, 2021

The history of the Yakut emigration is in its infancy. Since the 1990s, the topic of the Yakut emigration and the “Yakut world” abroad began to be developed mainly by historians, local lore journalists, but, nevertheless, in Yakut historiography the topic of emigration remains a “blank page”. So, within the framework of the project devoted to the mental characteristics of the world of the Yakut emigration in the era of wars and revolutions and covers a wide space-time continuum (the end of the nineteenth century - the twenties of the twentieth century), this article is devoted to the consideration of the problems of studying the Yakut emigration in historiography. The authors used the problem-chronological method for disclosing the topic. In conclusion, analyzing the works of historians, local historians, writers, and others collected in the article, the authors come to the conclusion that, until now, there are no generalizing works on the history of the Yakut emigration, where the experience of its adaptation to the frontier of the East and the West, and this requires a systematic study.

Keywords: Marxist-Leninist approach, counterrevolution, national intellectuals, the civil war, the White Russians, revolution, the Yakut emigration.

Введение

Революция, Гражданская война и образование Советской России привели к рождению русского зарубежья и мира эмигрантов из России, находящихся в разных странах мира. Среди эмигрантов были беженцы, спасавшиеся от Гражданской войны по политическим мотивам, и идеиные противники советской власти. История российской эмиграции традиционно привлекала внимание исследователей, но процесс ее формирования за рубежом до последнего времени оставался недостаточно изученной темой. Проблема эмиграции также затронула и Якутию. Революция 1917 г. и начавшаяся в России Гражданская война раскололи национальную интеллигенцию на две части. Первая ее часть, новое поколение представителей интеллигенции (М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Барахов и др.), восприняла ценности нового социалистического строя. Другая часть (Г.С. Ефимов, П.В. Ксенофонтов, Д.П. Винокуров и др.) связывала будущее Якутии с демократической автономией без участия коммунистов и в интеграции с Азиатско-Тихоокеанским миром (Япония, США, Китай и т.д.). Последние после Гражданской войны и установления советской власти в Якутии, будучи идеиными противниками нового строя, либо покинули родной край, либо были репрессированы. Их судьбы сложились по-разному, но в основном трагично.

Методологическим основанием исследования является цивилизационный подход, который позволяет выявить региональные и локальные проблемы, влияющие на всестороннее исследование

темы эмиграции. В качестве инструмента историографического исследования был применен проблемно-хронологический метод. Методы ретроспективного и перспективного анализа позволили актуализировать полученную историографическую информацию [Пронин 2017: 11].

Формирование и развитие в историографии темы российской эмиграции

В историографии эмиграции выделяют три периода в процессе ее формирования и развития: 1920-е, 1970–1980-е гг. и с 1990-х гг. до наших дней [Пронин 2010: 81]. В 1920-х гг. уже начали появляться первые работы по российской эмиграции, преимущественно мемуарные труды самих эмигрантов. В 1923 г. в СССР выходит в свет книга В.А. Белова, где, по мнению самого автора, была предпринята попытка более подробного освещения психологической стороны жизни русской эмигрантской «массы» в Европе, а также настроений, условий быта эмигрантов и их влияния на идейное содержание белого дела. Автор сообщал, что в своей работе он пользовался прежде всего личными наблюдениями, материалами, собранными в течение двухлетней эмиграции, и документальными данными, опубликованными в эмигрантской прессе и в специальных трудах. Белов пишет о глубочайшей ошибке русской эмиграции, которая, по его словам, была введена в заблуждение, примкнув к белому движению, и боролась «за поворот к старому, за реакцию» и «в этом ее преступление перед Россией» [Белов 1923: 114]. В целом в 1920-е гг. в советской историографии история российского зарубежья рассматривалась как продолжение истории Гражданской войны. Перед советскими историками была поставлена задача идеологического разгрома эмигрантской контрреволюции как пособника «мирового империализма».

В период 1930–1960-х гг. в советской историографии происходит окончательное утверждение марксистско-ленинской методологии. В советской печати продолжают выходить работы по теме белой русской эмиграции, но это были не столько исторические исследования послереволюционной эмиграции, сколько труды, решающие задачи политической борьбы на основе теоретического наследия В.И. Ленина и И.В. Сталина, анализировавших исторические факты, события, явления и процессы с позиции классового подхода. Главной задачей исследователей было признано не изучение, а уничтожение идеальных противников (постановление ЦК ВКП(б) «О пропагандист-

ской работе в ближайшее время» от 14 июня 1935 г.) [Пронин 2010: 81]. Так, М.Н. Покровский в ряде своих выступлений, статей и брошюр весьма нелестно отзывался об эмигрантской печати. В частности, в одной из работ он подверг критическому разбору труд П.Н. Милюкова «История второй русской революции» [Покровский 1933].

Итак, отечественные историки отмечают, что с середины 1930-х гг. до 1953 г. появление работ о российской эмиграции на ее исторической родине стало практически невозможным. В советской печати между тем выходили труды и воспоминания реэмигрантов, особенно после потепления политического климата в конце 1950-х гг. (Б.Н. Александровского, А.Н. Вертиńskiego, Л.Д. Любимова, Д.И. Мейснера, П.А. Оболенского, П.П. Шостаковского, Н.И. Ильина). В целом период 1930–1960-х гг. в советской историографии оценивается как пролог к новому этапу развития темы белой эмиграции в 1970-е гг. [Пронин 2010: 81].

В очередной раз тема российской эмиграции получает свое развитие в советской историографии после публикации в 1970 г. коллективной монографии, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В ней авторы, исследуя политические партии, приходят к выводу, что в исторической литературе слабо разработана деятельность «главных буржуазных партий» [В.И. Ленин и история классов... 1970: 504]. В связи с этим многие исследователи «борьбы партий и классов» начали интересоваться историей белой эмиграции. Выходят в свет труды таких историков, как Г.Ф. Барихновский, Г.З. Иоффе, В.В. Комин, Л.М. Спирина, И.Я. Трифонов, С.А. Федюкин, А.Л. Афанасьев, Ю.В. Мухачев, В.В. Сонин, Л.К. Шкаренков и др. Например, Г.З. Иоффе в своей монографии, вышедшей в 1977 г., рассматривает «белогвардейско-монархическую» эмиграцию и утверждает, что «российская монархическая эмиграция» появилась раньше других эмигрантских групп. По мнению автора, многие представители аристократии, царского дипломатического корпуса, бывшей бюрократии после Февральской революции не вернулись в Россию или выехали за границу. Но Г.З. Иоффе считал, что основной поток «белоэмигрантов» пришелся на период после Октябрьской революции, и с этого времени эмиграция шла волнообразно в связи с «разгромом белогвардейских формирований». По мнению Иоффе, одно «из первых и самых крупных эмигрантских монархических гнезд» было создано в конце 1918–1919 гг. в Германии, куда большинство эмигрантов прибыло из Прибалтики — остатки разбитых белогвардейских войск, которых, по мнению советских историков, поддерживали власти Веймарской республики. В своей моно-

графии Г.З. Иоффе пишет, что эмигранты, являясь бывшими офицерами царской армии, весной 1920 г. участвовали в «капповском путче» консервативных сил против Веймарской республики [Иоффе 1977: 267].

В 1981 г. выходит монография Л.К. Шкаренкова, где автор исследует историю белой эмиграции. Хронологические рамки исследования охватывают период с Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны до окончания Второй мировой войны в 1945 г. Шкаренков писал, что белая эмиграция формировалась в ходе революции и Гражданской войны и что белоэмигранты состояли из бывших представителей привилегированных сословий, которые, сохранив за границей свои «классовые организации», занимались выпусками газет, имели военные формирования и многочисленные связи с «международной буржуазией». По утверждению Шкаренкова, эмиграция состояла из разных представителей политических партий, начиная от крайних монархистов и заканчивая меньшевиками и эсерами, между которыми шла постоянная борьба [Шкаренков 1987: 16–177].

В этот период изучение эмиграции осложнялось рядом обстоятельств: засекреченностью архивных документов и недоступностью трудов зарубежных и эмигрантских авторов. Освещать эту тему можно было только в одном ключе — разоблачая и осуждая эмигрантов.

В целом в своих исследованиях советские историки, опираясь на марксистско-ленинский подход при рассмотрении проблемы русской эмиграции, особое внимание обращали на связи «между внутренней и зарубежной контрреволюцией». К российским эмигрантам советские историки относили всех, кто не воспринял Советскую Россию во главе с большевиками и эмигрировал после 7 ноября 1917 г., или же тех, кто боролся против советской власти и был вынужден после поражения бежать за границу. Советские исследователи были убеждены, что «судьба этих людей непосредственно связана с судьбой тех классов и социальных слоев России, которым Великая Октябрьская социалистическая революция вынесла свой приговор» [Иоффе 1977: 265–298].

Таким образом, развитие советской историографии в 1920–1980-х гг. можно разделить на два основных периода. Первый период — это 1920–1960-е гг. Большинство выходивших в это время работ имели идеино-политическую направленность на борьбу с врагами партии. В 1970–1980-е гг. большинство советских ученых в своих выводах основывались на архивных материалах, публикациях и воспоминаниях возвратившихся эмигрантов с использованием марксистско-ленин-

ской методологии. Якутская антибольшевистская эмиграция оставалась вне круга интересов в историографии по причинам идейно-политического характера.

Исследование российского зарубежья в современной историографии

Следующий этап в развитии истории российской эмиграции как самостоятельного направления в историографии начинается в постсоветское время. По мнению отечественных историков, российская эмиграция была хорошо организована, имела высокий интеллектуальный и культурный потенциал, накопила богатый опыт в сохранении национальных традиций дореволюционной России во всех областях деятельности и оказала огромное влияние на культуру, образование, науку, искусство тех стран, где проживали эмигранты.

Характерной чертой нового этапа в историографии российского зарубежья является расширение источников базы исследований (архивных документов, мемуаров, переписки, научных, литературных трудов и т.д.), новые методологические подходы и, как следствие, междисциплинарные работы, созданные на пересечении истории, литературоведения, социологии, демографии, права, философии и других наук. Например, ряд концептуальных подходов к изучению российской эмигрантской интелигенции и методологический инструментарий были предложены в середине 1990-х гг. А.В. Квакиным и В.Г. Михалевым. В 1996 г. Институт российской истории РАН под руководством академика Ю.А. Полякова впервые подготовил сборник, основной задачей которого было изучение истории адаптации различных категорий российских эмигрантов в разных регионах мира [Пронин 2010: 84].

Начиная с 1990-х гг. выходит ряд новых трудов отечественных историков, среди которых стоит выделить Е.И. Пивоварова, Е.И. Алдюхова, В.Ф. Ершова, З.С. Бочарова, В.М. Селунского, А.В. Окорокова и др. К середине 1990-х гг. в изучении российской эмиграции определились несколько направлений, которые условно можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся история эмиграции русских беженцев, возникновение эмигрантских воинских формирований, образование русских диаспор, союзов и других объединений. Так, можно выделить известный «Русский общевоинский союз» и деятельность антисоветских военных центров за рубежом и их борьбу за политическое влияние над остатками русской армии. С 1998 по 2010 г. выходит подготовленное сотрудниками Института истории Министерства обороны РФ, Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки

России многотомное издание «Русская военная эмиграция 20–40-х годов». Большинство документов из центральных архивов ФСБ и СВР России, вошедших в данный труд, опубликованы впервые. Многие из них раскрывают деятельность антисоветских центров военной эмиграции за рубежом и содержат сведения о ее видных представителях, показывают характер противоборства советских спецслужб с соответствующими военно-эмигрантскими структурами в 1924–1925 гг. и проливают свет на многие ранее неизвестные факты, касающиеся взаимоотношений правительства Советской России с Лигой Наций по проблеме возвращения русских граждан на Родину, деятельности комиссии Ф. Нансена, работы ВЧК — ГПУ по вопросу эмигрантов в 1921–1924 гг. [Русская военная эмиграция... 1998–2010].

В 2012 г. выходит монография известного российского арабиста Г.В. Горячина, посвященная жизни российских эмигрантов в Египте. По утверждению автора, ядром белой эмиграции в Египте были беженцы, прибывшие в Александрию «после разгрома деникинских войск на юге России». В основном это образованные слои дореволюционной России: помещики, интеллигенция, юнкера, кадеты и др. Но большинство из них в Александрии долго не задержались. По мнению исследователя, закатом российской эмиграции в Египте являются события 1923 г., когда «надежда на восстановление дореволюционной России иссякла». Русские оказались в Египте «в положении бесправных» и «в ситуации самой оскорбительной, в которой никогда не оказывались представители христианских держав в мусульманской стране» [Горячkin 2010: 139–233].

Ко второй группе можно отнести политическую историю русского зарубежья и эмигрантских организаций. Так, в 2005 г. под научной редакцией С.В. Волкова выходит книга, посвященная борьбе русской военной эмиграции с большевизмом. Хронологические рамки исследования — 1920–1930-е гг. Большое внимание в книге уделяется организации под руководством генерала А.П. Кутепова, существовавшей в 1922–1930 гг. Целью ее было проникновение на территорию Советской России для борьбы с большевиками. Также подробно описано создание чекистами фальшивой тайной Монархической организации России (М.О.Р) с конспиративным обозначением «Трест» [Русская эмиграция... 2005: 52–209].

К третьей группе относится история развития русской зарубежной культуры и вклад наших соотечественников в развитие мирового культурного наследия. Так, в 2013 г. А.В. Квакин публикует монографию, посвященную российской интеллигенции в эмиграции, впервые введя в научный оборот архивные материалы России и США

(ГАРФ, РГАЛИ, Hoover Institution Archives (архив Института Гувера) и др.). Изучая формирование «культурно-миграционной системы» после окончания Гражданской войны в России, автор приходит к выводу, что основная масса беженцев принадлежала к «интеллектуальному слою». Опираясь на слова И.А. Бунина «миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложенная судьбой на нас», Квакин утверждает, что у российской интеллигенции в эмиграции была миссия посланников «национальной дореволюционной культуры России в мировую цивилизацию». Большую роль в становлении и развитии культурной жизни российской эмиграции, по мнению А.В. Квакина, сыграли такие страны, как Югославия, Болгария и Чехословакия, правительства которых оказывали материальную и организационную помощь переселенцам из России [Квакин 2013: 5–224].

Также к этой группе можно отнести изучение трудов русских историков-эмигрантов первой волны, в которых осмысливался советский историографический процесс. Например, исследователи из Омска в рамках проекта РФФИ «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке советских и эмигрантских историков. 1920–1930-е годы» проанализировали историографические взгляды П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.В. Флоровского и Е.Ф. Максимовича [Волошина, Корзун 2017, 2020; Корзун, Волошина 2020]. По мнению авторов, если А.А. Кизеветтер активно интересовался историографией советского периода и оперативно реагировал, включаясь в научные дискуссии, проходящие в Советской России, своими рецензиями, то П.Н. Милюков откликался лишь на юбилеи и смерти представителей научного сообщества. В целом отечественные историки-эмигранты отвергали наработки советской марксистской историографии, подчеркивая ее односторонность, и к советским историкам у них складывается отношение по принципу «свой — чужой». Тем не менее они отмечали значительные успехи отдельных представителей советской исторической науки. Также В.Ю. Волошина и В.П. Корзун рассматривали изменения «профессиональной культуры» в условиях эмиграции [Волошина, Корзун 2017, 2020; Корзун, Волошина 2020]. На примере А.А. Кизеветтера они показали консервативную часть профессуры, которая стремилась сохранить за рубежом дореволюционные научные традиции [Волошина, Корзун 2017: 39–70].

И, наконец, к четвертой группе относится белая эмиграция в Китае, которая долгое время оставалась вне круга интересов советской историографии по причинам идеино-политического характера, а также из-за недоступности архивного материала для исследователей. Китайские архивы до сих пор закрыты для российских

исследователей. С середины 1990-х гг. наблюдается значительный исследовательский интерес к истории и, соответственно, к историографии эмиграции из восточных регионов России, относящейся опять же к первой постреволюционной волне. Начиная с 1980–1990-х гг. советские, затем российские историки обозначили отдельные проблемы изучения восточной ветви эмиграции: политические деятели, организации, литература и искусство, театральная жизнь и др. Так, по последним данным российских исследователей, только в 1920-х гг. Китай принял около 500 тыс. белоэмигрантов из России. Харбин стал одним из основных центров белой эмиграции, где население русских выросло с 60 тыс. в 1918 г. до 165 тыс. чел. в 1923 г. Некоторые отечественные историки выделяют три группы эмигрантов. Первая состояла из богатых людей, преимущественно дворян, которые не смирились с Февральской, а затем Октябрьской революцией. Вторая группа вышла из Забайкалья и Прибайкалья во второй половине 1919 г. и особенно после поражения войск адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семёнова. Наконец, третья волна эмиграции состояла из белых частей, бежавших из Приамурья и Приморья — бывших территорий ДВР, и относится к концу 1922 г.

По проблемам пребывания российской эмиграции в Китае был защищен ряд диссертаций. Так, И.А. Батожок исследовал специфику русской эмиграции из Китая в Калифорнию [Батожок 1996]. А.И. Букреев изучал проблемы миграции русских изданий из Китая в страны АТР с привлечением новых документов и материалов из зарубежных и отечественных, центральных и местных архивов, музеев и библиотек, а также из частных коллекций [Букреев 2000]. М.В. Дубаев впервые попытался комплексно подойти к проблеме существования политических партий в среде русской эмиграции в Китае и Маньчжурии [Дубаев 2000]. Н.В. Куликова исследовала эволюцию политico-правового положения эмигрантов из России в Северо-Восточном Китае в 1917–1931 гг. По мнению исследователя, в этом вопросе существенную роль играли международная обстановка и внутриполитическая ситуация в Китае, которая развивалась в худшую сторону из-за политики советского государства, направленной на ликвидацию договоров царской России с Китаем [Куликова 2005]. Т.В. Ревякина проанализировала процессы складывания и развития многочисленной, разнородной в социально-политическом и национально-конфессиональном плане российской диаспоры в Китае в первой половине XX в. [Ревякина 2004]. С.В. Смирнов изучал русскую военную эмиграцию в Китае как социальный феномен в его структурно-функциональном и личностном аспектах и динамике развития от становления до исчезновения. По мнению исто-

рика, военная эмиграция стремилась к консолидации в нескольких крупных эмигрантских центрах (Харбин, Шанхай, Мукден, Тяньцзин). На процесс социальной адаптации военных эмигрантов оказывало влияние участие в политике, и в Китае военные эмигранты являлись основной силой антибольшевистского движения [Смирнов 2019].

Из крупных исследований отечественных историков стоит выделить монографию Н.Е. Абловой, где комплексно исследуется тема КВЖД и эмиграции в Китай с привлечением новых источников. Автор анализирует политику вокруг КВЖД, тесно связывая ее с повседневной жизнью эмигрантов, определяет численный состав эмигрантов в Маньчжурии и их статус, рассматривает историю возникновения и деятельности национальных общин. Особый интерес вызывают сюжеты о разнообразных путях в эмиграцию и обратно на Родину [Аблова 2004: 432]. Е.Е. Аурилине системно анализирует процесс адаптации российских эмигрантов в Китае и приходит к выводу, что эмигрантская диаспора здесь не имела центрального механизма управления, включала представителей всех социальных слоев населения дореволюционной России, основную массу составляли военные. В результате комплексного исследования Е.Е. Аурилине предложила собственную периодизацию российской эмиграции в Китае с 1920-х до середины 1950-х гг. Она выделяет пять периодов, учитывая: а) развитие политических событий, оказавших существенное влияние на судьбу диаспоры; б) институциональную эволюцию эмигрантских колоний; в) степень интеграции эмигрантов [Аурилине 2004: 38–44]. Исследовав общественно-политическую жизнь российского казачества, к выводу о неопределенности правового положения русских в Китае пришел и Г.И. Малышенко [2006: 107]. В 2007 г. выходит в свет книга С.С. Балмасова «Россия забытая», посвященная российским эмигрантам — участникам событий в Китае 1920–1945 гг., а именно в гражданской и японо-китайских войнах [Балмасов 2007]. В том же году выходит монография Н.Н. Аблажей, в которой автор впервые устанавливает масштабы эмиграции в Китай и реэмиграции из Китая в XX в., а также анализирует репрессивную политику в отношении реэмигрантов [Аблажей 2007]. Возросший интерес отечественных историков к данной проблеме объяснила Э.В. Ермакова: прежде всего это изменение политической ситуации в стране; новая база источников, освобожденных от грифа «секретно»; внутренняя готовность специалистов к изучению темы; складывание группы историков, установивших между собой научные контакты благодаря конференциям [Ермакова 1999].

Важное значение в осмыслении дальневосточной эмиграции имеют компаративистские исследования российского историка, вос-

токоведа А.А. Хисамутдинова, посвященные изучению биографического контекста, практик адаптации и деятельности русских эмигрантов в Китае, Корее, Японии, США. Ученый обращает особое внимание на периодическую печать русского зарубежья как на ценный источник по презентации культурного и интеллектуального ландшафта русской диаспоры, его экзистенциального опыта. Исследователь пишет: «В газетах и журналах, выходивших в Китае (“Рубеж”, “Хлеб Небесный” — Харбин и т.д.) и Америке (“Русская жизнь”, “Новая заря” — Сан-Франциско и т.д.), дается беспристрастная картина жизни русских общин. Публикации о жизни русской диаспоры можно найти и в русской периодике Европы (“Русская мысль” — Париж и т.д.). В первую очередь это связано с тем, что выходцы из России, осевшие в разных странах, поддерживали друг с другом тесные контакты. Периодическая печать позволила проследить, как русская диаспора откликалась на политические события, оценить уровень русской культуры в различных городах, где жили эмигранты, проанализировать их отношение к родному языку, выявить пути развития эмигрантской школы и науки, проследить особенности зарождения и деятельности общественных организаций, а в итоге всесторонне проанализировать жизнь русских общин в различных городах АТР. На страницах прессы также опубликовано (в виде отрывков) множество воспоминаний» [Хисамутдинов 2018: 15]. Интерпретация архивных, личных, музейных коллекций, связанных с историей дальневосточной эмиграции, позволила А.А. Хисамутдинову разработать специальное направление — биографика эмигрантского востоковедения.

Отдельно стоит отметить монографию Н.В. Вишневского, вышедшую в 1994 г., в которой автор подробно исследует японский «показательный» поселок «Отасу но мори», просуществовавший с 1926 по 1945 г. В данной работе освещается деятельность якутского предпринимателя и интеллектуала Дмитрия Прокопьевича Винокурова, находившегося тогда в японской эмиграции в поселении Отасу. С 1925 по 1938 г., как отмечает автор, Винокуров активно участвовал в попытках развязывания войны между Японией и СССР с целью отделения Якутии и Северного Сахалина от СССР под протекторат Японии. Д.П. Винокуров встречался и вел работу с разными высокопоставленными государственными чиновниками Японии до тех пор, пока не был арестован в 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза [Вишневский 1994: 158].

Проблемы якутской эмиграции историки и краеведы начали рассматривать с 1990-х гг. В этом плане особый интерес представляют работы финского историка Харри Халена, который впервые

проанализировал феномен якутской эмиграции в Финляндии [Halen 1989, 1998]. Ученый в своих исследованиях раскрывает эмигрантскую жизнь якутов — политических заключенных, сбежавших из Соловецкого лагеря и оказавшихся в Финляндии.

Якутский писатель и журналист В.Е. Васильев, известный под псевдонимом Харысхал, начиная с 2000-х гг. ездил в США, Финляндию, Китай, Японию в поисках сведений о жизнедеятельности якутов-эмигрантов. Во время своих экспедиций он посещал такие города США, как Анкоридж, Сиэтл, Вашингтон, Джуно, работал с фондом Винокурова, а также нашел проживающих в США потомков якутского купца П.А. Кушнарева. В поисках материалов о якутах, бежавших из Соловецкого лагеря в Финляндию, Харысхал посетил Хельсинки [Харысхал 2003]. В 2004 г. В.Е. Васильев публикует письма Афанасия Спиридовича Ефимова, одного из видных деятелей повстанчества на севере Якутии и ВЯОНУ, который после Гражданской войны в Якутии эмигрировал в Крым [Харысхал 2004]. Далее Васильев пишет статью о поиске якутских эмигрантов в архивах Владивостока, Хабаровска, Харбина и Шэньяна и о том, что в результате было обнаружено личное дело якутского купца первой гильдии Г.В. Никифорова [Васильев 2004].

М.С. Иванов — Багдарын Сулбэ рассмотрел судьбу М.Ф. Корнилова, С.К. Старостина и Е.Е. Старостина, которые отбывали наказание на Соловках и впоследствии совершили побег в Финляндию. Кроме того, он изучал биографии Д.П. Винокурова, В.И. Новгородова, Г.В. Никифорова — Маннныаттаах уола, эмигрировавших в Японию [Багдарын Сулбэ 2000].

Публикации В.Е. Васильева и М.С. Иванова усилили интерес историков к тематике якутской эмиграции. Американский исследователь Ричард Пирс и О.Д. Якимов исследовали биографию якутянина М.З. Винокурова, эмигрировавшего в США и внесшего огромный вклад в сохранение памятников истории Русской Америки [Пирс 1992; Якимов 1995: 29–69]. В 2002 г. выходит в свет монография Н.Н. Дьяконовой, где впервые в историографии обозначена проблема якутской эмиграции [Дьяконова 2002]. В 2016 г. Е.Н. Романова опубликовала статью, посвященную социальной и коллективной памяти якутских эмигрантов за рубежом. Автор приходит к выводу, что в эмигрантской среде существовали разные взгляды и позиции относительно будущего развития родины. Наиболее здравомыслящая часть якутских эмигрантов видела Якутию в составе России, но без большевистской диктатуры [Романова 2016].

В 2018 г. в рамках изучения истории якутской эмиграции и «якутского мира» выходит ряд статей. Так, статья Е.Н. Романовой

посвящена историческому осмыслению адаптации якутской колонии эмигрантов в Китае как своеобразного социокультурного феномена. По мнению автора, организационное ядро якутской эмиграции в Китае было нацелено на создание сетевого интеллектуального сообщества на основе объединения всех якутских эмигрантов, оказавшихся в Японии, Европе, Америке [Романова 2018]. Е.П. Антонов опубликовал статьи, в которых раскрывается деятельность наиболее радикальной части якутской эмиграции, пытавшейся продолжить борьбу против советской власти под эгидой Японии. Автор приходит к выводу, что большая часть якутских эмигрантов, будучи в составе российской (русской) зарубежной колонии, не занималась политической деятельностью, поскольку вынуждена была бороться за выживание и адаптацию в инокультурной и чуждой цивилизационной среде [Антонов, Антонова 2018]. Рассматривая вопросы адаптации якутских эмигрантов, Е.П. Антонов охарактеризовал их роль в сохранении национальной культурной идентичности и пришел к выводу, что им не удалось сформировать механизм воспроизведения этнической идентичности (языка, культуры) за границей [Антонов, Антонова 2019]. Тот же автор провел источниковедческий анализ автобиографии И.С. Клиориной, отметив, что ее мемуары представляют собой объективный материал, так как написаны на основе не только памяти и личного опыта, но и данных исторической литературы, периодической печати, архивных документов, и поэтому имеют научную ценность [Антонов 2020].

Таким образом, тенденцией последнего двадцатилетия было выявление ранее неизвестных фактов по теме «национальная интелигенция», а якутская эмиграция и «якутский мир» за границей были вне интересов исследователей, оставаясь в историографии белым пятном, и потому требуют системного исследования. В целом в отечественной историографии исследование российской эмиграции отличается разносторонним подходом и на сегодняшний день в современной российской исторической литературе представлены различные взгляды и суждения по этой теме.

Заключение

Итак, подводя итоги, следует сделать вывод, что если на сегодняшний день накоплен значительный массив исторических трудов, в которых всесторонне и объективно освещается тема российской эмиграции и зарубежья, то тематика якутской эмиграции остается важной научной проблемой, требующей исследования. Без всестороннего изучения регионального и локального аспекта истории

эмиграции невозможны современное осмысление и оценка событий российской эмиграции. В связи с этим системное исследование якутской эмиграции и «якутского мира» за рубежом в эпоху революций и Гражданской войны и реконструкция национального опыта оппозиционной интеллигенции Якутии на фоне тех событий в контексте мировой истории представляются актуальными для дальнейшего всестороннего изучения истории российской эмиграции.

Список литературы

- Аброва Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. — М.: Русская панorama, 2004. — 432 с.
- Аблажей Н.Н.* С востока на восток: российская эмиграция в Китае. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. — 300 с.
- Антонов Е.П., Антонова В.Н.* К вопросу о политической деятельности якутских эмигрантов // Клио. — 2018. — № 10 (142). — С. 124–127.
- Антонов Е.П., Антонова В.Н.* Якутская эмиграция: особенности адаптации и коммуникации // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 228–244.
- Антонов Е.П.* Мемуары Ириады Самоновны Клиориной как исторический источник по истории Гражданской войны, эмиграции, реэмиграции и репрессий // Куррикулум витэ (Краткие сведения жизни). Опыт автобиографии. — Новосибирск: Архимед, 2020. — С. 5–11.
- Аурилине Е.Е.* Российская диаспора в Китае: 1920–1950-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Хабаровск, 2004. — 46 с.
- Багдарын Сулбэ.* Ааспат арахпат сырђан баас (Непреходящая боль). — Дьюкуускай: Бичик, 2000. — 240 с. (на як. яз.).
- Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. — М.: Центрполиграф, 2007. — 567 с.
- Батожок И.А.* Русская эмиграция из Китая в Калифорнию: специфика миграционного процесса (1920–1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1996. — 200 с.
- Белов В.А.* Белое похмелье: русская эмиграция на распутьи. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. — 155 с.
- Букреев А.И.* Книжные собрания русских эмигрантов и репатриантов из Китая в коллекциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона: дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2000. — 250 с.
- В.И. Ленин и история классов и политических партий в России / Л.К. Шкаренков [и др].* — М.: Мысль, 1970. — 520 с.
- Васильев В.В.* Русский эмигрант (якут) // Якутский архив. — 2004. — № 4. — С. 118–121.
- Вишневский Н.В.* ОТАСУ: этнополитические очерки. — Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1994. — 283 с.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике профессорской культуры // Диалог со временем. — 2017. — Вып. 58. — С. 39–70.

Якутская эмиграция в российской историографии

- Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. — 2020. — Вып. 70. — С. 139–156.
- Горячkin Г.В.* Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. — М.: Русский путь, 2010. — 324 с.
- Дубаев М.Л.* Политическая борьба в среде русской эмиграции на Востоке: Китай. Первая половина XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2000. — 198 с.
- Дьяконова Н.Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). — Новосибирск: Наука, 2002. — 240 с.
- Ермакова Э.В.* Дальневосточная эмиграция в отечественной историографии // Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — Кн. 2. — С. 384–394.
- Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. — М.: Наука, 1977. — 320 с.
- Квакин А.В.* Русская интеллигенция в изгнании. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. — 276 с.
- Корзун В.П., Волошина В.Ю.* Советские и эмигрантские историки в оценке П.Н. Милюкова (1920–1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. — 2020. — № 1. — С. 81–89.
- Куликова Н.В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае: 1917–1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Хабаровск, 2005. — 32 с.
- Малышенко Г.И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). — Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2006. — 436 с.
- Окороков А.В.* Русская эмиграция: политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990-х гг. — М.: Абуар Консалтинг, 2003. — 336 с.
- Пирс Р. М.З.* Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил / пер. А. Ташлыковой // Полярная звезда. — 1992. — № 3. — С. 160–164.
- Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). — М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. — Вып. 11. — С. 140–164.
- Пронин А.А.* Историография историографии российской эмиграции // Интеллигенция и мир. — 2010. — № 2. — С. 80–95.
- Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2017.
- Ревякина Т.В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: начало 1920-х — середина 1940-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004. — 32 с.
- Романова Е.Н.* Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2016. — № 4 (17). — С. 59–64.
- Романова Е.Н.* Якутские эмигранты в Китае: (1920–1940-е гг.) // Клио. — 2018. — № 9 (141). — С. 140–145.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы / отв. сост. И.И. Басик: в 5 т. — М.: Гея; Триада-Х; Триада-Ф, 1998. — Т. 1, кн. 1. — 432 с.; Т. 1, кн. 2. — 752 с.; 2001. — Т. 2. — 484 с.; 2002. — Т. 3. — 576 с.; 2007. — Т. 4. — 980 с.; 2010. — Т. 5. — 753 с.

П.О. Саввинов

Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / науч. ред. С.В. Волков. — М.: Центрполиграф, 2005. — 479 с.

Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае: 1920 — конец 1940-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2019. — 48 с.

Харысхал. Кушнаревы, Винокуров... Якутская эмиграция [о жизни якутских эмигрантов и их потомках] // Илин. — 2003. — № 2. — С. 74–75.

Харысхал. Человек, которого я открыл для себя [об уроженце Эльгетского (ныне Абыйского) улуса Верхоянского округа А.С. Ефимове, участнике отряда А. Пепеляева] // Илин. — 2004. — № 4. — С. 58.

Хисамутдинов А.А. Подводя итоги: список работ (1986–2018): сборник. — Владивосток: ЦНБ ДВО РАН, 2018. — 164 с., ил.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. — 3-е изд. — М.: Мысль, 1987. — 236 с.

Якимов О.Д. Человек из небытия. — Якутск: Бичик, 1995. — 120 с.

Halen H. From Siberia to Finland. The story of M.F. Kornilov, a Yakut conviet / Transl. and ed. by H. Halen // JSFOu. — 1989. — 82. — P. 101–143.

Halen H. Biliktu Bakshi the Knowledge Teacher G.J. Ramstedt's career as a scholar by Harry Hallen // The Finno-Ugrian society. — Helsinki, 1998.

УДК 314.743(470)(091)

М.Б. Башкиров,

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

СО РАН, г. Якутск, Россия

bashkiroffm@gmail.com

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1940-е гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике, связанной с исследованием истории русской эмиграции во Франции в 1920–1940-х гг. Тема существования русской диаспоры во Франции рассматривается сквозь призму семейной истории автора. Трансформация личной и групповой идентичности русских во Франции во многом связана с многогранным комплексом образов и представлений об исторической родине — России и «второй родине» — Франции. Образ исторической родины и презентация русской культуры в среде русских эмигрантов в большой мере обладали схематично-символическим значением для младшего поколения семьи. Тем не менее этот образ «воображаемой России» оказывал влияние на жизненные стратегии представителей русской диаспоры. Реальным содержанием Россия/СССР стала наполняться для младшего поколения семьи лишь после депатриации в 1948 г.

Источниковой базой для статьи послужили материалы семейного архива автора, устная история, а также связанные с ней нарративы и мифы, касающиеся личной и групповой идентичности членов семьи. Отдельное внимание уделяется некоторым методологическим аспектам, связанным с феноменом семейной памяти и изучением семейного прошлого в контексте судеб русской эмиграции за рубежом.

Ключевые слова: семейная история, идентичность, память, русская эмиграция во Франции, «Смена вех».

Mikhail Bashkirov,

PhD (History), researcher

of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS,

Yakutsk, Russia

bashkiroffm@gmail.com

IDENTITY PROBLEM OF RUSSIAN EMIGRATION IN FRANCE IN THE 1920S–1940S THROUGH THE PRISM OF FAMILY HISTORY

Abstract. The present article is focused on the issues related to the study of the history of Russian emigration in France in the 1920s–1940s. The subject of the existence of the Russian diaspora in France is considered through the prism of the author's family history. The transformation of personal and group identity

of Russians in France is largely related to a complex of images and perceptions about their historical homeland — Russia and their “second homeland” — France. The image of the historical homeland and the representation of Russian culture in the environment of Russian emigrants to a large extent had a schematic-symbolic value for the younger generation of the family. Nevertheless, this image of “imagined Russia” influenced the life strategies of representatives of the Russian diaspora. For the younger generation of the family, Russia/the USSR began to take on real meaning only after the repatriation (return home) in 1948.

The article is based on the author's family archive materials, oral history, and related narratives and myths about the personal and group identity of family members. Also, special attention is paid to some methodological aspects related to the phenomenon of family memory and the study of the family past in the context of the fate of the Russian emigration abroad.

Keywords: family history, identity, memory, Russian emigration in France, “The change of milestones”.

Эта статья в некотором роде отличается от традиционного научного текста, что прежде всего связано с темой работы, имеющей очень личный оттенок. О семейной истории чаще всего принято говорить в закрытом кругу — той же семьи или близких людей. Чтобы говорить и писать о семейной истории (в некоторых случаях драме или даже трагедии) публично, нужно совершить своего рода волевое усилие. В данном случае невозможно полностью отойти от собственного авторского «я» и использовать безличные обороты, привычные для науки, вследствие чего этот текст представляет собой не столько научную статью, сколько эссе, обрамленное в научные рамки. Для чего же нужно такое очень личное исследование? Если не брать в расчет этические вопросы (например, чувство долга перед старшими поколениями), то в какой-то степени исследование темных пятен и жизненных вех семьи — это и попытка самопознания, попытка заново уточнить границы и пределы собственной идентичности. В свое время канадский политик и журналист русского происхождения М. Игнатьев точно и тонко заметил по поводу своих корней и семейной истории: «...это прошлое мне еще предстояло воссоздать, прежде чем оно стало моим» [Тишков 2003: 447]. В какой-то мере я занимаюсь тем же самым (пусть и в несколько иной, но отчасти сходной ситуации), чем и канадец Игнатьев, — присваиваю или, лучше сказать, осваиваю прошлое семьи, чтобы оно стало и моим.

Некоторые методологические аспекты

Предваряя эту работу, я хотел бы сделать несколько замечаний, которые относятся к области методологии исследования семейной истории. Вероятно, «оптика», которой я пользуюсь сейчас, в даль-

нейшем претерпит метаморфозы. Но на данный момент я с уверенностью могу отметить некоторые аспекты, которые необходимо учитывать или даже преодолевать в процессе исследования, если мы, конечно, говорим о научном исследовании, а не о составлении генеалогического древа. Самая очевидная угроза в этом случае — мифологизация семейной истории, иными словами, попытка утвердить уже существующие в семье мифы или даже собственными руками создать новые мифы, призванные поддерживать существующий в большинстве российских семей «культ предков». И здесь у исследователя может возникать конфликт с «потомком». Ведь открытия и «находки» исследователя способны разрушить важный для потомка миф или представление о собственной семье и себе самом.

Кроме того, существует опасность превращения исследования семейной истории в расследование. Поскольку предмет исследования наполнен множеством драматических и трагических событий (в данном случае я не обобщаю, а говорю о собственной семье), а также темных пятен, то существует интеллектуальный соблазн уйти в сторону научного детектива. Выяснение загадочных подробностей может подтолкнуть исследователя к отказу от объяснений, которые будут казаться обыденными или банальными. При этом отсутствие фактического материала и дефицит свидетельств практически лишают исследователя возможности «раскрыть дело» в рамках научно-детективного жанра.

Отмечу, что эта работа, направленная на изучение семейной истории, в значительной степени отличается от генеалогических исследований, поиска корней или, например, поиска доказательств высокого происхождения, хоть и кажется сходной с ними. Данное исследование в первую очередь нацелено на саморефлексию и работу с феноменом личной и семейной памяти. Коллективная (семейная) память не только избирательна, но и часто работает по принципу кривого зеркала, трактуя и искажая факты в соответствии с иерархией, выстроенной в семье на данный момент. Приведу пример. До недавнего времени я был уверен, что мой прадед Н.М. Рыгалов (речь о нем пойдет ниже) был сотрудником российского консульства на о. Цейлон, чуть ли не консулом, но в реальности оказалось, что, скорее всего, он был агентом Добровольного (Торгового флота), что, впрочем, не делает его судьбу менее интересной и захватывающей.

Также, работая с семейным материалом, исследователю необходимо совершить (возможно, даже регулярно совершать) акт демифологизации собственной семейной истории. Мифы, существующие в семье, чаще всего носят либо комплиментарный, либо негативный характер, поскольку сформированы под весом длительных отноше-

ний, внутрисемейных конфликтов, особенностей личной психологии членов семьи. Весь этот устоявшийся комплекс представлений нуждается в ревизии и переосмыслинении, в преодолении существующих установок, направленных на героизацию или очернение тех или иных членов семьи. Груз личных отношений родственников и предков между собой не может не сказываться на восприятии семейной истории в ретроспективе. Это требует от исследователя определенных усилий, вплоть до преодоления сопротивления членов семьи и угрозы внутрисемейных конфликтов. Одно дело — ниспропортировать с пьедестала общественную фигуру, с которой нет никаких личных связей, другое дело — собственного дедушку.

В то же время семейная история обладает одним очень серьезным преимуществом перед другими «историями»: она с легкостью дает голос частному, маленькому человеку, позволяет взглянуть на большие исторические события и крупные фигуры сквозь призму повседневности и личного опыта. Разумеется, частности личных историй, личного взгляда могут оставаться всего лишь частностями, но в более широком историческом контексте они обретают иное звучание. Приведу один пример. Когда моей бабушке было лет 10–12, к ним домой в Париже приходил знаменитый русский философ Н.А. Бердяев. Вместе с ее отцом они что-то обсуждали. Она не интересовалась, о чем именно и как разговаривали взрослые. На многочисленные просьбы рассказать хоть что-нибудь о знаменитом Бердяеве она всегда отвечала уклончиво. За годы его образ сильно померк в памяти бабушки. Единственное, что она отчетливо помнила о Н.А. Бердяеве, — это его язык. Причем язык в физиологическом значении. Известно, что Н.А. Бердяев страдал нервным тиком, и детское внимание бабушки было захвачено именно этой деталью — выпадающим языком знаменитого философа. Ребенок никогда не видел людей с таким недугом, и детское сознание было этим поражено. Разумеется, подобная деталь не может быть ключевой ни в понимании личности Бердяева, ни в понимании его значения в интеллектуальной истории русского зарубежья и истории русской философии. Но тем не менее и это детское непосредственное свидетельство ценно, так как, вероятно, взрослые и тактичные современники Бердяева могли постесняться говорить о таком обстоятельстве.

Фабула семейной истории

Прежде всего, чтобы читатель мог разобраться в перипетиях и вехах семейной истории, необходимо изложить ее фабулу и очертить основной круг действующих лиц. Речь в данном случае пойдет о пе-

риоде 1918–1948 гг., охватывающем начало эмиграции членов семьи Рыгаловых во Францию и возвращение некоторых из них в СССР.

Опуская ряд деталей, расскажу об основных вехах жизни семьи Рыгаловых. Отец семейства Николай Михайлович Рыгалов родился в Астрахани в 1884 г. («Из мещан», как указано в одной из его советских анкет). Родители — Михаил Петрович и Прасковья Прохоровна (?) Рыгаловы. В семье было четверо детей: двое старших — Анна и Владимир и двое младших — Михаил и Николай. Известно, что разница в возрасте между Николаем и Анной составляла 20 лет. Семья была купеческая средней руки, держали свой рыбный промысел, а Прасковья владела банями. В довольно молодом возрасте Н.М. Рыгалов женился на Марии, у них родилась дочь Мария в 1909 г. (предположительно). Когда дочери был год, Мария умерла (вероятно, вследствие родов).

В 1905 г. Н.М. Рыгалов поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил спустя шесть лет. С 1913 г. и вплоть до февраля 1922 г. он работал в качестве агента Доброфлота (Торгового флота) в Сингапуре, Архангельске, Лондоне, Коломбо (о. Цейлон). В 1918 г. в Санкт-Петербурге женился на Ольге Алексеевне Львовой. От этого брака у них было пять детей: Людмила (1919–2002 гг.), Михаил (1920–1989 гг.), Алексей (1922–2010 гг.), Владимир (1924–1944 гг.), Марьяна (1927–2020 гг.).

Следующий этап его жизни связан с Францией, куда он вместе с женой и детьми попал в 1920–1921 гг. В той же хранящейся в семейном архиве анкете он указывал о себе следующее: «с февраля 1922 до 1924 г. не работал и скрывался от французской полиции, без личных документов». Насколько это достоверно, сказать сейчас трудно. Людмила и Михаил родились на Цейлоне, остальные дети — уже во Франции. Дочь от первого брака жила с ними до своего замужества в 1927 или 1928 г. Работы и средств к существованию во Франции не было. О.А. Рыгалова (Львова) одно время работала в косметическом салоне, потом с дочерьми уехала в Киэнси — русский пансион для девочек, существующий частью на средства, которые платили их родители, частично — за счет благотворительности. Это было в 1930 или 1931 г., прожили они там около пяти лет. Важные свидетельства этого периода жизни семьи нашли свое отражение в изданном в 1991 г. фотоальбоме [Efimovsky 1991]. Михаил, Алексей и Владимир в это время жили в таком же пансионе для мальчиков.

В середине 1930-х гг. семья поселилась в квартире на улице Клода Матра в Исси-ле-Мулино под Парижем. В дальнейшем жизнь Н.М. Рыгалова во Франции складывалась во многом типичным для русских эмигрантов образом. С 1924 по 1940 г. он работал в парижском

такси. Следующие четыре года — «шофером управления французской железной дороги». С октября 1944 г. по май 1946 г. — «англо-французским переводчиком Союзных войск во Франции». Также до отъезда в СССР в 1948 г. он успел поработать «литературным переводчиком с англ. и франц. языков в Международной конфедерации профсоюзов». (Все эти данные указаны в его советской анкете, на сегодняшний момент проверить их достоверность затруднительно.) В 1939 г. старшая дочь Людмила вышла замуж за В. Вишнякова. Завод, где он работал, был эвакуирован в Марокко, там же в 1940 г. родилась ее старшая дочь Алена, затем младшая Екатерина.

В период немецкой оккупации Франции значительная часть русских эмигрантов и их детей оказались в рядах Сопротивления, в том числе Алексей, Владимир и Михаил. 24 августа 1944 г. во время подготовки Парижского восстания Владимир вместе с соратниками перевозили оружие, машину остановил немецкий патруль, все они были расстреляны на месте. Это произошло в г. Версале, на месте расстрела висит памятная доска. После Второй мировой войны во Франции возникла организация «Союз советских патриотов» (ССП), куда вступило множество эмигрантских детей, в том числе Михаил Рыгалов. ССП насчитывал более десяти тысяч членов и имел свои отделы во всех регионах страны. Кроме того, ССП активно содействовал реабилитации новых русских эмигрантов. М. Рыгалов возглавлял в ССП молодежную секцию. В результате в 1947 г. целая группа активистов этого движения была выслана из Франции в ГДР, откуда попала в СССР, в том числе Михаил. (Подробности этой депортации и жизни после нее описаны в воспоминаниях А.А. Угримова [2004: 33–64].) В 1948 г. Н.М. Рыгалов также принял решение вернуться в Россию, вслед за сыном Михаилом. Людмила и Алексей уже имели собственные семьи, так что вернулся Н.М. Рыгалов с женой и младшей дочерью Марьиной. Они попали сначала в Сызрань, потом довольно скоро перебрались в Саратов. Там Николай Михайлович работал в семинарии, преподавал латынь, греческий и английский язык. В Саратове Михаил женился, окончил педагогический институт. Марьяна уехала в Москву учиться, окончила Библиотечный институт, вышла замуж. В 1957 г. 18 февраля Николай Михайлович Рыгалов скончался в Саратове, вскоре Ольга Алексеевна переехала в Москву к дочери.

«Смена вех» и миф о России

На сегодняшний день я не располагаю достаточным корпусом источников, чтобы восстановить в полной мере те или иные факты биографии Н.М. Рыгалова. Тем не менее нашла свое подтверждение

семейная легенда, согласно которой он «писал статьи» в знаменитый и хрестоматийный эмигрантский журнал «Смена вех», издававшийся в Праге и Париже в 1921–1922 гг.

Имя Н.М. Рыгалова фигурировало в этом издании трижды. В номере 10 напечатано его открытое письмо «О русском добровольном флоте» [Рыгалов 1921: 12–16], в котором он описывает плачевное положение Доброфлота (Торгового флота), а также выступает с резкой критикой функционеров организации, способствовавших незаконной продаже российских судов зарубежным компаниям. Говоря современным языком публицистики, в этом письме его автор вскрывает коррупционную схему. Также подвергается критике (и с его стороны, и со стороны «Смены вех») позиция «белоэмигрантских» изданий («Общее дело» и «Последние новости»), отказавшихся под разными предлогами размещать текст письма. Письмо подписано: «Представитель Добр.Флота — по последней службе — для Индии и Цейлона».

В номере 16 «Смены вех» опубликовано обращение Профессионального союза моряков Российского торгового флота к Н.М. Рыгалову, письмо передано в редакцию им самим. Суть обращения подтверждает справедливость обвинений, выдвинутых Н.М. Рыгаловым ранее. В обращении Союз моряков главным образом выступает против распродажи российских судов и сообщает о бедственном положении моряков в г. Константинополе (Стамбуле), уже в течение года не получающих жалованье. Примечательно, что редакция, комментируя сложившуюся вокруг Добровольного флота ситуацию, выступает с типичной для «Смены вех» позицией: «Ревностные блюстители всяких демократических свобод, пламенные обличители всяких политических пороков, эти органы эмигрантские молчат как убитые, лишь бы не обидеть неосторожным словом расхитителей русского государственного достояния» [Добровольный флот... 1922: 16].

Серия публикаций, посвященных ситуации с Доброфлотом, заканчивается в 19-м номере «Смены вех», где Н.М. Рыгалов подводит неутешительные для себя итоги и вскрывает новые коррупционные схемы: «Пять месяцев обивания порогов канцелярий, редакций, кабинетов, беженских столпов государственности и общественности! Терпеливо, одну за другой, прошел я все существующие в Париже инстанции, протестуя против разорения Добровольного флота... И пройдя всю эту лестницу общественно-политико-демократических организаций, я понял, что за громкими названиями их ничего не скрывается — просто пустое место» [Рыгалов 1922: 20].

История с письмами, опубликованными в «Смене вех», на первый взгляд кажется частностью. Частной историей неравнодушного

гражданина, выразившего праведный гнев против безвластия и все-дозволенности, чemu явным образом способствовали создавшиеся в эмиграции условия. В письмах не предложено какого-либо политического взгляда, оценки, общественной, политической или философской концепции, что было бы логично ожидать в период пореволюционной турбулентности. Эти документы могли бы скорее представлять интерес для исследователей истории Доброфлота. Однако, мне кажется, описанные события важны в первую очередь потому, что в дальнейшем Н.М. Рыгалов фактически повторил путь всех лидеров «Смены вех», вернувшись в Советскую Россию в 1948 г. Тем более что и сам знаменитый сборник и журнал служили основой идеологии «возвращенцев» в Россию [Лысенко 2006]. «Сменовеховцы», как известно, не были настроены против воцарившегося в России большевистского режима, чем выделялись в среде белоэмигрантов, многие из которых по-прежнему были верны идеям монархизма. В какой именно момент Н.М. Рыгалову пришла идея о возвращении на родину — в том же 1922 г., или уже в 1940-х гг. после смерти сына Владимира, или после депортации сына Михаила, — остается лишь догадываться. По всей видимости, существовавшая в среде «сменовеховцев» идеология и миф о России и СССР наряду с не-приятием многих «белоэмигрантских» групп могли стать своего рода руководством к действию, что в случае Н.М. Рыгалова воплотилось в реальность в 1948 г. Также можно предположить, что и интерес у Михаила к ССП и активное участие в жизни организации были продиктованы не только идеализированным представлением о России и СССР, но и атмосферой внутри семьи и взглядами его собственного отца.

По воспоминаниям М.Н. Рыгаловой (Башкировой), в семье существовало правило: в доме все разговоры ведутся исключительно на русском языке, за пределами дома — исключительно на французском. Неукоснительное соблюдение этого правила и наличие как русско-, так и франкоязычной среды позволили детям стать билингвами. Разумеется, жить во Франции в 1920–1940-х гг. без французского языка было довольно затруднительно, если не сказать невозможно. Существовать в рамках исключительно русской диаспоры, вероятно, также было невозможно по причине бедности и необходимости искать средства к существованию вовне.

Русский язык также был необходим родившимся во Франции детям, так как существовала и жизнь внутри диаспоры, при этом весьма интенсивная, связанная с церковной общиной, русскими пансионами и летними лагерями, различными политическими группами [Пасхальный свет... 2014; Онегина 1998; Пучков 2004; Струве

1996]. Кроме того, препятствием для интеграции во французскую жизнь (по крайней мере в детско-подростковом возрасте) была ксенофобия по отношению к русским детям. По воспоминаниям М.Н. Рыгаловой, время от времени французские дети кричали им на улице: «Sale russe va à Moscou!» («Грязная русская, убирайся в Москву!»). В более взрослом возрасте сталкиваться с ксенофобией членам семьи Рыгаловых приходилось все реже, о чем свидетельствует наличие у них не только русских, но и французских друзей. Событием, оказавшим огромное воздействие на идентичность членов семьи Рыгаловых, стала смерть сына Владимира в 1944 г. Несомненно, эта трагедия явилась источником тяжелого травмирующего опыта и могла способствовать идее отъезда из Франции в СССР. В то же время героическая гибель Владимира в ходе восстания стала предметом памяти, связанным с Францией. Таким образом, Франция была для Рыгаловых не только второй (или первой?) родиной, но и страной, вошедшей в семейную историю и память. В «карту памяти» Парижа включались отныне не только символические, значимые для жизни диаспоры места (например, собор Св. Александра Невского на улице Дарю), но и место расстрела и могила члена семьи.

Если в случае отца семейства Н.М. Рыгалова присутствовали воспоминания о России, память и представление о родине, то в случае его детей ситуация была более сложной. Они никогда не видели «настоящей» («большой») России, а если и видели, то исключительно воображаемую, созданную в языке, культуре, православии, в семейном и диаспорном нарративе. При этом во многом элитный характер (речь в данном случае идет о социальном происхождении) русской диаспоры в Париже не вызывал в семье Рыгаловых особой симпатии, а в какой-то мере и способствовал интеграции детей во французское общество. Кроме того, образ исторической родины и презентация русской культуры во многом имели для младшего поколения семьи схематично-символический характер.

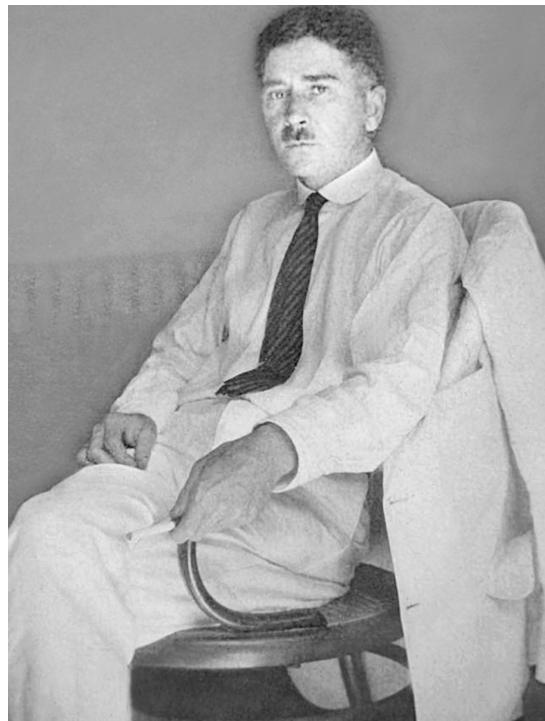
Таким образом, можно предположить, что интеллектуальный контекст, вернее сказать, идейный фон, существовавший в русской диаспоре, оказывал значительное влияние на жизненные стратегии русских эмигрантов во Франции в 1920–1940-е гг. Несомненно, этот фон не служил прямым руководством к действию, но в то же время задавал определенную траекторию жизни для многих членов диаспоры. Изменившиеся в послевоенный период обстоятельства способствовали возвращению некоторых членов семьи Рыгаловых в Россию, на историческую родину. Этнокультурная идентичность и конфессиональная принадлежность, по всей видимости, играли

в данном случае не последнюю роль. Кроме того, старшие члены семьи — Н.М. Рыгалов и О.А. Рыгалова не могли полностью интегрироваться во «французскую жизнь» и потеряли сравнительно высокий социальный статус, которым обладали в России до революции 1917 г. Существовавшее в эмигрантской среде во Франции негативное представление о большевистской России, вероятно, не имело принципиального значения в случае семьи Рыгаловых. В то же время можно предположить, что это представление об СССР при условии более или менее сносной жизни во Франции удерживало многих русских эмигрантов от возвращения на родину. Вне всякого сомнения, тема данного исследования требует привлечения дополнительного комплекса источников и их проработки.

Список литературы

- Добровольный флот и Союз моряков // Смена вех. — 1922. — № 16. — С. 16–17.
Лысенко Е.А. Российская интеллигенция и «Смена вех»: 1921 г. // Омский научный вестник. — 2006. — № 8. — С. 13–18.
- Онегина С.В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е годы // Отечественная история. — 1998. — № 4. — С. 87–99.
- Пасхальный свет на улице Дарю: дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / сост., авт. предисл. и примеч. Николай Росс. — Нижний Новгород, 2014. — 702 с.
- Пучков С.Н. Политический активизм молодежи зарубежной России (1920–1930-х гг.). — Москва: [б.м.], 2004. — 124 с.
- Рыгалов Н. О русском добровольном флоте (письмо в редакцию) // Смена вех. — 1921. — № 10. — С. 12–16.
- Рыгалов Н. Письма в редакцию: А. Бобрищев-Пушкин и Н. Рыгалов // Смена вех. — 1922. — № 19. — С. 19–24.
- Струве Г.П. Русская литература в изгнании. — 3-е изд., испр. и доп. — Париж: YMCA-Press; Москва: Рус. путь, 1996. — 488 с.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
- Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост., предисл. и comment. Т.А. Угримовой. — М.: RA, 2004. — 720 с.
- Efimovsky O. Il était une fois... BRUNOY... QUINCY... Paris, 1991. — 121 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.М. Рыгалов. Париж, начало 1930-х гг. Семейный архив автора.

Дети семьи Рыгаловых. Слева направо: Людмила, Михаил, Алексей, Владимир, Марьяна. 1930 г. Семейный архив автора.

М.Б. Башкиров

Людмила и Владимир Рыгаловы в «русских костюмах». Париж, конец 1920-х гг. Семейный архив автора.

Могила Владимира Рыгалова. Париж.

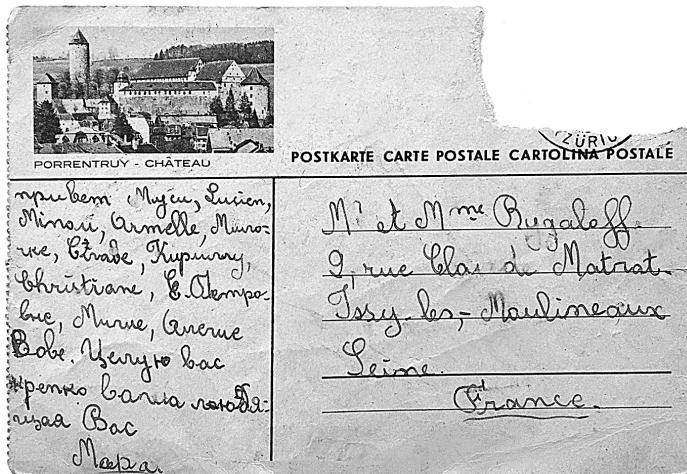

Обложка книги «*Il était une fois... BRUNOY... QUINCY...*», посвященной жизни русской общины в пансионе в Кэнси в 1930-х гг.

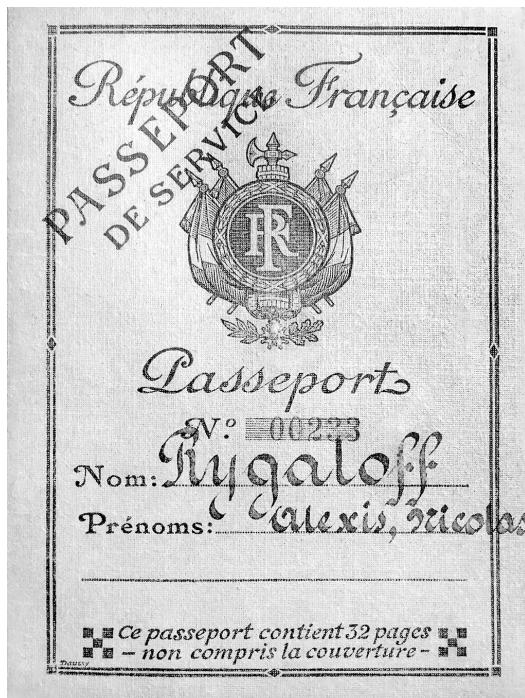

Фотографии, сделанные на о. Цейлон в период службы Н.М. Рыгалова.
Точная дата неизвестна.

М.Б. Башкиров

Почтовая открытка, посланная М.Н. Рыгаловой членам семьи. Вторая половина 1930-х гг.

Заграничный паспорт А.Н. Рыгалова. 1945 г.

УДК 930.85

Б.И. Измайлова,

кандидат исторических наук, заведующий отделом междисциплинарных исследований
Института истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
bahismala@inbox.ru

ТАТАРСКИЕ УЧЕНЫЕ-ЭМИГРАНТЫ В ПОИСКАХ ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена изучению татарскими историками в первой половине XX в. темы национальной идентичности и вопросов национальной истории. Дискуссии вокруг концепции национальной истории в Татарстане в постсоветский период актуализировали интерес к наследию татарских интеллектуалов конца XIX — начала XX в., в том числе историков-эмигрантов, чьи труды в советское время были преданы забвению либо представлены в усеченном виде. Раскрывается тематика трудов первой волны татарских историков-эмигрантов Ю. Акчера и Г. Исхаки, обратившихся к изучению истории волжских татар, и одного из авторов многотомной «Истории тюркских народов», послужившей основой для школьных учебников в Турции, С. Максуди в контексте упадка идеи пантюркизма среди турецких интеллектуалов. Рассмотрена новая волна татарских историков-эмигрантов А. Курата, Г. Губайдуллина, А.-З. Валиди (Тогана), Г. Баттала (Таймаса), Г. Исхаки, А. Немета Курата, Б. Ишболдина и др., которые, овладев европейскими языками, пониманием основных концепций истории и методологических подходов, продолжили комплексные исследования истории татарской нации.

Ключевые слова: тюризм, нация, татары, эмиграция, национальная история, Золотая Орда.

Bakhtiar Izmailov,

*PhD (History), Head of the Interdisciplinary Research Department of Marjani Institute
of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
bahismala@inbox.ru*

TATAR EMIGRANTS-SCIENTIFICS IN SEARCH OF THE ORIGINS OF NATIONAL HISTORY IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the topic of national identity and issues of national history by Tatar historians in the first half of the XX century. Discussions around the concept of national history in Tatarstan in the post-Soviet period actualized interest in the heritage of Tatar intellectuals of the late XIX —

© Б.И. Измайлова, 2021

early XX centuries, including emigrant historians, whose works were either forgotten or presented in a truncated form during the Soviet period. The subject of the works of the first wave of Tatar historians-emigrants Y. Akchur and G. Iskhaki, who turned to the study of the history of the Volga Tatars, and one of the authors of the multivolume “History of the Turkic peoples”, which served as the basis for school textbooks in Turkey, S. Maksudi, in the context of the decline of ideas pan-Turkism among Turkish intellectuals. A new wave of Tatar historians-emigrants A. Kurata, G. Gubaidullin, A.-Z. Validi (Togan), G. Battala (Taymas), G. Iskhaki, A. Nemet Kurat, B. Ishboldin and others, who, having mastered the European languages, understanding the basic concepts of history and methodological approaches, continued comprehensive studies of the history of the Tatar nation.

Keywords: Turkism, the nation, the Tatars, emigration, national history, the Golden Horde.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. тема национальной идентичности и вопросы национальной истории, как и в начале XX столетия, вновь оказались в эпицентре научной и общественной жизни татарской нации. Прерванные драматическими событиями 1917 г. и последующими социально-политическими процессами 1920–1930-х гг. дискуссии татарских интеллектуалов начала XX в. о том, что же такая татарская нация и как происходило ее формирование, обрели второе дыхание на страницах современных научных и публицистических изданий [Исхаков 2009: 7–8]. Как и почти сто лет назад, национальная интелигенция находилась в поисках ответа на смыслообразующий для каждой нации и культуры вопрос «Кто мы?». Этот, казалось бы, сугубо научный и отчасти философский, процесс имел и важную политическую составляющую, поскольку разворачивался в обоих случаях на фоне широкого национального движения и в условиях кризиса российской государственности, связанного с русскими революциями начала века и распадом Советского Союза в 1991 г.

Российские и зарубежные исследователи неоднократно отмечали ключевую роль исторической памяти и национальной истории в конструировании идентичности и формировании актуальных национальных и политических смыслов. Именно история выступает мощным средством воздействия на массы. По мнению французского историка Пьера Нора, память национального государства выкристаллизовывается в исторической традиции и историографии. С этим обстоятельством связывается и традиционно высокий статус исторического знания и востребованность самих историков в период формирования политической нации и подъема национального движения. Подтверждением этому может являться создание в Татарстане Академии наук Республики Татарстан в 1991 г. и гуманитарных

институтов — Института татарской энциклопедии в 1994 г. и Института истории в 1996 г.

Дискуссии вокруг концепции национальной истории в Татарстане в постсоветский период актуализировали интерес к наследию татарских интеллектуалов конца XIX — начала XX в., в том числе историков-эмигрантов, чьи труды в советское время были преданы забвению либо представлены в усеченнном виде. В 1990–2000-е гг. переводятся и издаются труды Ш. Марджани, Х. Атласи, С. Максуди, Х. Габаши, Г. Губайдуллина и др. Однако, по справедливому замечанию исследовательницы Г. Емельяновой, трактовки и интерпретации татарского интеллектуального наследия различными общественно-политическими силами существенно расходятся [Емельянова 1999: 109].

Зарождение исторической науки у татар во второй половине XIX в. неразрывно связано с процессом нациестроительства и написанием собственной национальной истории. Стоит отметить, что данный процесс характерен и для большинства европейских стран, где институциональное оформление исторической науки совпало со становлением государства-нации, а написание национальных историй напрямую связано со стремлением легитимизировать существование собственной нации [Чеканцева 2017: 54].

Основой формирования татарской исторической мысли послужили труды татарских интеллектуалов, таких как Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Х. Атласи. Татарская историография XIX — начала XX в., следовавшая своей традиции, описывала историю казанских татар, опираясь главным образом на тюркский фольклор и арабские письменные исторические документы, а также на народные генеалогии-шежере и частично на труды русских историков и русские летописи. Оценивая национальную историографию конца XIX — начала XX в., можно констатировать ее неоспоримые успехи, самым главным из которых следует признать само формирование исторической дисциплины у татар, хотя, конечно, уровень науки был невысоким и не мог сравниться не только с европейскими стандартами, но и с уровнем русской исторической науки. Повествование о событиях прошлого зачастую представляло собой эмоциональный рассказ с нравственной оценкой поступков исторических деятелей.

Наибольшей концептуальной четкостью и научностью выделяются труды татарского ученого Шигабутдина Марджани (1818–1889 гг.), который стоял у истоков не только современной татарской историографии, но и татарской идентичности. Понимая, что обретение прошлого является важнейшим этапом становления национального самосознания, Ш. Марджани в труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали

Казан ва Булгар» («Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара») изложил свою концепцию татарской истории, начиная ее с истории булгар и различных тюркских народов, а эпоху Золотой Орды представил в качестве важнейшего этапа развития. Именно его риторическое обращение к читателю «Кто же ты, если не татарин?» задало тон дискуссии о национальной идентичности. Во многом труд Ш. Марджани определил смысл и формат споров, которые развернули его последователи и потомки вплоть до современности.

Обращение татарских интеллектуалов первой четверти XX в. к ключевым этапам истории татар в немалой степени было обусловлено особой политической актуальностью, когда остро встал вопрос о самоопределении народностей и об автономии отдельных частей России. Как писал казанский историк Н.Н. Фирсов: «...истинное право на автономию политическую может дать лишь прошлое области, ее история» [Фирсов 1926: 3]. Уже во время революции 1905–1907 гг. происходит переход общественного движения российских мусульман в политические формы. В этот период вырабатываются проекты автономии, происходит создание татарских общественных организаций различного толка, органов печати, проводятся общероссийские мусульманские съезды и региональные меджлисы [Хабутдинов 2008: 116]. Во всех этих процессах ведущую роль играли татарские интеллектуалы, представившие основные положения татарской идеи и национальной идентичности.

Если в 90-е гг. XX в. основная дискуссия о самоидентификации татарской нации развернулась вокруг роли и места булгарского средневекового этноса в истории татарского народа, то в дореволюционный период палитра мнений об основе самосознания татар была гораздо шире и в качестве этнонимов выдвигались термины «мусульмане», «тюрки» и «татары». По мнению Г. Емельяновой, несмотря на существенные расхождения в трактовке татарской идеи и татарской идентичности, представители татарской элиты делали акцент на одном из трех элементов татарской идентичности — татаризме, тюркизме и исламизме [Емельянова 1999: 118]. Эти термины противостояли родовым, региональным и конфессиональным идентичностям, а основной задачей татарских интеллектуалов было нациестроительство.

С 1900 по 1910 г. в Казани вышел целый ряд исторических сочинений, посвященных тюрко-татарской истории, прежде всего в форме учебников. По подсчетам известного историка А.Г. Каримуллина, только в 1913 г. общее количество татарской книжной продукции составило 539 изданий [Каримуллин 1974: 250]. В эти годы были опубликованы труды по татарской истории Г. Ахмарова — «История

Булгара» и «История Казани», Х.-Г. Габаши «Подробная история тюркского народа», А.-З. Валиди «Тюркская и татарская история». В медресе Волго-Уральского региона появляются учебные курсы по истории тюркских народов. В Казани в медресе «Мухаммадия» в 1904–1905 гг. курс преподает Ю. Акчура, в Апанаевском медресе в 1909–1910 гг. — А.-З. Валиди [Хабутдинов 2008: 157].

Казанские миссионеры чутко уловили новую тенденцию среди татар, констатируя, что за татарским общественно-политическим движением стоит исследование нации и создание концепции национальной истории [Хабутдинов 2008: 157]. При этом, несмотря на идейные различия «татаристов» и «туркистов» в начале XX в., в татарском обществе большую значимость приобрели представления о культурно-историческом единстве тюркских народов. Основной акцент в изучении истории переносится на историю тюрок. В качестве важнейших содержательных компонентов татарской национальной идеи выдвигаются общая тюркская история и знаковые места исконного расселения, обосновывается самобытность народа и его непохожесть на другие нации. Обращение к национальной культуре и возрождение интереса к национальному языку, воскрешение памяти о былом величии народа, его золотом веке в виде независимых тюрко-татарских государств, таких как Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство, способствовали формированию национального татарского самосознания.

После прихода к власти большевиков в 1917 г. и провала попыток создания автономных тюрко-татарских национальных образований произошло разделение татарской интеллигенции. Часть эмигрирует и переносит идеи о единстве тюркской нации на новую родину — в Турцию, а часть остается в Советской России.

Провозглашенное после Октябрьской революции 1917 г. большевиками право наций на самоопределение, создание национально-территориальных автономий и национальных республик пробудили интерес к истории отдельных народов Советского государства. Значительным шагом вперед в изучении истории татарского народа стало создание в Казани в 1921 г. Академического центра при Наркомпросе ТАССР и целого ряда краеведческих обществ. Начинается ощутимый всплеск научного интереса не только к новым проблемам научного познания, но и к этнической истории татар. Этот период связан прежде всего с изменением концептуальных основ отечественной исторической науки и утверждением марксистской методологии в исследованиях историков.

К этому времени относится и появление знаковых для истории татарского народа работ крупнейшего татарского историка 20–30-х гг.

XX в. Газиза Салиховича Губайдуллина [1925, 1926]. Предпринятый им анализ истории татарского народа производился на основе обновленного подхода, учитывающего методологические позиции, разработанные исторической наукой первой трети XX в., с опорой на широкое привлечение впервые введенного в научный оборот архивного материала, что в итоге позволило создать более сложную и полноценную картину прошлого татар. В своих исследованиях Г.С. Губайдуллин подробно останавливался на истории средневековых тюрко-татарских государств, таких как Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство.

К сожалению, эти положительные тенденции в становлении татарской исторической школы и новой концепции истории татарского народа и Казанского ханства были прерваны насильственным путем. Усиление идеологического диктата и тотального контроля за «чистотой идеологии», борьба с «татарским буржуазным национализмом» привели к закрытию Академического центра и других центров краеведения в Казани. В начале 1930-х гг. был закрыт исторический факультет Казанского университета и Общество археологии, истории и этнографии.

К концу 30-х гг. XX в. в отечественной исторической науке начинает утверждаться формула «Царизм — тюрьма народов», приведенная в «Замечаниях о конспекте учебника новой истории» И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова. В связи с изменившейся политической конъюнктурой в стране изменилась и оценка деятельности многих ученых. В новых политических реалиях историческая концепция, опиравшаяся на широкое понимание истоков татарского народа, оказалась под фактическим запретом, а имена многих ученых и их идеи надолго были преданы забвению. Начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее заметных татарских историков и гуманитариев — Х. Атласи, Г. Губайдуллина, Али Рахима, С. Вахиди, Г. Шарафа, Н. Нигмати и многих их коллег и учеников. Это привело к тому, что исторические исследования, посвященные тюркским государствам, и особенно Золотой Орде, практически прекратились. На месте этой «выжженной пустыни» конструкторы советского общества стали возводить свою теорию прошлого татар, основанную на их булгарском происхождении.

Татарская историческая мысль, по сути дела, сохранялась лишь в эмиграции, где плеяда историков пыталась создавать труды по татарской истории. Сторонники тюркского единства эмигрировали в Турцию еще после 1907 г., когда усиливались имперские тенденции в российской внутренней политике. В первую очередь это связано

с именем татарского общественного деятеля и одного из основоположников политического пантюркизма Юсуфа Акчуры. В 1908 г., чтобы избежать преследования со стороны царских властей, он уезжает в Турцию, где впоследствии становится советником президента Турции Кемаля Ататюрка по вопросам культуры и политики. С 1911 г. Ю. Акчуря состоит редактором журнала «Тюрк йурду» («Тюркская родина»), на страницах которого обращается к истории поволжских татар.

В 1924 г. в Турции оказывается и видный общественный деятель Садри Максуди. Здесь он участвует в написании четырехтомного фундаментального труда «История тюркских народов», ставшего базовым для учебников по истории в общеобразовательных учреждениях Турции [Гайнанова 2019: 69].

С другим татарским писателем и историком Гаязом Исхаки связано появление на Дальнем Востоке пантюркистской газеты «Милли Байрак», издававшейся с 1933 по 1945 г. [Гибадуллина 2018: 189]. Газета призывала к воссозданию татарского государства и указывала на его историческую преемственность с Казанским ханством.

Тем не менее в самой Турецкой Республике идеи пантюркизма постепенно сходят на нет. Если для татарской интеллигенции тюрканизм в первую очередь отвечал их политическим целям и способствовал этноконфессиональной консолидации российских тюрок вокруг казанских татар, то в Турции он должен был служить формированию молодой турецкой нации. Как отмечается исследователями, национализм Ататюрка заканчивался на границах Турции [Гилязов 2015: 278]. Историки под давлением турецких политиков начали целый ряд нетюркских народов считать тюрками. В ответ на это Садри Максуди написал письмо Ататюрку, в котором указал, что необходимо по возможности свести к минимуму лингвистические доказательства в тех случаях, когда отсутствуют другие источники [Гайнанова 2019: 69–70].

К числу историков-эмигрантов новой волны относится и Акдес Курат, родившийся в 1903 г. в д. Беркет-Ключ Мензелинского уезда Уфимской губернии. Наиболее полно и четко воззрения А. Курада отражены в его работах по истории Казанского ханства, опубликованных в 1937 и 1954 гг., а также в монографии, вышедшей уже после его смерти в 1971 г. под названием «Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв.» [Курад 2015].

Несмотря на сложность получения новых книг из Советского Союза, А. Курад продолжал следить за новейшими работами по

истории татарского народа. В то же время, не имея возможности находиться в постоянном научном контакте со своими коллегами из России, он был вынужден полагаться на наиболее значимые работы по этой теме, в частности исследование Михаила Худякова «Очерки по истории Казанского ханства».

Большую роль в истории Акдес Курат придавал торговым путям. В этой концепции ключевое значение имело представление о Среднем Поволжье как месте пересечения торговых путей между Европой и Азией. За обладание этим ключевым торговым пунктом и шла постоянная борьба между крупнейшими государствами Восточной Европы. Волжский торговый путь, которым поочередно владели Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство, не только позволял взять под контроль транзитную торговлю между Европой и Азией, но и способствовал появлению мощного торгового класса — основного движущего элемента каждого государства. От степени развития и активности торгового сословия зависело экономическое благополучие каждого государства.

Историю Казанского ханства Акдес Курат рассматривал в контексте противостояния с Московским государством. Казанскому ханству он отводил роль форпоста, который сдерживал агрессивные планы Московского государства. Особое внимание Акдес Курат уделил последствиям падения Казанского ханства. По его мнению, падение Казани и контроль Волжского пути привели к тому, что Россия начала напрямую угрожать территориям Османской империи [Курад 2015: 194]. Как пишет Акдес Курат, Волга превратилась в «русскую реку», основу экономического могущества Российского государства.

Таким образом, в 1930-е гг. появляется новая плеяда татарских историков. При всей несходности судеб Газиза Губайдуллина в СССР и Акдеса Курага в Турции с их именами связан новый этап формирования татарской исторической мысли. В этом смысле они являются собой яркий образец профессионального татарского историка 20–30-х гг. XX в., обладающего прекрасным европейским образованием, знанием европейских языков, пониманием основных концепций исторической науки и методологического аппарата. К сожалению, глубокое и многоплановое исследование прошлого татарскими историками было прервано в годы советской власти и сохранилось лишь в эмиграции, в Турции. Здесь оно продолжало развиваться в работах А.-З. Валиди (Тогана), Г. Баттала (Таймаса), Г. Исхаки, А. Нимета Курага, Б. Ишболдина и др.

Список литературы

- Гайнанова М.Р.* Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.). — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. — 176 с.
- Гибадуллина Л.Ю.* Татары в Японии: по материалам газеты «Милли Байрак» // Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность: сб. науч. тр. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — Вып. 2. — С. 189–195.
- Гильязов И.А.* Тюркский фактор во внешней политике Германии накануне и в первые годы Второй мировой войны // История Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. (г. Анкара, 10–12 октября 2011 г.). — Анкара: Турецкое историческое общество, 2015. — Т. 2. — С. 275–305.
- Губайдуллин Г.С.* Из истории торгового класса приволжских татар // Изв. Восточного ф-та АзГУ. Востоковедение. — Баку, 1926. — Т. 1. — С. 49–74.
- Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана (сб. ст.) / под ред. Г.Г. Ибрагимова и Н.И. Воробьева. — Казань, 1925. — Вып. 2. — С. 71–111.
- Емельянова Г.* К вопросу о национальной самоидентификации волжских татар в конце XIX — начале XX века: татаризм, тюркизм и исламизм // Мир ислама. — 1999. — № 1. — С. 109–122.
- Исхаков Д.М.* К вопросу о концепции национальной истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. — С. 5–18.
- Каримуллин А.Г.* Татарская книга начала XX века. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. — 319 с.
- Курат А.Н.* Собрание сочинений. Кн. 2: Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — 416 с.
- Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). — Казань: Фэн, 2005. — Ч. 1. — 255 с.
- Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии: краткий научно-популярный исторический очерк. — Казань, 1926.
- Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от Средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX в.). — Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. — 214 с.
- Чеканцева З.А.* Память и национальная идентичность в исторической культуре Франции // Диалог со временем. — 2017. — Вып. 59. — С. 54–80.

ПРИЛОЖЕНИЕ

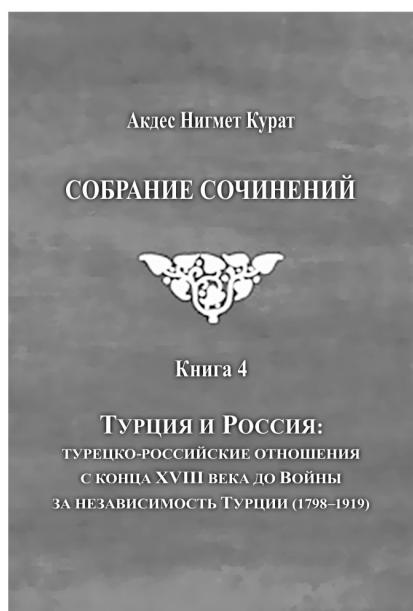
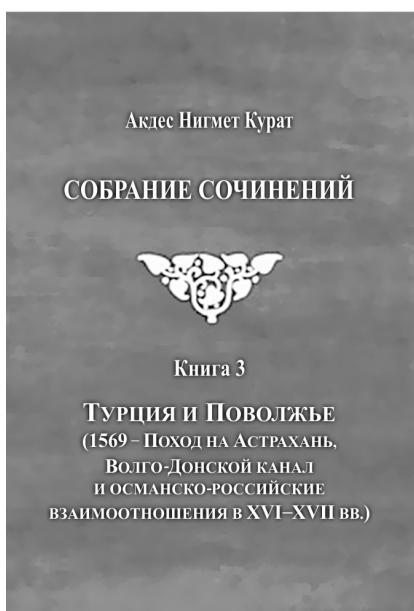
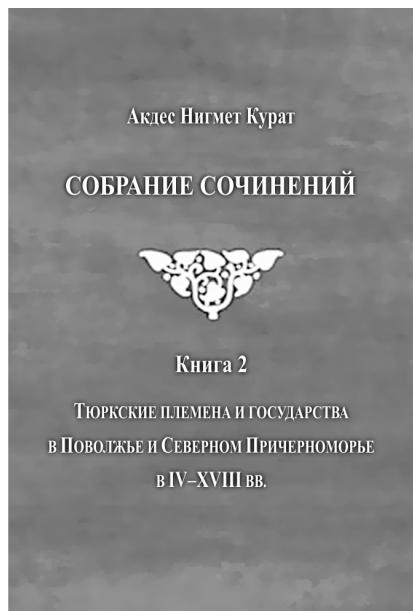
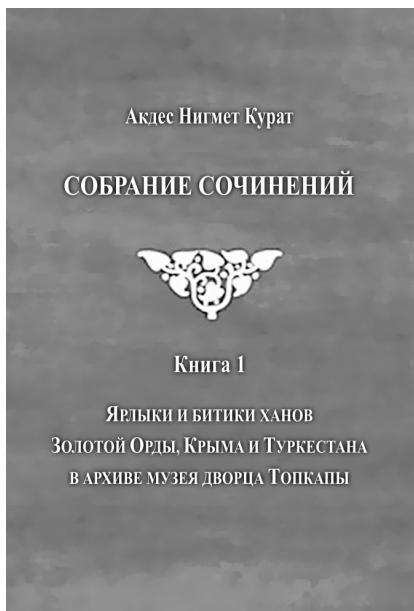
А.Н. Купар (1903–1971).

С.Н. Максудов (1878–1957).

Ю.Х. Акчурин (1876–1935).

Собрание сочинений А. Курата, переведенное и изданное в Казани в 2014–2015 гг.

Б.И. Измайлова

Книга С. Максуди «Тюркская история и право», вышедшая в 1947 г. в Стамбуле.

Турецкое переиздание 1978 г. книги Ю. Акчура «Тюроклизм».

УДК 325.254.5:32(=512.157)

E.P. Антонов,

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия
Antegor@yandex.ru

ЯКУТСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Аннотация. В статье рассказывается о создании в Библиотеке Конгресса США славянского отдела как важного интеллектуального центра русской и якутской письменной литературы. Воспоминания охарактеризованы как важный вид персональной истории в контексте эпохи войн и революций. Сформулирован вывод о том, что информаторы способствовали развитию тюркологии в скандинавских странах. Рассмотрена деятельность М.З. Винокурова, которая способствовала составлению в Якутии библиографии иностранной литературы. Предпринята попытка реконструкции литературной интерпретации трагических событий революции и Гражданской войны, зарождения политических идей паназиатизма, направленных на консолидацию азиатских народов вокруг милитаристской Японии в рамках противостояния западным странам и Советскому Союзу. Показано, как личная переписка разнообразной тематики повлияла на генезис коммуникативного сообщества якутских эмигрантов.

Ключевые слова: якутская эмиграция, интеллектуальное наследие, Библиотека Конгресса, воспоминания, информаторы, литературные произведения, политическая платформа, паназиатизм, публицистика, переписка.

Egor Antonov,

*PhD (History), Associate Professor, Leading Research Fellow
of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of SB RAS, Yakutsk, Russia
Antegor@yandex.ru*

YAKUT EMIGRATION: INTELLECTUAL HERITAGE

Abstract. The article deals with the creation of the Slavic department within the US Library of Congress, as an important intellectual center of Russian and Yakut written literature. Memories are characterized as an important type of personal history in the context of the era of wars and revolutions. The conclusion is made that the activities of informants contributed to the development of Turkic studies in the Scandinavian countries, and the activities of M.Z. Vinokurov — compiling a bibliography of foreign literature in Yakutia. An attempt was made to

reconstruct the literary interpretation of the tragic events of the revolution and the Civil War, the emergence of political ideas of pan-Asianism, aimed at consolidating the Asian peoples around militaristic Japan in the framework of the confrontation between the Western countries and the Soviet Union. It is shown how personal correspondence on various topics influenced the genesis of the communicative community of Yakut emigrants.

Keywords: Yakut emigration, intellectual heritage, Library of Congress, memoirs, informants, literary works, political platform, pan-Asianism, journalism, correspondence.

Введение

Актуальность темы исследования связана с тем, что интеллектуальное наследие якутских эмигрантов практически не изучено и даже не выявлено в полной мере. Между тем интеллектуалы Якутии оставили своеобразный след за рубежом, масштабы которого еще предстоит выяснить. Оказавшись рассеянными в различных странах мира, они тем не менее сумели создать «незримый колледж», интеллектуальное сообщество и творили во имя сохранения своей национальной идентичности и культуры.

В историографии темы следует отметить работы Д.А. Алексеева [2009], О.Р. Демидовой [2014], Н.Н. Козновой [2011], которые проанализировали воспоминания и мемуары эмигрантов из России. Объектом исследования В.Ю. Волошиной и В.П. Корзун стали научные труды русских беженцев [Волошина, Корзун 2019]. М.И. Косорукова [2004] рассмотрела литературные произведения, статьи в периодической печати и эпистолярное наследие, а И.В. Чапыгин [2006] — художественную литературу эмиграции. Вызывает интерес труд Л.Н. Ляпсенковой [2008], посвященный созданию библиотек переселенцами.

В историографии Якутии О.Д. Якимов [1995], В.А. Самсонова [2002], М. Яковлева [2016] изучали создание эмигрантом М.З. Винокуровым богатой русской коллекции в Библиотеке Конгресса США, которая включала в себя якутские книги, журналы и газеты. Н.В. Вишневский [2013] рассмотрел политическую паназиатскую платформу эмигранта Д.П. Винокурова. М.С. Иванов — Багдарыын Сулбэ дал оценку воспоминаниям эмигранта М.Ф. Корнилова [Багдарыын Сулбэ 1992], а В.Е. Васильев — Харысхал начал изучение газетных и журнальных статей эмигранта А.А. Рязанского [Харысхал 2015].

Как видим, предметом изучения стали отдельные виды интеллектуального наследия — воспоминания и мемуары, литературные произведения, научные труды, но в обобщенном виде оценка интел-

лектуальному наследию до сих пор не дана в историографии не только Якутии, но и России.

Целью статьи является попытка оценить воспоминания, научные исследования, художественные опыты и переписку якутских эмигрантов в контексте интеллектуальной истории русского зарубежья.

В качестве методологии исследования использованы достижения интеллектуальной истории, успешно разрабатываемые российскими историками под руководством Л.П. Репиной, по мнению которой «изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу способов их формулирования в соответствующих текстах и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, а также к судьбам их творцов — интеллектуалов и интеллектуальных сообществ, которые выступают в качестве создателей, хранителей, интерпретаторов и трансляторов той или иной интеллектуальной традиции» [Репина, Мягков 2014: 138]. Е.М. Макаренкова представила историю русского зарубежья как яркий пример встречи культур и цивилизаций в мире и напрямую связала адаптацию россиян в изгнании с особенностями их менталитета, обеспечивающими сохранение и развитие культуры, традиции, обрядов, веры и языка. Отсутствие национальной замкнутости, открытость характера, терпимость к межэтническим бракам способствовали, по ее мнению, развитию национально-культурной идентичности русских в инонациональном и инокультурном социуме [Макаренкова 2007: 242–243].

**Формирование отдела славянской литературы
Библиотеки Конгресса — интеллектуального центра
русского и якутского письменного наследия**

В рамках различных корпоративных сообществ русской эмиграции формировалось мемориальное пространство Русского мира и одновременно осуществлялась важная миссия по сохранению исторической памяти о событиях, сыгравших решающую роль в судьбе целого поколения людей, покинувших свою Родину, но при этом не прервавших с ней духовных и исторических связей [Мосейкина 2019: 93]. И одним из таких важных центров сохранения и развития исторической памяти и идентичности стали библиотеки, созданные эмигрантами из России.

Русские библиотеки оказались важнейшими компонентами научной и культурной инфраструктуры не только эмиграции, но и

стран-реципиентов. Выходя за рамки чисто книжной работы, библиотеки принимали широкое участие в культурной жизни российских «колоний», воспитывали молодое поколение зарубежной России. Несмотря на трудности эмигрантского существования, они помогали сохранять русскую культуру, русский дух, язык и передать это богатство молодежи. Русские библиотеки, к примеру, в Китае внесли неоценимый вклад в процесс социально-культурной адаптации беженцев, сохранение отечественных образовательных и научных традиций, в развитие библиографии, теории и методики библиотечного дела [Ляпсенкова 2008: 24–25].

Несомненно, выдающейся исторической заслугой одного из ярких представителей якутской эмиграции Михаила Зиновьевича Винокурова стало создание славянского отдела Библиотеки Конгресса США. На момент приезда супружеской четы Винокуровых в 1921 г. в США фонды этого книгохранилища отличались крайней скучностью именно русской литературы. 15 ноября 1921 г. при содействии Русской православной церкви М.З. Винокуров получил должность ассистента [Пирс 1992: 161, 163; Якимов 1995: 66–67]. В результате к 1944 г. фонды Библиотеки Конгресса были пополнены 923 ящиками с книгами, газетами, журналами, фотографиями и документами Русского посольства в США [Пирс 1992: 162–163].

По подсчетам американских библиографов, Михаил Зиновьевич составил 300 карточек русскоязычных работ об Америке; 700 карточек трудов русских эмигрантов, опубликованных в США; 200 карточек русскоязычных детских книг; 700 карточек материалов Аляскинской церковной коллекции; 382 карточки, а по другим данным — свыше 500, книг Русской православной церкви, полученных Библиотекой Конгресса из Аляски в 1940 г. Имеются также такие картотеки, как «Аляскинская библиография», картотека русских эмигрантов с указанием ФИО, датой рождения, занятием и другие, еще не изученные [Самсонова 2019: 13].

В 1927 г. М.З. Винокурову удалось обнаружить и добиться спасения старинного архива Аляскинского духовного управления, находившегося в подвале церкви Святого Николая в Нью-Йорке. Изучение архива открыло ему новые горизонты в исследовании истории русской Аляски [Яковлева 2016: 32]. В общей сложности из архива было передано в Библиотеку Конгресса 702 коробки с ценнейшими документами [Пирс 1992: 162–163]. В конце 1928 г. в Филадельфии вышла статья Михаила Зиновьевича с призывом ко всем эмигрантам собрать воедино интеллектуальное наследие русской эмиграции в Америке.

В 1940 г. наконец-то состоялась поездка М.З. Винокурова на Аляску, куда он пытался приехать еще с 1925 г. Там ему удалось собрать 150 коробок с различными документами, из которых 50 были отосланы в архив Института Г. Гувера, а 100 планировалось отправить в Якутскую АССР. Так была предотвращена гибель исторических ценностей, проливающих свет на российско-американские связи. Православный храм на острове Кодяк с богатым архивом, куда Михаила Зиновьевича отказались впустить в 1940 г., сгорел дотла в 1943 г. [Борисова 2001; Пирс 1992: 164; Якимов 1995: 68–69, 71–72, 76, 78–79, 85].

Особый интерес представляет часть коллекции М.З. Винокурова «Якутский народ и язык», где находились следующие книги: «Букварь для якутов» (Казань, 1897) и «Сурук-бичик» («Письмо-буква») на латинской графике С.А. Новгородова (СПб., 1917), «О языке якутов» О.Н. Бетлингка, «Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности» П.П. Хороших (Иркутск, 1924); «Образцы народной литературы якутов», «Словарь якутского языка» и «Якутские пословицы» Э.К. Пекарского; «Остатки старинных вे-рований якутов», «Падежные суффиксы в якутском языке», «Грамматика якутского языка» С. Ястремского. Имелась научная литература по итогам экспедиций: «Заметки по гидрографии» 1914 г., Отчет об исследовании устья р. Лены в 1912 г., том IV «Трудов Комиссии по изучению Якутской АССР», куда вошли «Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов» Д.М. Павлинова, Н.А. Виташевского и Л.Г. Левентала (Л., 1929).

В коллекции М.З. Винокурова представлены и другие книги по якутской тематике: Н. Шукина «Поездка в Якутск» (СПб., 1844); «Краткая священная история» на якутском языке (Якутск, 1867); Н.Д. Юргенса «Экспедиция к устью р. Лены с 1881 по 1885 г.», А. Маныкина-Невструева «Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки. Очерк» (М., 1883); «Обзоры Якутской области» за 1908 и 1909 гг. с планом областного города; П. Нифантьева «Первобытные грамотки. Рассказ из жизни юкагиров» (СПб., 1912), Н.Е. Олейникова «Усть-Янские рассказы. Из жизни севера Якутской области» (Якутск, 1914); издания по религии и духовности, осуществленные переводческой комиссией в г. Якутске в 1914 и 1915 гг.; серии книг на якутском языке по здравоохранению, животноводству и оленеводству, выпущенные Центральным издательством народов СССР в 1924–1925 гг.

В коллекцию М.З. Винокурова вошли периодические издания, вывезенные им за границу: «Бюллетень Якутского Совета рабочих депутатов», «Бюллетень столичного комитета г. Якутска», «Еврейские

письма», «Якутская окраина», «Якутская жизнь», «Якутское хозяйство», «Юный пролетарий», «Юный товарищ» и др., издававшиеся в г. Якутске с 1914 по 1918 г. Кроме них, имелись газеты и журналы из других регионов: «Камчатский вестник», издававшийся в Петропавловске-Камчатском, «Енисейское слово» (Красноярск), литературный журнал «Иркутская незабудка» [Самсонова 2002: 55–56].

Нью-йоркская ежедневная газета «Новое русское слово» от 3 мая 1931 г. высоко отзывалась о коллекции М.З. Винокурова как «о самом сильном монументе, созданном русскими культурными силами Америки за многие годы» [Пирс 1992: 163]. В общей сложности с 1921 по 1956 г. благодаря усилиям якутского эмигранта М.З. Винокурова в Библиотеке Конгресса США была собрана богатейшая библиотека русских изданий числом более 120 тыс. наименований [Яковлева 2016: 30].

Воспоминания якутских эмигрантов

Эмиграция как бытие в ситуации экзистенциального разлома располагает к воспоминаниям и размышлениям о прошедшем. Насильственно вырванный из привычного хода жизни обстоятельствами внешнего порядка и вынужденный начинать ее заново и практически с нуля в пространстве иной, чуждой ему культуры, эмигрант неизбежно возвращается мыслями в прошлое, пытаясь осмыслить настоящее и обрести (или сохранить) себя в новых условиях. К мемуаристике рано или поздно обращались представители всех бывших российских сословий, социальных слоев, этнических групп и профессий [Демидова 2014: 241–242].

В условиях эмиграции, оторванности от русской культуры, традиций быта и привычного образа жизни понимание мемуаров как способа трансляции национальной памяти обострялось и приобретало доминантный характер. Важным побудительным мотивом обращения мемуаристов к генеалогическим сюжетам являлось стремление передать потомству информацию о своем сословии, родственных связях, семейной культуре. Часто создание воспоминаний понималось как возможность сохранения обычаем и национальной самоидентификации [Алексеев 2009: 15–16].

Значимость мемуарного текста для историка культуры не зависит от того, насколько публичной фигурой являлся его создатель, или зависит в режиме «от противного». Часто мемуары частных лиц, хранящиеся в официальных архивных собраниях или в семейном архиве, представляют не меньший, если не больший интерес, чем воспоминания известных персон, так как создатели подобных вос-

поминаний, как правило, менее сосредоточены на себе и более внимательны к окружению, подмечая его мельчайшие детали и подробности. И нередко воспоминания «просто эмигрантов» воссоздают атмосферу эпохи, течение жизни, ход событий, характеры, общий фон описываемого более широко, тонко и убедительно, чем тексты их знаменитых современников [Демидова 2014: 242].

Личностное восприятие истории страны как истории собственной жизни, жизни своей семьи, близких — весьма характерная особенность мемуаров русских беженцев первой волны. История Отечества воспринималась эмигрантами не только через анализ событий прошлого, но и через оценку роли ключевых исторических личностей [Кознова 2011: 20].

Якутский эмигрант М.Ф. Корнилов 22 августа 1935 г. составил очерк «Моя биография и мое воспоминание, откуда и как очутился [в] Финляндии», где рассказал о своем происхождении из Бордонского рода Абагинского наслега Олекминского округа Якутской области. Поведал о сети начальных учебных заведений, об отсутствии до революции 1917 г. национальной школы, о 10 процентах грамотного населения Ленского края и о том, как он учился у политсырьевого, а затем окончил начальное училище. Основными хозяйственными занятиями олекминчан назвал хлебопашество, скотоводство, охотничий промысел, извоз продуктов и сена на Ленские золотые прииски и в конце подчеркнул зажиточность родной семьи и в целом жителей Олекминского округа [Багдарын 1995: 45; Национальный архив Финляндии: 1].

В шведском городе Упсала 21 июня 1950 г. профессор Бьерн Колиндер записал на магнитофон речь еще одного якутского эмигранта, 51-летнего С.К. Старостина. Запись хранится в Институте изучения фольклора и диалектов в г. Упсала. Часть записи была передана в Институт сравнительной лингвистики Лейденского университета в Голландии. Якутский эмигрант подробно и обстоятельно поведал о месте своего рождения и семье, особенностях менталитета, занятиях скотоводством, земледелием, охотничим, рыболовным, торговым промыслами, климате, аласном типе расселения, путях сообщения, жилище, пище, одежде якутов [Багдарын 1995: 33–40].

Именно в эмиграции, в результате разлома культурных традиций и вынужденного исхода, зарождается чувство служения потерянной родине, русскому народу, а также идея сохранения традиционного образа Отечества в условиях инокультурного пространства. Это предопределило поиск изгнанниками иных форм культурной интеграции, способствующих осознанию в диаспоре «русскости», осознанию, что именно они, эмигранты, являются подлинными представителями якутской культуры.

вителями многовековой истории России, попранной режимом большевиков [Ситниченко 2008: 16].

В своих воспоминаниях якутский эмигрант М.Ф. Корнилов говорил о первом прибытии в г. Якутск «красных карателей» А.С. Рыдзинского из числа «бодайбинских хулиганов, головорезов». Окончательное установление советской власти в Якутии в 1919 г. сопровождалось насильтственными действиями представителей низших классов и пришлых элементов, которые отбирали у имущих скот, одежду, пушнину и золото, а в случае отказов чекисты «избивали шомполами до полусмерти и до смерти». Разгром массового повстанческого движения якутов в 1922 г. объяснялся прибытием из центра многочисленных красноармейских частей с артиллерией, а переход на сторону советской власти мятежников — «хитрой политикой амнистии». Продолжавшиеся в период нэпа произвол властей и гонения национальной интеллигенции стали причиной возникновения тайного союза во главе с П.В. Ксенофонтовым и В.В. Никифоровым (на самом деле В.В. Никифоров не был причастен к заговору). Массовые аресты спровоцировали вооруженное выступление конфедералистов, занявших несколько улусов и объявивших самостоятельное Якутское областное управление. Активизация карательных отрядов и обманное обещание амнистии привели к прекращению мятежа, а затем к масштабным репрессиям в отношении сдавшихся в плен, национальной интеллигенции и других представителей якутского народа [Национальный архив Финляндии: 2–4].

Научное наследие якутских эмигрантов

В эмиграции изменилась роль научной интеллигенции, которая превратилась в своего рода мозговой центр диаспоры. Теперь, когда способом выживания эмигрантов стало сохранение национальной идентичности, пропаганда исторических знаний, культурно-воспитательная работа, направленная на формирование исторической памяти, проводимая учеными, создает единое духовное пространство и способствует формированию социокультурного феномена русско-го зарубежья [Волошина, Корзун 2017: 42].

Якутские эмигранты М.Ф. Корнилов, С.К. и Е.Е. Старостины официально вступили в члены Угро-финского научного общества Финляндии и Швеции [Багдарын 1992: 68]. В Национальном архиве Финляндии сохранились рукописи переводов с бетлингковского (адъюнкт Императорской Российской академии наук О.Н. Бётлингк в 1851 г. издал труд «О языке якутов», ставший главным пособием по изучению якутского языка) на новгородский алфавит (С.А. Новгоро-

дов — автор изданного в 1917 г. букваря, где якутская письменность основана на международной фонетической транскрипции на латинице) якутского фольклора, где под олонхо «Хаан Дъаргыстай» («Яростный Дъаргыстай») стоит подпись Корнилова, а «Урааныкаан обонньор» («Старик Ураныкан») и «Бэрт Хара» (имя якутского богатыря), записанные тем же почерком, подписаны именем Сычах. Сычах — это, скорее всего, псевдоним Михаила Федотовича. «Хаан Дъаргыстай» записан на 103 страницах аккуратным и разборчивым почерком, «Урааныкаан обонньор» — на 8 страницах и «Бэрт хара» — на 15 страницах. Перевод датирован 3 августа 1933 г. [Национальный архив Финляндии].

Эта работа информантом М.Ф. Корниловым была проделана за зарплату по заданию известного финского алтайста Густава Рамстедта (1873–1950), который проанализировал грамматические формы тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейских языков и на основе лингвистических закономерностей разработал общую формулу общеалтайского языка-основы. Вероятно, по рекомендации профессора якутский эмигрант и стал членом Угро-финского научного общества Финляндии [Антонов, Антонова 2019: 236].

Ранее якутские сказки, предания, пословицы, олонхи «Старик Ураныкан», «Бэрт Хара», «Старик и старуха» и «Хаан Дъаргыстай», эпическое время которого охватывает три поколения якутских богатырей — Урунг Уолан, Күүстээх Бөбө и Хаан Дъаргыстая, были записаны еще в 1869 г. политссыльным И.А. Худяковым и якутским краеведом Н.С. Гороховым. Рукопись «Верхоянского сборника», куда вошли вышеуказанные фольклорные тексты, была передана якутскому губернатору, который в свою очередь передал ее в местный статистический комитет [Худяков 1969: 15–16]. Записывавший образцы якутского фольклора Н.С. Горохов отправлял свои работы в филиал Императорского Русского географического общества в Иркутске. Из них первая часть якутской сказки «Юрюнг уолан» («Белый юноша») на русском языке была опубликована в 1885 г. в «Известиях ВСОИРГО» [Казарян 2012: 66, 124–156]. «Верхоянский сборник» на русском языке вышел в «Записках Восточно-Сибирского отделения Императорского РГО» в 1890 г. [Верхоянский сборник, 1890]. В 1913 г. указанный труд уже на якутском шрифте, разработанном О.Н. Бетлингком, был опубликован польским ссыльным Э.К. Пекарским в серии «Образцы народной литературы якутов» [Образцы... 1913].

В олонхо «Урааныкаан обонньор» богатырь, отправляясь в дальнюю поездку, преодолевает на своем пути препятствия волшебного, магического характера. Персонажи владеют искусством оборотничества, что свидетельствует об архаичности сюжета. Верхоянское олонхо демонстрирует переход со сказочного уровня на более высокий,

эпический — воспевание подвигов легендарных богатырей, защищающих род человеческий [Саввинова, 42, 44].

В 1925 г. М.З. Винокуров в письме академику Э.К. Пекарскому в Ленинград обратился с просьбой опубликовать в журнале «Живая старина» в СССР свои материалы по якутскому фольклору, записанные до революции в Таттинском улусе и Охотске, а также воспоминания жены Евдокии и сына польского ссыльного В.Ф. Трощанского. Рукопись этих воспоминаний Михаил Зиновьевич сам переводил с якутского языка. Также он просил найти портреты политссыльных — исследователей Якутии Э.К. Пекарского, С.В. Ястремского, Н.А. Виташевского, В.Ф. Трощанского, В.М. Ионова и др. для будущего альбома. В ответном письме от 17 марта 1925 г. Э.К. Пекарский сообщил, что у Русского географического общества с 1916 г. нет средств на издание журнала «Живая старина» и рекомендовал обратиться в Иркутск к советскому фольклористу, литературоведу и этнографу М.К. Азадовскому, редактору журнала «Сибирская живая старина», где публиковались статьи и материалы по археологии и этнографии [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 28, л. 1, 2; Самсонова 2002: 56; Яковлева 2016: 33].

В письме Э.К. Пекарскому М.З. Винокуров писал: «Я не чуждаюсь всего якутского, наоборот — я даже увлекаюсь часто, напр., аллитерации в их песнях, собираю для себя специально якутские сравнения, метафоры и т.д. Якутский язык для меня как бы родной. Хотя я говорил, вернее — учился говорить и по-японски, а теперь и по-английски, но якутский язык не вытравится из памяти» [Яковлева 2016: 39].

Переписка с М.З. Винокуровым помогла якутскому библиографу Н.Н. Грибановскому в Якутске в краткий срок собрать иностранные материалы о Якутии. Так, 14 ноября 1938 г. Николай Николаевич Грибановский писал: «Карточки на иностранную литературу о Якутии на 10 европейских языках, в количестве 950 библиотечных карточек, требуется еще дополнение». На научной сессии Коммунистического политко-просветительского института им. Н.К. Крупской в Ленинграде 6 марта 1941 г. в своем докладе Н.Н. Грибановский сообщил о том, что собрал более 900 описаний публикаций о Якутии на иностранных языках [Самсонова 2002: 56].

15 мая 1929 г. М.З. Винокуров получил из Ленинграда письмо от ученого секретаря Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР), профессора П.В. Виттенбурга с благодарностью за присланые из США книги, а также с обещанием в ответ отправлять ему научные труды Комиссии через родного брата Тихона Зиновьевича Винокурова [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 59, л. 1]. И это обещание было выполнено.

Михаил Зиновьевич в своем письме польскому ссыльному, автору капитальной монографии «Якуты. Опыт этнографического исследования» В.Л. Серошевскому отмечал, что в Библиотеке Конгресса содержится наибольшее количество русских книг вне пределов России, и вкратце рассказал о своей судьбе. В послании содержались просьбы об отправке в Америку полного списка статей о Сибири для составления библиографии трудов, а также фотокарточки Вацлава Леопольдовича. Якутский эмигрант сообщал, что писем из Якутии не получает уже более пяти лет и боится услышать страшные вести о своих двух родных братьях [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 72, л. 44]. Исходя из содержания письма, оно было написано примерно в 1935 г.

В письме своему знакомому Феликсу Феликсовичу (фамилия не установлена) М.З. Винокуров сообщает, что, будучи специалистом по библиографии, занимается сбором материалов по алясковедению, переписывается со старыми русскими старожилами и поэтому планирует вскоре съездить на Аляску. Дело заключалось в постепенном отмирании русской жизни в самом северном штате Америки. А с естественным уходом старшего поколения и тотальной американизацией молодежи исчезло «это своеобразное прошлое, породившее много преданий и легенд», и предстояло выяснить, «что осталось еще у них своего, русского, родного, что помнят и хранят они из прошлого». После командировки Михаил Зиновьевич намеревался подготовить к печати три работы: свой путевой журнал, легенды старой русской Аляски и исторический очерк по архивным документам Ситхи (город на острове Баранова в штате Техас, США). Эти труды должны были быть иллюстрированы фотографиями. Якутский эмигрант сетовал на непонимание его идей американцами. Для поездки требовалось 3 тыс. долларов, чтобы «посетить все-все уголки Аляски», где еще «русским духом пахнет». В том, что местные жители встретят его с радостью, он не сомневался, поскольку его родной отец был родом из Ситхи, а дедушка служил там священником, т.е. Михаил Зиновьевич сам, по существу, представлял там «своим человеком» [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 72, л. 46].

Литературные и публицистические труды якутских эмигрантов

Художественные произведения эмигрантских авторов при всей специфиности этого вида источников, не претендующего на документальность, отражали национальное самосознание эмигрантов, их культурную самоидентификацию, приверженность национальным культурным ценностям, выражали их нравственные ориентиры.

В этих текстах представляли живые картины дореволюционной России, особо чувствовалась острая ностальгия по утраченной родине, детально описывался эмигрантский быт и жизнь [Косорукова 2004: 8]. Такая литература дает достаточно много для понимания внутреннего мира, чувств и переживаний эмигрантов [Чапыгин 2006: 11].

М.Ф. Корнилов в эмиграции перевел на латинскую графику якутского языка стихотворение «Превратности судьбы» объемом в 78 строк, где ярко обличил власть «большевистской нации», препятствовавшей естественному развитию якутского народа. Здесь отсутствует разделение и противопоставление по национальностям, так как обобщенным образом коллективного врага выступает вся коммунистическая власть. Далее в произведении говорится о массовых репрессиях прогрессивно мыслящей части якутов, которых сослали в Соловецкий концлагерь, о рабской и беспощадной их эксплуатации на лесоповале, массовой гибели заключенных от жестокого обращения, голода, холода и заболеваний. Стихотворение завершалось выражением надежды на подъем молодежи, которая осознает свое истинное происхождение от тюрков и историческое предназначение, предначертанное одним из традиционных верховных божеств Чыныз-ханом. С помощью духовных приобретений молодежь консолидирует якутскую нацию, которая свергнет диктат большевиков и чекистов, возродит вольную и счастливую жизнь. Данное произведение наглядно демонстрирует отчетливое национальное самосознание среди якутских эмигрантов [Багдарын Сулбэ 1992: 35–40].

В условиях оторванности от родины периодическая печать была важнейшим фактором, оказывавшим влияние на самосознание российских эмигрантов. Из газет и журналов они получали представление о накале борьбы, которая велась между различными политическими течениями в эмиграции, об эволюции взглядов лидеров эмиграции по отношению к новой России. Газеты и журналы, издававшиеся практически во всех частях света, оказывали мощное информационное воздействие на национальное сознание эмигрантов, объединяли эмигрантов из России, предотвращая изоляцию и оторванность российских диаспор, рассеянных по миру [Косорукова 2004: 18].

Якутский эмигрант А.А. Рязанский, свободно владевший английским языком, стал в Китае известным журналистом, освещавшим вопросы политики, экономики и культуры. По данным историка-краеведа В.Е. Васильева — Харысхала, Асклиофедот Афанасьевич опубликовал более 350 статей в зарубежных журналах и газетах. Предстоит огромная работа по выявлению и анализу его трудов. В автобиографическом рассказе А.А. Рязанского говорится о событиях повстанческого движения в Якутии в 1921–1922 гг., когда отряд в 50 бойцов под командованием белогвардейского лейтенанта

Асклипа (сокращенное имя Асклиофедота) преследовал от Охотска отступающих красных. Офицер чувствует себя несчастным человеком, поскольку проклятая Гражданская война не дала осуществиться его мечте поступить в университет. Красочно описывается дикая местность, густо заросшая тайгой и практически необитаемая. По сообщению тунгуса-охотника, отряд Асклипа разделяется на две части, одна из которых направляется на, предположительно, занятый красными Юдомский Крест [Харысхал 2015: 46, 48–49, 51–52].

Еще одна статья А.А. Рязанского «Генерал Гален-Блюхер. Кто защитит Сибирь, если Япония начнет войну с Россией?» была опубликована в 1936 г. в журнале «The China Weekly Review», издававшемся в Шанхае в 1917–1953 гг. американскими журналистами отцом и сыном Джоном Бенджамином и Джоном Уильямом Пауэллом. В статье речь идет о члене Самарского ревкома в 1917 г., впоследствии генерале В.К. Блюхере, которого заговорщики после устранения от власти И.В. Сталина планировали назначить наркому обороны. После раскрытия заговора по распоряжению наркома К.Е. Ворошилова вместо смертной казни опального военачальника отправляют служить на Дальний Восток, и в этом назначении, а также в сокрытии настоящего имени Блюхера А.А. Рязанский усматривает тайну [Харысхал 2015: 54–55, 57–58].

Статья А.А. Рязанского «Плачевное состояние континентальной китайской киноиндустрии в военное время», вышедшая в том же журнале в 1946 г., демонстрирует, что автор был сведущ в киноиндустрии этой страны. Он действительно в конце Второй мировой войны работал торговым агентом одной американской кинокомпании в Китае [Харысхал 2015: 60].

Потеря прежней государственной основы в деле защиты державных, национальных и частных интересов русских граждан породила за границей попытки воссоздания институтов, компенсирующих эту утрату, что позволяет говорить о формировании феномена «перемещенной государственности», «беженской экстерриториальной России» или российского зарубежья — единого, цельного, относительно самодостаточного организма [Бочарова 2005: 32].

В апреле 1934 г. в японской газете «Карафуто нити-нити симбун» якутский эмигрант Д.П. Винокуров, который проживал со своей диаспорой в южной части о. Сахалин, принадлежавшей тогда Японии, и читал исключительно политические статьи в периодике, опубликовал свое «Письменное мнение народностей северных территорий». Данный текст перевел на японский язык Томисобуро Умэмия. Автор выступил от имени всех коренных народов Якутии, Дальнего Востока и Сибири с «твердой позиции: все-таки быть

абсолютным противником нынешней Советской власти». Также он подчеркнул патриотизм в отношении своей «родной, драгоценной» Якутии, по которой «ни на миг не покидает тоска». Послание адресовалось лично японскому императору с просьбой об оказании «моральной и материальной помощи» эмигрантам.

В нем шла речь о Северо-Азиатском регионе, способном в будущем стать экономическим плацдармом для «спящего» миллиардного населения Азии, которое автор призывал консолидироваться вокруг Японии на борьбу в первую очередь против «полетов Серого Орла», т.е. США. Соединенные Штаты Америки и Англию он назвал наглой шайкой грабителей, добивающихся, «чтобы Азия насилино стала их сырьевым придатком», объявил эти евроатлантические государства проводниками коварных замыслов еврейского капитала, а президента США Ф. Рузельта — прохвостом и «лисой», а также высказал мнение, что, пока Америка единолично распоряжается прибылью, «на Земле нет и не может быть мира». Как утверждал Д.П. Винокуров, долговая зависимость многих стран мира от Америки распространилась даже на СССР, куда американцы по бешеным ценам сбывают сельскохозяйственную продукцию, закупленную по дешевке в других государствах. США намереваются вложить 10 % еврейского капитала в разграбление естественных богатств Сибири и Якутии с помощью новейших технологий, рассчитывая получить с этого почти 100 % прибыли. В конце III пятилетки Советский Союз даст возможность развитым капиталистическим странам сконцентрировать здесь еврейский капитал и навсегда похоронит «чаяния народов Сибири на лучшую жизнь и процветание». Такая политика может лишить ресурсов прогрессивного развития Азиатский регион, в отношении жителей которых возникла реальная угроза произвола и насилия.

Д.П. Винокуров призывал миллиард азиатов подняться, «чтобы вернуть Сибирь сибирякам», которые, добившись самоопределения, «очень быстро придут к экономическому процветанию». Он считал, что азиатским народам не требуется «советская Россия полностью», а достаточно лишь Сибири с Якутией, и те «только на временное пользование на 10 лет». И если это реализуется, то «тогда одна близкая к Сибирскому региону Япония будет представлять для нас угрозу». Спасение здесь якутский эмигрант видел в Америке, которая нейтрализует Страну Восходящего Солнца изъятием накопившихся долгов. Дмитрий Прокопьевич верно спрогнозировал образование в будущем блока стран в составе Германии, Италии, Австрии и Венгрии и развязывание ими мировой войны за передел мира. Японии он рекомендовал примкнуть к этому блоку. Коренные народы Сибири он считал неспособными защитить свои природные

богатства от вторжения европейцев, и поэтому открыто просил японцев о «немедленных и решительных мерах» [цит. по: Вишневский 2013: 147–151; ГИАСО, ф. 3, оп. 1, д. 3, л. 1–13].

Переписка якутских эмигрантов

Одной из самых личностных форм интеллектуального наследия эмигрантов является их богатая переписка, которая позволяет существенно дополнить официальную информацию [Косорукова 2004: 8]. Сохранилось ограниченное число писем на разных шрифтах якутского языка. Так, А.А. Рязанский отправлял письма, напечатанные на машинке английским шрифтом на латинской графике якутского языка С.А. Новгородова, а Д.П. Винокуров — на кириллической основе алфавита О.Н. Бетлингка [Антонов, Антонова 2019: 234–235].

Сбежавшие из концлагеря Соловки в Финляндию якуты М.Ф. Корнилов, С.К. Старостин и Е.Е. Старостин писали 11 октября 1931 г. в Америку супружеской чете М.З. и А.С. Винокуровым о своих родовых корнях и передали, безусловно, важную весть о родном брате Михаила Зиновьевича — Тихоне Зиновьевиче Винокурове, который постоянно проживал в Центральной России и не бывал в Якутии, опасаясь репрессий. Также они сообщили о смещении прежних партийно-советских руководителей ЯАССР М.К. Аммосова и П.А. Ойунского с высоких должностей и опале их как лидеров правой оппозиции. Со ссылкой на письма своих родственников с горечью сообщали о непомерном росте цен в Якутии в 1931 г., когда стоимость пуда мяса дошла до 60 руб., пуда масла — до 120 руб. и пуда ржаной муки — до 15 руб.

Беглецы в Финляндию сообщали чете Винокуровых новости якутских эмигрантов из полученных из Китая писем, в частности об А.А. Рязанском, служившем в китайской фирме, разорившемся купце Г.В. Никифорове, о Н.А. Аверенском, имевшем собственную винно-бакалейную лавку, о службе Г.М. Кузьмина в еврейском пушно-меховом учреждении, о Г.С. Ефимове, который принял китайское подданство и устроился учителем к китайцам.

Свое пребывание в трудовом лагере Финляндии, охваченной тогда массовой безработицей, авторы письма оценивали как совершенно безвыходное: их труд не оплачивался, и им не хватало даже одежды. Они просили М.З. Винокурова поспособствовать тому, чтобы настоятель Валаамского монастыря взял их «на поруки», поскольку им, как православным, лучше будет в стенах кельи, нежели в трудовом лагере. Упоминали, что М.Ф. Корнилов до 1928 г. длительное время состоял церковным старостой в Якутии. Рассказали,

что просили отправить их в Южную Америку, в Уругвай (в Финляндии с этой целью набирали группу беженцев), но из-за острой нехватки мест на судне их не взяли. Якутские эмигранты спрашивали адрес в США их земляка, купца-эмигранта П.А. Кушнарева, от которого тоже надеялись получить деньги, и, в общем, авторы письма желали выехать из Финляндии в Америку [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 24, л. 3–6].

24 октября 1931 г. М.Ф. Корнилов, С.К. Старостин и Е.Е. Старостин вновь писали чете Винокуровых об условиях пребывания в трудовом лагере «Поулайтис» на станции Кеууру в Кивиярвие, где их тяжелый и дармовой физический труд длился десять часов в сутки, а единственным выходным было воскресенье. Их кормили три раза в день картофелем и кашей, на ночь оставляли взаперти, регулярно выдавали чистую постель и еженедельно водили в баню. Когда якуты 1 июля 1931 г. прибыли в лагерь, то встретили там сбежавших из Соловков в 1930 г. семерых русских, трех киргизов и армянина. Русские в августе того же года попытались сбежать, но все были задержаны. Двое беглецов, направлявшихся к советской границе, были ранены, трое задержаны возле границы со Швецией, еще один бежал в сторону Эстонии, но также был задержан. Армянина отправили в Южную Америку. И таким образом с ними остались трое киргизов и сорок уголовников-финнов. Мечты беженцев о свободном труде в культурной Финляндии не оправдались, и им приходилось пребывать в неволе.

Несколько раз якуты обращались к властям Финляндии с просьбой о легализации путем выдачи паспортов, которые были им обещаны только после трудоустройства и нахождения жилья. Также якутские беглецы просили представителя Особого комитета в Гельсингфорсе (Финляндия) А. Буша перевести их в другой лагерь — Кёмэлинен, около г. Котка, где находилось много русских и татарских беженцев, но получили отказ ввиду отсутствия там работы [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 24, л. 26–28].

М.З. Винокуров поддержал беглых якутов, об этом свидетельствует ответное письмо А. Буша от 6 ноября 1931 г., где говорится об их тяжелом материальном положении и неудачах с трудоустройством. И такая ситуация в условиях мирового кризиса могла продолжаться долго. Власти Финляндии кормили якутских беглецов, вырвавшихся из советского ада, и давали им приют. А. Бушу удалось выделить беженцам одежду и немного белья [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 24, л. 30].

29 декабря 1931 г. А. Буш в ответном письме М.З. Винокурову сообщил о получении от него 15 долларов, о своих хлопотах по

выходу якутов из лагеря и поисках дешевого жилья для них в г. Гельсингфорсе. По расчетам А. Буша, теми средствами, что якутские эмигранты получили из Китая, они обеспечены на полтора месяца. В письме автор выражал надежду, что Михаил Зиновьевич будет и в дальнейшем поддерживать своих земляков, и подчеркивал, что полученные из Америки деньги будут частями выдаваться строго на необходимые расходы. А. Буш просил М.З. Винокурова выслать в Финляндию поношенное белье и одежду. Проблемами русских беженцев на финской территории занималась полиция, отчасти Министерство иностранных дел и Особый комитет по делам русских в Финляндии. Поэтому А. Буш рекомендовал Михаилу Зиновьевичу обратиться в МИД по вопросу официального въезда якутов в штат Аляска. Однако рассчитывать на финансовую помощь по пересечению Атлантического океана как от финского правительства, так и от русских общественных организаций не приходилось ввиду тотального отсутствия средств. Реальным выходом из этой непростой ситуации виделся прием якутских беглецов в Валаамский монастырь [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 24, л. 43, 44].

В декабре 1931 г. финские якуты уже из Гельсингфорса выразили свою глубокую благодарность М.З. Винокурову за полученные из Америки через А. Буша 15 долларов, которые им удалось поменять на 1086 финских марок, а также сообщили о получении из Китая от Г.В. Никифорова и А.А. Рязанского 8 английских фунтов, которые были также обменены на 1893 финские марки. А. Буш нашел им комнату без постельных принадлежностей, за которую якутские эмигранты платили по 150 марок в месяц и при этом самостоятельно приобретали дрова, на пропитание тратили не более 30 марок в день. Они планировали так прожить в течение трех месяцев и тем временем найти себе работу, а также настойчиво просили Михаила Зиновьевича ходатайствовать о переезде на Аляску, где уровень безработицы был существенно ниже. Кроме того, якуты писали, что лучше воздержаться от ходатайства об их переводе в Валаамский монастырь, так как они надеялись заработать [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 24, л. 40].

Тем не менее у Михаила Зиновьевича началась переписка с этой духовной обителью, и в одном из писем, от 3 февраля 1937 г., он писал настоятелю отцу Харитону о своем старшем родном брате Иннокентии Зиновьевиче, овдовевшем в 22 года. Брат был прекрасным певцом, музыкантом — выпускником Московского синодального певческого училища и слыл любимцем духовных владык, которые предлагали ему непременно постричься в монахи и прочирили ему в будущем сан епископа. Но брат упорно отказывался и только

в 1934 г. при большевиках принял монашество под именем Серафим [Яковлева 2016: 30].

Интерес представляет письмо М.З. Винокурова от 27 июля 1937 г. вдове Серго Орджоникидзе — уроженке с. Покровское Западно-Кангалацкого улуса Якутской области Зинаиде Гавриловне Орджоникидзе, которую он по старой дружбе именовал «просто Зиной». Супруга Винокурова, Настя Якушкова, в юности была подругой Зинаиды. Михаил Зиновьевич просил прощения за то, что не написал ей в страшный период ухода из жизни Серго, поскольку «не нашлось бы простых моих человеческих слов, чтобы выразить тебе ими мое сочувствие, чтобы выразить мою самую искреннюю печаль». Незадолго до этого трагического случая М.З. Винокуров слышал, что Григорий Константинович планировал приехать в Америку, и надеялся на встречу и с Настей. После получения ответного письма якутский эмигрант обещал описать свою жизнь за рубежом. В письме упоминались имена его детей — Георгия 12 лет и Лены 11 лет, которые заочно уже знали о семье Орджоникидзе. Предлагалось установить между их детьми и дочерью Зинаиды Гавриловны переписку на английском языке, а также обмен книгами и почтовыми марками. Кроме того, М.З. Винокуров писал, что ему ничего не известно о судьбе двух его родных братьев, знакомых в Якутске, и просил сообщить что-нибудь о Евдокии Черных [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 72, л. 87–89].

М.З. Винокуров возобновил переписку с родиной в 1965 г. Об этом говорит письмо директора Якутского книжного издательства С. Неустроева в Госиздат Якутской АССР от 23 апреля того года. В нем речь шла о желании Михаила Зиновьевича подписьаться на журнал «Хотугу сулус» («Полярная звезда») и его версию на русском языке — «Полярная звезда», а также на другие издания [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 19, л. 4].

27 июня 1965 г. якутский эмигрант в ответном письме С. Неустроеву подчеркнул, что трудно читать якутские тексты на кириллице, приходится «останавливаться, задумываться и догадываться о каждом слове». Между тем они с женой еще «не забыли говорить и понимать по-якутски», и «все наше родное — якутское не чуждо нам и до сих пор», несмотря на языковую изоляцию в США в течение 45 лет. Те якутяне, с которыми редко удавалось видеться, не владели родным языком. Этим и объяснялась сильная тяга М.З. Винокурова к якутским книгам. Работники книжных магазинов, продававших советскую литературу, в Вашингтоне и Нью-Йорке давно знали о якутском эмигранте и немедленно сообщали ему лично обо всех книжных новинках о Якутии и об Аляске.

М.З. Винокуров просил С. Неустроева выслать ему комплект русскоязычного журнала «Полярная звезда», якутский букварь, книгу для чтения на якутском языке, якутско-русский и русско-якутский словари, составленные на основе кириллицы. С помощью этой литературы он рассчитывал научиться читать и понимать якутские тексты, написанные русской графикой, и позже выписывать «Хотугу сулус» и другие якутские издания. Также он хотел получить книги покойных своих друзей-писателей: «Материалы по изучению верований якутов» А.Е. Кулаковского и сборники стихотворений П.Н. Черных-Якутского. Ранее Михаил Зиновьевич составил список из 200 наименований книг по Якутии, но отмечал: «...старею уже (мне за 70 лет), и едва ли мне нужно будет выписывать все это, чувствую, что уже поздно все это для меня».

В конце письма М.З. Винокуров сообщал, что в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне он проработал с 1921 по 1957 г. Отмечал, что длительное время никому не писал из-за опасений за их судьбы в тяжелые и недобрые времена. И за прошедшее время «растерял все самое дорогое в жизни моей — и родное, и родных, и друзей... Ничего не знаю о них... Думаю только, что многих уже нет в живых, как не буду живым и я скоро...». С горечью сетовал на то, что в Якутске уже вряд ли есть кто-то, кто помнит его, и на то, что о родных братьях, оставшихся на Родине, он ничего не знает [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 19, л. 5–7].

В письме от 24 июля 1966 г. М.З. Винокуров просит своего знакомого Николая Николаевича (фамилия не установлена) выслать ему оставшиеся экземпляры книги политсыльного эсера В.М. Зензинова, отбывавшего наказание в Якутской области, а после революции также эмигрировавшего. Михаил Зиновьевич хотел послать их в качестве подарка в Якутскую республиканскую библиотеку им. А.С. Пушкина, где в дореволюционное время работал библиотекарем. Здесь же он упоминал о своем желании завещать этой библиотеке свои книги по якутской тематике [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 19, л. 12; Яковлева 2016, с. 39].

Выводы

Благодаря активной деятельности якутского эмигранта М.З. Винокурова, в Библиотеке Конгресса США возник новый интеллектуальный центр русской, а также якутской литературы. В будущем эти фонды широко использовались российскими эмигрантами и американскими учеными-советологами, став важным инструментом межкультурной коммуникации. В частности, историко-культурный нар-

ратив Якутии послужил предметом изучения для целых поколений интеллектуалов западной цивилизации.

Воспоминания якутских эмигрантов содержат детальное и обстоятельное повествование об их родовом происхождении, оценку революции 1917 г., Гражданской войны, последующих повстанческих выступлений против советской власти и массовых репрессий со стороны карательных органов. Советская власть ассоциировалась у них с «враждебным народом», который необходимо свергнуть с целью дальнейшего развития национальной идентичности, возрождения экономики и культуры Якутии.

Архивные документы свидетельствуют о том, что якутские эмигранты, члены Угро-финского научного общества М.Ф. Корнилов, С.К. Старостин и Е.Е. Старостин выступали в качестве информаторов и внесли неоценимый вклад в научную деятельность ведущих скандинавских ученых-лингвистов. М.З. Винокуров поддерживал научные контакты с известными исследователями-якутоведами, обменивался с ними литературой, даже пытался опубликовать на родине часть своих научных материалов. Библиографические труды якутского эмигранта были использованы Якутской республиканской библиотекой им. А.С. Пушкина в ходе составления довольно обширной библиографии иностранной литературы.

Основная часть литературных произведений и статей в газетах и журналах, написанных якутскими эмигрантами, до сих пор не выявлены. Но обнаруженная толика их творческого наследия (переводов) свидетельствует об успешных попытках воплощения их дум и чаяний по поводу исторического поражения в революции 1917 г. и Гражданской войне в форме художественных образов. Публистика показывает нам довольно высокий уровень вовлеченности якутских интеллектуалов в зарубежные повседневные события. Один из ярких примеров — разработанные Д.П. Винокуровым паназиатские идеи, направленные на объединение азиатских народов вокруг милитаристской Японии.

Личная переписка якутских эмигрантов касалась их насущных проблем с трудоустройством и поиском жилья за рубежом, установления связей между выходцами из Якутии в Америке, Европе и Азии, выяснения судеб родственников и знакомых, оставшихся в Советском Союзе, вестей с Родины о репрессиях и росте цен на продукты питания. Их письма способствовали формированию единого коммуникативного якутского сообщества. Особо стоит отметить возобновление переписки М.З. Винокурова с Якутией по поводу передачи его якутских коллекций в Якутскую республиканскую библиотеку им. А.С. Пушкина.

Список литературы и источников

- Алексеев Д.А. Генеалогия в эмигрантской мемуаристике 1920–1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2009. — 33 с.
- Антонов Е.П. Обостренное чувство справедливости (о судьбе А.П. Рязанского) // Полярная звезда. — 1999. — № 1. — С. 54–56.
- Антонов Е.П., Антонова В.Н. Якутская эмиграция: особенности адаптации и коммуникации // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 228–244.
- Багдарын Сүлбэ. Олох долгуна: докумоонтга олобурбут уус-урган очерк (Превратности судьбы: документально-художественный очерк). — Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1992. — 176 с.
- Багдарын Сүлбэ. Нөрөн нөргүй буолуохтун! (Вечная память им!) — Дьокуускай: Бичик, 1995. — 272 с.
- Борисова А. Тени исчезают во вчерашнем дне // Якутия. — 2001. — 14 сент.
- Бочарова З.С. Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х гг. (исторический анализ): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — М., 2005. — 52 с.
- Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Записки ВСОИРГО. — Иркутск: Типография Tip, 1890. — Т. 1, вып. 3. — 325 с.
- Вишневский Н.В. Отасу. Этнополитические очерки. 2-е изд., доп. / редколл.: Т.П. Роон (отв. ред.), Е.А. Иконникова, Г.В. Матюшков и др. — Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2013. — 284 с.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П. Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры» // Диалог со временем. — 2017. — № 58. — С. 39–70.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П. Е.Ф. Максимович — представитель «второго поколения» исторической науки русского зарубежья // Диалог со временем. — 2019. — № 68. — С. 204–214.
- Демидова О.Р. Подводя итоги: эмигрантские мемуарные тексты о конце эпохи Романовых // Диалог со временем. — 2014. — № 46. — С. 241–259.
- Казарян П.Л. Никита Семенович Горохов. Жизнь, дела, научное наследие. — Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. — 262 с.
- Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — М., 2011. — 47 с.
- Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России (20–30-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2004. — 28 с.
- Ляпсенкова Л.Н. Культурное наследие российской эмиграции в Маньчжурии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — СПб., 2008. — 28 с.
- Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е гг.). По материалам архива полицейской префектуры Парижа // Диалог со временем. — 2007. — № 20. — С. 239–251.
- Мосейкина М.Н. Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке в контексте истории двух волн эмиграции // Диалог со временем. — 2019. — № 68. — С. 83–97.

- Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. Вып. 1. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1913. — 199 с.
- Пирс Р. М.З. Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил // Полярная звезда. — 1992. — № 3. — С. 160–164.*
- Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История, филология. — 2014. — № 3. — С. 137–142.*
- Савинова Г.Е. Особенности верхоянского олонхо «Урааныкаан обонньор» // Эпическое наследие народов Якутии: традиции и современность: материалы науч.-практ. конф. — Якутск: Медиахолдинг «Якутия», 2017. — С. 41–44.*
- Самсонова В.А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестн. Дальневост. гос. науч. библиотеки. — 2002. — № 2. — С. 51–57.*
- Самсонова В.А. Материалы о библиотечно-библиографической практике М.З. Винокурова в Библиотеке Конгресса // Вестн. Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). — 2019. — № 1. — С. 9–14.*
- Ситников К.К. Русское зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. — Екатеринбург, 2008. — 23 с.*
- Харысхал. Аллас ортотугар ууммут соьтох бэс (Одинокая сосна, растущая на поляне) // Саха Сирэ. — 2003. — Муус устар 19 к.*
- Харысхал В. Серия материалов об Аксалиодоте Рязанском // Илин. — 2015. — № 1–2. — С. 43–60.*
- Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. В.Г. Базанова. — Л.: Наука, 1969. — 440 с.*
- Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Улан-Удэ, 2006. — 26 с.*
- Якимов О.Д. Человек из небытия. — Якутск: Бичик, 1995. — 120 с.*
- Яковлева М. Из архивных рукописей Михаила Зиновьевича Винокурова // Илин. — 2016. — № 1. — С. 24–39.*
- Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО), ф. 3, оп. 1 (1934–1945 гг.), д. 3, л. 1–13.
- Национальный архив Финляндии. Kansallisarkisto. Vinko 510. Tilaus 13. Jakuutii. 4.76. — Р. 1–35.
- Рукописный фонд М.З. Винокурова (1894–1983 гг.) Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) (НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 19, 24, 28, 59, 72).

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.З. Винокуров (1894–1983).

А.А. Рязанский (1898–1968).

М.Ф. Корнилов (1888–1942).

102 Encl. 1

2

81 Jan.-30 Aug.'41.

28/29

Es engeg wijsigc, hette selfigen felimce, tots sul-
conen en brouen sene moen gaen bin hundusinger, hie-
te schildering, plus hunduslag, hofier leg turven, Rebe-
kelt acte gien van Huyt, waer o mostelen billetten,
gedreue sul ghemeynen, 60. uind ghemattene, drieen tungs-
heilicoren; yezter kader - zijlhet, boter kader kaats-
hulot, nante kaderke wachtelot traeger wege billet, en
kunsten kaderd obertje era grondt daelinge in kine
hoge, de den daelinge daelinge, am i leu - huijde, oha
mao - neeswouen olantien an ic daelde era des delin
betwou, hundre wop kader, hants hei kader, yezter
yeket schildering die sine den goetan en o den ova
infolke tydinge, en yeket hants huijde tuer huijde
den - tots beantij do dorren tots kerckine na jener
utvou, osoo - beton, oppullen - en alten yester - vodien,
temper - tecken tots dellen obertje yeket huijde, yeket
yeket huijde, ortken wachten yester - tots vrommetje
totz op wa yester - en alten zidemetsje, yent wien
totz huijde, yeket - yeket - huijde den beantij totz huijde.

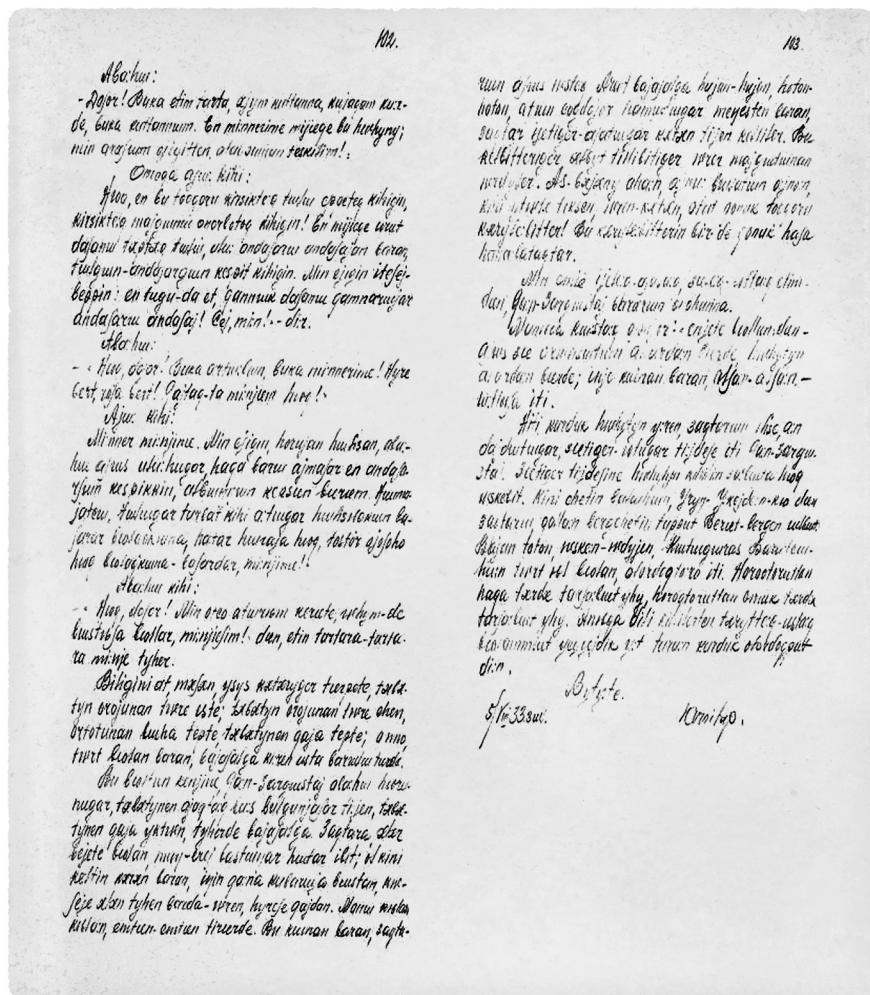
10:40 AM 2010-10-10 error err1 forced

- Sam-salam eredit tue quoniamque lynchii et den.
Polarum res; bei gout de nation bestiarum nation
ballurum cultorum meo eis et nro. etiam omnium cultis
pi, ye deo tristis et pax namque spiritus cultorum de
stis adhuc nro. res ipsius, et non sicut ipsa habet
agere gratia tuinetae felicitatis, etiam manuam
eranda deinceps fortiorum res ipsius. Tamen ergo et
tobocum cunspicere hinc ut exponam nomen Tobocum hunc
deus cuius est etiam tuus humerum rebibit. Euctor
felicitas. Genuisq; soli et Hora tanta ex hac omni haec
existeat. Unde alia omnia omnia tuinetae. Cui rident
beatis, et ergo etiam ipsorum omnia exponam ex humo-

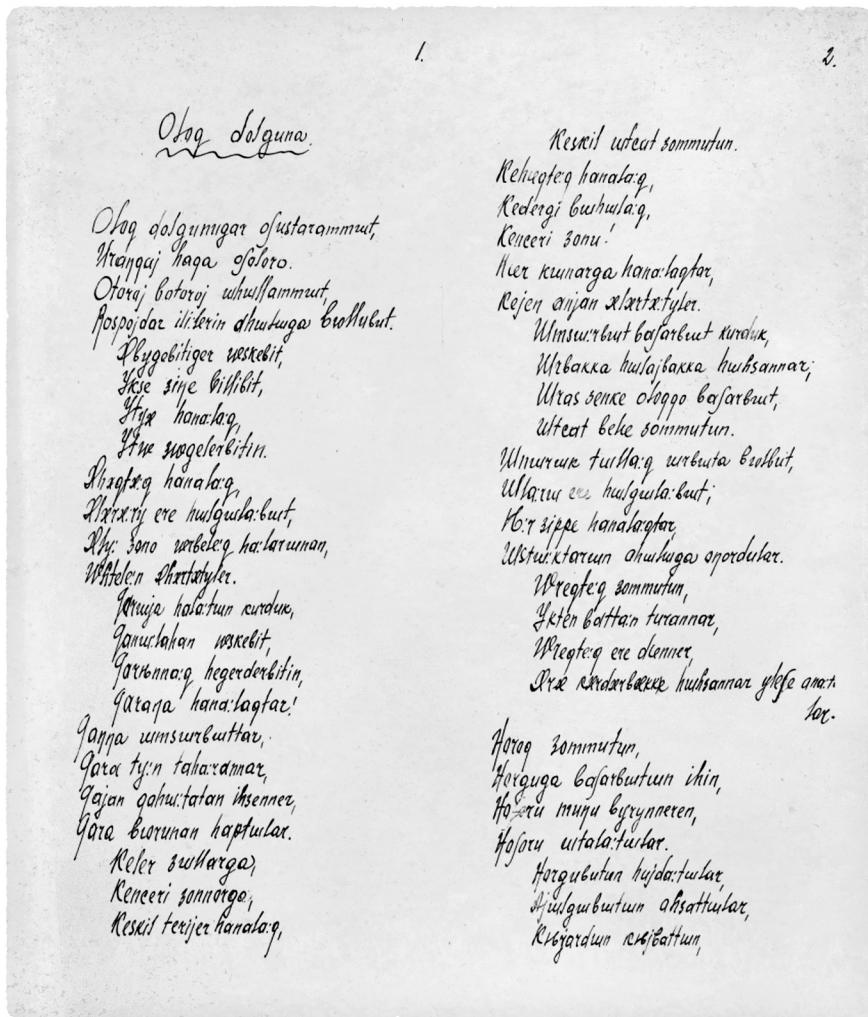
Sunon era uljon dunnoin kehiseit.

Südün içiñ kären kırkayñe - toş uno yata toboñan
nur hürkötüm kuruçan tasñul can müstakbañ hattıñ; ol
yaptıñ döñer kere nüdeñ kelsibit harsaqtauñ kır-
due kırıç-otlañ ketyerlin önumen ejeñi telken helsi-
bit; bus qat kireñçek lillitik ennen ejeñi telken
kelsibit; uçaç oşan, qırduñ ciwulan us hyphy-
teq uno deñi önumen andrey ejeñi kelsibit. Qazas
dereñ attygın gommaratıñ crangı hılyejo den titi-
mejı qatırınxıñıñ bozıstanıñ gordona-turu önumen
tüber kelsibit. O yurt attyneñ beiñ kılıç mırıqınañ
kelejıç bozıstan kelsibit; majan kuluñun bohıtırıñ buj-
luña bohıman atħalıñan qızı turonuñ kurdıñ bor-
dom bas uñuxtarıñar. Bıllıñ! O yurt attygın kelsi-
ny kuremen; majnırın kuzı, majnırı, mejnırı ezekelebilie
turkuñun kurdıñ eylekmeñen kamyı, krawatıñar, kelleñ
kaleje eyal beñwıñ tıyejdi; galon uñxturnañ kurdıñ
küydel nem, estıllıq balek; tıgebe halqa tıritin
fure uñħob kurdıñ buħaddex ħallut; erjeñ kohuñ re-
tejim upqıñ kuroskoñ erħar kurdıñ kuhuñ keşseu
teca ħallut; tħalli xutuñne hungaqun wixjañ kura-
bus pur kurdıñ. Kurbur tamarruñ kudrom temmiz kien-
berdeq ħallut, ihle-ġanuha, helsi-helsaqta telken ta-
ber, 'ħonotum qisla' ħallut.

Mənion erjetin kelen kırkayñe-yel qara fit-tut-
tan kien swiñ far titbiex matħan xejte fiegħaqbañ, un
spiro huġi toqżiż kurdie mannixxa tħali fuñnum sare-
ħar-turu bejn horan, alfa orsun qara fuñnum gam
ħabtan qatur obqax nekkxi-qoġieni fuñnum kelsi-
bit; Hegel yaħellese, Serges kumma, aktar kurejxa
fuñ kurniñi, serjejt to's oħroño ħallut; qas
kunduħha oħla huġi minn tıyejdi; galon kelsibit
kurdıñ oħra jaġi għolim minn fuñnum uħaż-
ħallut, netteq kumma, kien tħallix minn iż-żeb-
ħallut, netteq kumma, kien tħallix minn iż-żeb-

Из архивного документа 4. Корнилов. Хаан Дыргыстай. Олонхо. Национальный архив Финляндии. Kansallisarkisto. Vinko 510. Tilaus 13. Jakutit. 4.76. P. 1-103.

Из архивного документа 5. Портнягин. Олох долгунा. 1921 г. Перевод на новгородовский шрифт Корнилова. Национальный архив Финляндии. Kansallisarkisto. Vinko 510. Tilaus 13. Jakuitii. 4.76. Р. 1—4.

УДК 821.161.1

O.H. Кузьменко,
кандидат филологических наук, доцент
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия,
zibeline-ru@yandex.ru

ЯКУТИЯ КАК «МЕСТО СИЛЫ»: БИОГРАФИЧЕСКАЯ «ИНИЦИАЦИЯ» В.М. ЗЕНЗИНОВА

Аннотация. Статья посвящена писателю, журналисту, этнографу, профессиональному революционеру В.М. Зензинову (1880–1953), дважды ссыпавшемуся в Восточную Сибирь и прожившему четыре года в самых отдаленных районах Якутии, в том числе в селе Русское Устье (в дельте реки Индигирка). Цель статьи — выявить множественные и не всегда очевидные связи В.М. Зензинова с Сибирью и показать, как физические обстоятельства его жизни в Якутии (длительное вынужденное проживание в непривычных северных условиях, суровый климат, изоляция и одиночество) трансформировались в приобретения духовного характера (научные открытия, продуктивные размышления в одиночестве, установление семейной генеалогии, победа не только над внешними силами, но в первую очередь над самим собой, усвоение новых ценностей — не только достижений технической цивилизации, но также традиционных знаний коренных народов).

С точки зрения гражданского сознания Сибирь для В.М. Зензинова, с одной стороны, символизирует власть самодержавия и насилия над личностью, с другой стороны, оказывается символом стремления к свободе, протеста против существующего режима и важным звеном духовной родословной бунтарей разных времен.

Тема внешней и внутренней борьбы очень важна для Зензинова, она не раз проговаривается им. Но, пожалуй, самым главным и не до конца осознаваемым самим Зензиновым в истории его отношений с Якутией оказывается выход за пределы жесткой парадигмы «внешнее — внутреннее», «противостояние — сломленность». Итак, вызов, который приготовила ему Якутия, превратился в неоценимый духовный опыт, а потенциальные потери — в неожиданные преимущества.

Ключевые слова: В.М. Зензинов, сибирская ссылка, вызов, духовный опыт, духовная родословная, цивилизация, традиции.

Olga Kuzmenko,

*PhD (Philology), Associate Professor, the Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,
zibeline-ru@yandex.ru*

YAKUTIA AS A PLACE OF POWER: THE BIOGRAPHICAL “INITIATION” OF V.M. ZENZINOV

Abstract. The article is dedicated to the writer, journalist, ethnographer, professional revolutionary V.M. Zenzinov (1880–1953) who was twice exiled in the Est Siberia and passed four years in the farthest regions of the Yakutia including the rural locality Russkoye Uste (located in the delta of the Indigirka River). The aim of our article is to reveal multiple and not always evident relations between V.M. Zenzinov and the Siberia and to show who the physical circumstances of his life in Yakutia (long compelled residence in unaccustomed northern conditions, inclement climate and weather, isolation and loneliness) were being transformed in acquisitions of a different nature (scientific discoveries, productive lone reflections, establishment of familial and spiritual genealogy, victory over not only exterior forces, but, firstly, over himself, acquisition of new values: not only given by technical civilization, but also by traditional knowledge of native people).

From the point of view of civic values, Siberia for V.M. Zenzinov, on the one hand, is a symbol of the power of autocracy and violence over the individual; on the other hand, for Zenzinov, Siberia turns out to be a symbol of the desire for freedom, a symbol of protest against the existing regime, an important link in the spiritual lineage of rebels from different times.

The topic of external and internal struggle is very important for Zenzinov, it is repeatedly spoken by him in different places. But, perhaps, the most important and not fully understood by Zenzinov himself in the history of his relations with Yakutia will be going beyond the rigid paradigm: external-internal, opposition-brokenness. So, the challenge prepared to him by the Yakutia was metamorphosed in an inappreciable spiritual experience, as potential losses — in unexpected advantages.

Keywords: V.M. Zenzinov, Siberian exile, challenge, spiritual experience, civilization, traditions.

Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953), писатель, журналист, этнограф, социолог, профессиональный революционер, член партии эсеров — прежде всего человек своего поколения, разделивший с ним его идеи и заблуждения, его судьбу и его путь.

С Сибирью его связывали узы семейные и духовные. Дед В.М. Зензинова, Михаил Андреевич Зензинов, — известный краевед и естествоиспытатель Забайкалья (в молодости он вместе с братьями приехал в эти края из Вологодской губернии), член Вольного экономического общества (ВЭО), которое в 1853 г. наградило его золотой медалью за «особенное усердие» и вклад в изучение Забайкальского

края [Суркова 2003: 4]. С дедом В.М. Зензинова роднит дух первооткрывательства и общая область интересов: М.А. Зензинов, согласно семейным преданиям, купцом оказался «неудачным и неумелым — не умел наживаться, его интересы были направлены в другую сторону» [Зензинов 1953: 5]. Он исследовал природу Забайкалья, ее флору и фауну, составлял гербарии, собирал лекарственные растения и изучал их свойства, вел дневники, выучил тибетский язык. По воспоминаниям В.М. Зензинова, в детстве он любил разбираться в рукописях деда (это были дневники с записями из многочисленных путешествий по забайкальским степям), рассматривать гербарии, листать фолианты на тибетском языке [Зензинов 1953: 5]. Не эти ли ранние увлечения определят впоследствии склонности и круг научных интересов самого Зензинова? И подобно деду, выпавшему из своей среды, отдавшему предпочтение научной, а не коммерческой стезе, В.М. Зензинов, отец которого был успешным коммерсантом и состоятельным человеком (глава фирмы «Сибирский торговый дом Братья Зензиновы», он пользовался исключительно хорошей репутацией в коммерческом мире и очень гордился званием «коммерции советника»), не продолжил дело отца, а уехал — по окончании гимназии — в Германию слушать лекции по философии, социологии, политическим, общественным, экономическим и юридическим наукам (1899–1904 гг.), затем, вступив в партию эсеров, принял участие в революционной борьбе, которая в итоге привела его в Сибирь.

В политическую ссылку при царском режиме В.М. Зензинова отправляли трижды. Впервые административное решение о ссылке на пять лет в Восточную Сибирь (в Якутскую область) было принято в 1905 г. Но из-за продолжавшейся войны с Японией этапное движение по Сибирской железной дороге не функционировало, поэтому вместо Сибири Зензинова отправили в Архангельск [Зензинов 1953: 82–96], откуда он сбежал в день прибытия на место.

После нового ареста в 1907 г. В.М. Зензинова высыпают этапным порядком в Восточную Сибирь сроком на пять лет. По существовавшим тогда в России законам, на каторжные работы можно было отправить только по суду, а в административном порядке полагалась лишь высылка в Сибирь на срок не более пяти лет. Путь от Санкт-Петербурга до Якутска занял четыре с половиной месяца (апрель — август 1907 г.). В день прибытия в Якутск В.М. Зензинов и шесть его товарищей бегут. Спутникам Владимира Михайловича Зензинова удается проникнуть на отплывающий в Японию пароход (троим под видом грузчиков, еще троих проносят в больших корзинах). Для самого Зензинова не хватает подходящей по его росту корзины, и он остается на берегу. Со знакомым политссыльным из

Якутска и нанятым ими местным проводником они совершают тысячекилометровый переход от Якутска до Охотска (сентябрь 1907 г.), откуда на японской шхуне доплывают до Японии, а затем через Гонконг, Сингапур, Цейлон и Суэцкий канал В.М. Зензинов добирается до Марселя [Зензинов 1953: 235].

В третий раз — после очередного ареста — В.М. Зензинова высылают в Якутию сроком на пять лет в 1910 г. Условия этапирования ужесточаются, так как в его сопроводительных бумагах теперь имеется пометка: «Склонен к побегу» [Зензинов 1919: 65]. В Якутске, куда В.М. Зензинов попадет лишь к июлю 1911 г., местом ссылки ему назначают Русское Устье — поселение в «шесть дымов» в 1500 км от Якутска, где он окажется первым и единственным за все времена царского режима политссыльным.

Чем явилась Сибирь для Зензинова? Какие вызовы она ему уготовила? Повлияла ли она на формирование его личности? Изменила ли его предвзятые суждения и установки? На эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответы в нашей статье.

1. В отличие от своего деда, который отправился в Сибирь по собственному желанию, в отличие от родителей, уроженцев Нерчинска, для которых Сибирь была малой родиной, Зензинов оказался в Сибири не по своей воле: для него Сибирь — это символ самодержавия, насилия над личностью, принудительного лишения свободы. Помещение Зензинова-революционера в «тюрьму без решеток» — это вызов царского режима, и Зензинов этот вызов принимает. В период первой якутской ссылки в Зензинове еще много юношеского романтизма, дерзости и авантюризма. Тысячекилометровый переход по тайге (сам Зензинов квалифицирует его как «авантюристический план» [Зензинов 1953: 220]) не ощущается им как самоценный, своеобразный и уникальный опыт: пейзаж воспринимается либо функционально — как физические и климатические условия, к которым приходится приспосабливаться, либо утилитарно — как то, что дает пищу; отношение к предстоящим сложностям пути — достаточно легкомысленное: «Трудно? Нельзя? Пустяки — смелым Бог владеет!» [Зензинов 1953: 219]. Главная цель этого путешествия — обретение свободы и возможности продолжать революционную борьбу против царизма. Из этого противостояния Зензинов выходит победителем. Появившаяся вдали в конце перехода по тайге морская гладь — это не просто элемент пейзажа, это знак окончания пути, это символ одержанной победы над властью и возвращения к прежней революционной деятельности: «Свободное море — ведь это возможность выбраться из диких и пустынных мест, возможность вернуться к

культурной обстановке, к товарищам, друзьям, к любимому делу!» [Зензинов 1953: 228].

Еще до отбытия в ссылку он говорит своему отцу, что, если тот однажды получит телеграмму с одним словом «Банзай», он должен знать, что его сын на свободе. Приплыв из Охотска в Японию, первое, что делает Зензинов, идет на почту и отправляет отцу телеграмму (написанную кисточкой на бланке из шелковой бумаги) с единственным словом: «Банзай» [Зензинов 1953: 231–235]. Юношеский авантюризм отличает и оценку самим Зензиновым этого периода: «...в моей богатой приключениями жизни это была самая интересная глава» [Зензинов 1953: 221].

2. Сибирская ссылка — это, кроме того, важный и почти неизбежный ингредиент судьбы любого профессионального революционера. Это значимый факт его биографии, необходимый этап в его *curriculum vitae* (жизнеописание). Это поколение, избравшее путь революционной (а в случае партии эсеров, к которой прымкал Зензинов, и террористической) борьбы с существующим режимом, отдает себе отчет в том, на что оно идет, поэтому ссылка и предшествующее ей этапирование воспринимается ими как нечто вполне ожидаемое, необходимое для становления личности революционера: «Путешествие “по этапу” — одно из самых мучительных наказаний. Я считаю его даже страшнее катарги того времени, но вместе с тем — для познания жизни, для изучения людей и знакомства с богатством и пестротой человеческой жизни нахождение в пересыльной тюрьме и на этапе ни с чем не сравнимо» [Зензинов 1953: 207]. Рост профессиональной и духовной зрелости революционера определяется главными вехами, которые позже перечисляет Зензинов: «За два года своей революционной работы я прошел уже все стадии — был организатором, пропагандистом и агитатором, сидел в тюрьме, бежал из ссылки, нелегально перешел через границу, был в эмиграции и, наконец, побывал даже на баррикадах!» [Зензинов 1953: 153–154].

3. Борьба с царизмом и Якутия как продолжение этой борьбы имеет еще одну сторону — солидарность с бунтарями всех времен, имевших общего врага — царя и самодержавную власть. Это революционное генеалогическое древо выстраивается в текстах Зензинова исподволь: в начале своих воспоминаний «Пережитое» (1953 г.) он ссылается на семейную легенду о том, что предками его матери Марии Алексеевны Корякиной были сосланные при Петре Великом в Сибирь буйные стрельцы [Зензинов 1953: 4], а также указывает на то, что родной город его родителей Нерчинск — это город, известный «своими серебро-свинцовыми рудниками и страшной каторгой, куда ссылали самых тяжких уголовных и политических преступни-

ков» [Зензинов 1953: 4]. Эти «тяжкие политические преступники», конечно, декабристы, которые были для Зензинова духовными ориентирами с его гимназической юности («Мы преклонялись перед декабристами, знали наизусть строфы из Рылеева») [Зензинов 1953: 29] и о которых он не раз вспоминает в Сибири. Пробираясь из Якутска в Охотск, Зензинов и его спутники натыкаются на следы деятельности в этих местах Российско-американской компании, секретарем которой в Петербурге, как отмечает Зензинов, был Кондратий Рылеев [Зензинов 1953: 221], а попав на родину предков в город Нерчинск летом 1916 г., он отыскивает на местном кладбище не только могилу деда, но и могилы похороненных там декабристов: «Там же я нашел могилы нескольких декабристов... <...> Я просидел на нем [кладбище], перед могилами деда и декабристов, больше часа, взволнованный думами о прошлом» [Зензинов 1953: 9–10]. Следует сделать важное замечание: могил декабрястов в Нерчинске Зензинов видеть не мог — декабристы здесь не жили, за исключением одного — А.Н. Луцкого (1804–1882), который действительно похоронен на нерчинском кладбище, и лишь его могилу мог обнаружить Зензинов. Таким образом, множественные декабристские захоронения в тексте Зензинова — это ошибка памяти. Но ошибка эта характерная: фактография отступает перед символичностью — для Зензинова очень значимо его духовное родство с декабристами, подобно которым он, как и его товарищи по революционной борьбе, шел в бой «без надежды на победу — это был не вопрос стратегического или политического расчета, а вопрос чести: ведь так в свое время действовали и декабристы, пошедшие на верную гибель» [Зензинов 1953: 228].

Оказавшись в ссылке в Русском Устье и изучая его историю, Зензинов обнаруживает, что его односельчане — это потомки тех, кто, спасаясь от тягостей ратной службы, еще при Иване Грозном вышли из России морем на ботах, двинулись на восток и осели в устье реки Индигирки среди местного населения [Зензинов 1914: 11], это те, кто, несмотря на полное опасностей морское путешествие, предпочел остаться непоработленным. Таким образом, Сибирь оказывается для Зензинова символом стремления к свободе, символом протesta против существующего режима, важным звеном духовной родословной бунтарей разных времен.

4. Еще один вызов, который Якутия бросает всякому, оказавшемуся в ней, связан с противостоянием природы и человека. Какие индивидуальные обертоны получило это общее место в истории отношений Зензинова и сибирской природы? Первая встреча с Якутией происходит у Зензинова летом 1907 г.: из Александровской пересыльной тюрьмы близ Иркутска их везут по так называемым

бурятским степям до Лены, откуда на специальных баржах сплавляют по Лене до Якутска. Неожиданно приподнятая эмоциональная тональность этого путешествия определяется двумя обстоятельствами: во-первых, оно приходится на самое благоприятное для Якутии время года (лето), во-вторых, плавание по широкой сибирской реке контрастирует с условиями содержания ссыльных в Александровской тюрьме: «Если увеселительной прогулкой можно было назвать наше путешествие на лошадях из Александровской тюрьмы через Бурятскую степь до Качуга, то плавание по самой Лене было еще большим удовольствием. После той ужасной грязи и тесноты, которые были всюду в вагонах и в тюрьмах, через которые мы проходили, плыть по течению реки было приятно и спокойно. Все время можно было оставаться на палубе под открытым небом. Лето здесь было еще в полном разгаре, и наши паузы были всегда украшены ветками цветущей черемухи, которую мы ломали на берегу» [Зензинов 1953: 216].

Описание пейзажей Зензиновым рождается из совмещения его взглядов на природу как ученого-естественника и как писателя-эссеиста: первый со скрупулезностью ботаника перечисляет встречающиеся растения («Лес по преимуществу состоял из лиственницы... попадались группы высоких тополей в лощинах, осина, на горных кряжах — карликовые кедры» [Зензинов 1953: 226]), второй не скучится на эпитеты (это основная стилистическая особенность Зензинова-писателя): «Какие чудесные картины мы видели: то это были небольшие горные перевалы и живописные ущелья, то необозримые поля, покрытые густыми кустами пахучего багульника, то нависшие над головами скалы, поросшие желтым, рыжим, красным мхом» [Зензинов 1953: 226]. Первая ссылка Зензинова в Сибирь, как мы помним, завершится его удачным побегом, сопряженным с переходом по тайге из Якутска в Охотск. Сам он определяет это как «путешествие в стиле Фенимора Купера» [Зензинов 1953: 221], а потому все испытания, приуготовленные ему суровой якутской природой (переход через бурный Алдан, бесконечный дождь, холодные ночи у костра, изнуряющий гнус), вписываются в означеный формат и переносятся с энтузиазмом юношеского и даже подросткового восприятия, которое присуще в ту пору Зензинову.

Настоящая встреча Зензинова с якутской природой состоится во время второй ссылки (1910–1914 гг.), которая по всем параметрам будет отличаться от ссылки 1907 г. В этот раз в пересыльную Александровскую тюрьму он прибывает зимой, что влечет за собой осложнения: «География была определенно против меня: в Александровской тюрьме я должен был ждать летнего пути с января по май,

потому что по Лене не было зимнего движения, наоборот, в Якутской тюрьме я ждал с июля по ноябрь зимнего пути, потому что на крайний север нельзя проехать летом» [Зензинов 1919: 69]. Из Якутска его отправляют на место ссылки — в Русское Устье: в самое холодное время в «самое холодное место на земном шаре» [Зензинов 1919: 70]. Первоначально это место вообще имеет ореол некоего мифического, географически неопределимого топоса («мне никто не мог объяснить, где это находится» [Зензинов 1919: 69]). Зензинов это поселение воспринимает как северную границу ойкумены: «...оно ...лежит на пределе человеческого жительства вообще — дальше идет ледяная пустыня Северного океана» [Зензинов 1914: 7]. Здесь он сталкивается с природными испытаниями, характерными для этого края: зимой — жестокие пурги, влекущие за собой снежные завалы; печальное однообразие зимнего пейзажа, беспредельность снежной пустыни; трудно переносимое в своей тоскливиности темное время [Зензинов 1914: 9–10], летом — нередкий холод, ветер, дождь. Но присущее Зензинову уравновешенно-оптимистичное отношение к природе и миру в целом позволяет ему не замыкаться на негативных сторонах погодных явлений. Во время гусевания (охоты на диких гусей), отличавшегося сложными погодными условиями, он вспоминает стихи Гете: «Прекрасна земля Господа!» и восклицает: «Я окружен холодом, сыростью, дождем и ветром: небо покрыто обрывками облаков, по озеру пенятся буруны... и тем не менее это правда: Прекрасна земля Господа!» [Zenzinov 1932: 189].

Так что суровые климатические условия как таковые не оказались, как можно было бы ожидать, для Зензинова тяжелым испытанием: борьба с внешними обстоятельствами оказалась развернутой внутрь. Возвращаясь с гусевания и пытаясь оторваться от грозы, Зензинов в тяжелейших погодных условиях гребет безостановочно 18 часов и, покрыв 40 км, возвращается домой, опередив на несколько дней своих спутников, застигнутых грозой. Местные жители, видевшие в нем дотоле ученого человека, не очень приспособленного к якутской жизни, выражают ему свое удивление и уважение: «Дядюшка, ты — настоящий мужчина!» [Zenzinov 1932: 197]. Вот это перемещение борьбы из внешнего плана во внутренний и оказывается для Зензинова самым ценным опытом, вынесенным из Сибири, а победа над собой — его главным якутским достоянием.

Подлинным испытанием для Зензинова оказывается одиночество: отсутствие культурного и духовно близкого ему окружения, невозможность поддерживать регулярное письменное общение с семьей и друзьями, оторванность от мира, опасение не суметь сохранить опору в виде своего внутреннего мира и сломаться под напором

внешних обстоятельств. Свою жизнь в Русском Устье Зензинов сравнивает с жизнью Робинзона Крузо [Zenzinov 1924: 705]. И хотя он находился не на необитаемом острове, а среди людей, но, как пишет в своей рецензии на его книгу Е. Бакунина, «ощущение одиночества ими не разрешалось» [Бакунина 1932: 271]. Да и может ли одиночество разрешиться чем-то внешним: людьми, событиями, обстоятельствами? У Зензинова был довольно долгий опыт одиночества: два полугодовых одиночных заключения в Таганской тюрьме (1905 г.) и Петрапавловской крепости (1910 г.), из которого он вынес твердое убеждение, что преодолеть одиночество можно только опираясь на свою духовную жизнь. Жизнь в Якутии дает ему возможность дополнительно утвердиться в этом и прирастить свой внутренний духовный капитал. Позднее, вспоминая о годе, проведенном в Русском Устье, он удовлетворенно заметит: «Никогда прежде я не находился в таком близком контакте с природой, ее силами и стихиями, но еще большим, нежели борьба с внешними силами природы, было это непрестанное усилие внутри меня самого, направленное на то, чтобы не потерять присутствия духа, не согнуть голову. И глубоким моральным удовлетворением для меня было отдавать себе отчет в том, что в этой удручающей изоляции, вдали от своего мира я не утратил присутствия духа. Я вышел победителем из этой борьбы» [Zenzinov 1932: 244–245].

5. Тема внешней и внутренней борьбы очень важна для Зензинова, она не раз проговаривается им в разных местах. Но, пожалуй, самым главным и не до конца осознаваемым самим Зензиновым в истории его отношений с Якутией окажется выход за пределы жесткой парадигмы «внешнее — внутреннее», «противостояние — сломленность». Якутия, ее природа, традиционность уклада, пространство, подтачивающее время, будет медленно проникать в него и размывать предустановленные границы. Это медленный и неочевидный процесс, который заслуживает отдельного рассмотрения. Уезжая из якутской ссылки, Зензинов писал:

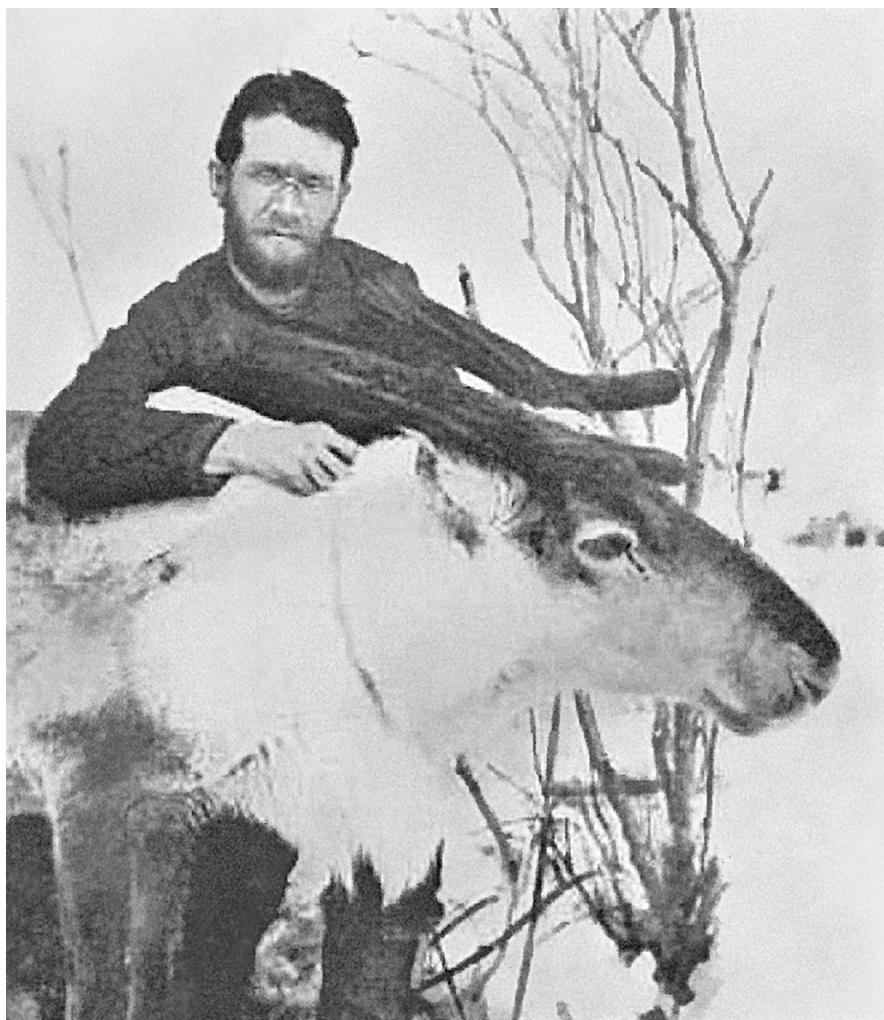
«Я без сожаления покидал край, где я жил в полнейшей моральной, а подчас и физической изоляции. Мне казалось, что никакая сила в мире не вызовет у меня желание вернуться туда, где я прожил в изгнании несколько лет своей жизни. Разве я мог вообразить, что в моих будущих странствиях по миру я с сожалением буду вспоминать то время, когда олени везли меня по снежным просторам, когда я ночевал в заброшенных поварнях, посреди безмолвных гор, когда навещал тунгусов — диких, но гостеприимных, когда восхищался великолепным северным сиянием и радовался наступлению северной весны, радостной и полной гроз?» [Zenzinov 1932: 305–306].

Не резюмирована ли в этих словах история отношений политссыльного В.М. Зензинова и Якутии? Подводя итог, можно сказать, что физические обстоятельства жизни в этом краю (вынужденное долговременное пребывание в непривычных северных условиях, суровость климата и природы, изоляция и одиночество) трансформировались, подобно ленте Мебиуса, исподволь и подчас незаметно для самого Зензинова в приобретения высшего порядка: исследовательские открытия, плодотворные уединенные размышления, утверждение семейной и духовной родословной, победа не только над внешними силами, но прежде всего над самим собой, обретение новых ценностей — не только технических достижений цивилизации, но и традиционных знаний местных народов. Вызов, брошенный ему Якутией, обернулся бесценным духовным опытом.

Список литературы

- Бакунина Е. Владимир Зензинов // Zenzinov V. Le Chemin de l'Oubli. — Paris, 1932. — Р. 270–272 (Числа. — Париж, 1933. — № 7–8).
- Зензинов В. Старинные люди у холодного океана. — М., 1914.
- Зензинов В. Из жизни революционера. — Париж, 1919.
- Зензинов В. Пережитое. — Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1953.
- Суркова Н.А. Михаил Андреевич Зензинов — краевед, естествоиспытатель Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2003.
- Zenzinov V. With an exile in Arctic Siberia. The narrative of a Russian who was compelled to turn polar explorer for two years // The National Geographic Magazine. — Washington, 1924. December. — Vol. XLVI, N 6.
- Zenzinov V. (en collaboration avec Isaac Don Lévine). Le Chemin de l'Oubli. — Paris, 1932.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.М. Зензинов в Русском Устье (1910–1914 гг.).

O.H. Кузьменко

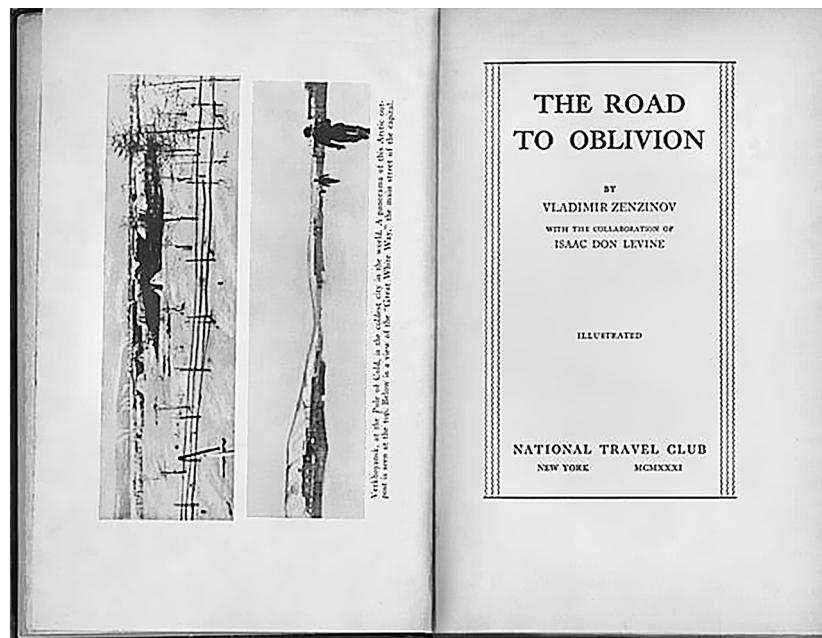
Жилье Зензинова в Русском Устье.

Дом Зензинова в Русском Устье.

Фото взяты из книги: Zenzinov V. With an exile in Arctic Siberia. The narrative of a Russian who was compelled to turn polar explorer for two years // The National Geographic Magazine. — Washington, 1924. December. — Vol. XLVI, N 6. — P. 695–718.

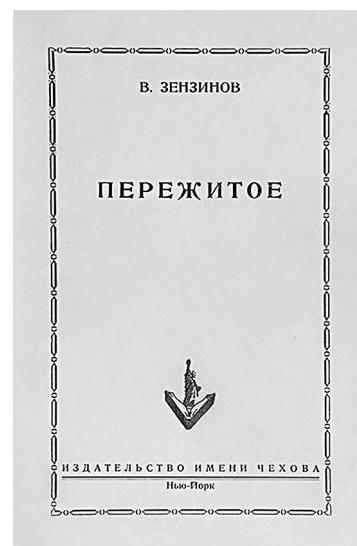
Якутия как «место силы»: биографическая «инициация» В.М. Зензинова

Книга В.М. Зензинова «The Road to oblivion». 1931 г.

Книга В.М. Зензинова «Le Chemin de l'Oubli». 1932 г.

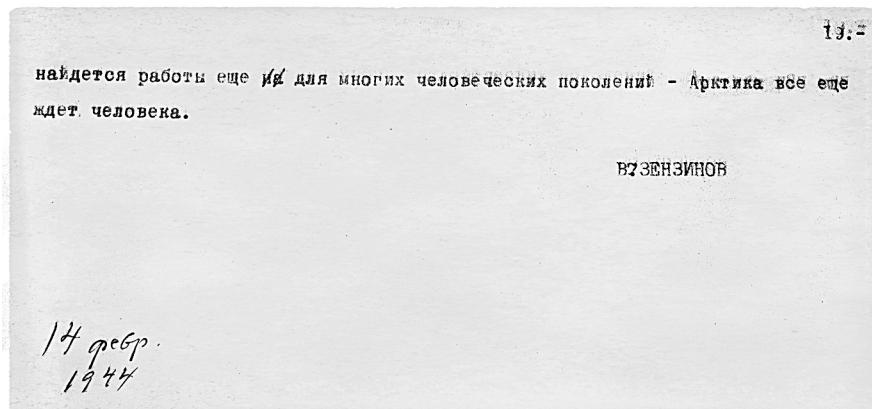
Книга В.М. Зензинова «Пережитое». 1953 г.

СОВЕТСКАЯ АРКТИКА

Среди многих и действительных достижений, которые числятся за советской властью, работу в арктике следует считать, несомненно, одной из самых бесспорных. Конечно, и здесь, как во многих других отраслях, необходимо строго различать, что является заслугой власти, правительства, и что следует отнести за счет работы и талантов тех, часто независимых от власти лиц, которые на местах трудились, по большей части не ища в этом для себя никакого личного прибытка. Но одно остается несомненным: советское правительство проявило гораздо больше интереса к овладению севером и инициативы в деле его изучения, чем царское правительство. *Илья Понтина* достойно всяческого удивления, как мало было сделано в этом направлении старым правительством: за несколько столетий все научные экспедиции на север можно перечислить буквально по пальцам. Когда *я* в ~~июне~~ декабре 1911 года якутский губернатор Иван Крафт отправлял меня *на крайний север*, *из Якутска в далекую ссылку в низовья реки Индигирки /Русское Устье/, куда до меня ссылка не практиковалась /я был отправлен так далеко в наказание за два побега из ссылки/, он напутствовал меня следующими словами: "Я рад тому, что интеллигентный человек попадет в этот край. Мы о нем *до сих пор ничего не знаем, и я надеюсь, что после возвращения Вы нам расскажете об этом крае много интересного". - И я тогда же подумал, что метод, который избрал губернатор для изучения вверенного ему края был достаточно оригинален. Впрочем, он не ошибся: по возвращении я, действительно, опубликовал несколько книг *о этом крае, который до тех пор был почти неизвестен*. Эпизод этот далеко не случаен. Все знакомые с литературой о сибирском севере знают, что политические ссылочные в-эти-даление края немало содействовали научному изучению этого интересного ~~края~~ края.**

А между тем русская и в частности сибирская арктика давно уже привлекала к себе внимание. Никто другой, как знаменитый *Федоров* указывал на огромное практическое значение для русского государства изучения и овладения севера.

Якутия как «место силы»: биографическая «инициация» В.М. Зензинова

Из архивного документа. В.М. Зензинов «Советская Арктика». 1944 г. Columbia university libraries. Manuscript Collections. Bakhmeteff Archive. Zenzinov collection.

УДК 929.52

Е.Н. Романова,

*доктор исторических наук,
главный научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия, e_romanova@mail.ru*

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ ПАМЯТИ М.З. ВИНОКУРОВА (память, стратегии, идентичность)

Аннотация. В рамках персональной истории был проведен биографический анализ одного из ярких представителей русской старожильческой интеллигенции Якутии, эмигрировавшего в 1919 г. в США — Михаила Зиновьевича Винокурова (1894–1983). Исследование построено на основе эго-документов (дневников, переписки, произведений, статей, фотографий, семейных документов), хранящихся в государственной библиотеке Аляски (штат Аляска, США). В статье раскрывается «американский» период жизни М.З. Винокурова. Оказавшись в эмиграции, он на посту главного библиографа и архивиста Библиотеки Конгресса инициировал и реализовал глобальный проект по формированию российских коллекций книг, рукописей, фотографий, писем, относящихся к Русской Америке, православной церкви, литературному наследию русской эмиграции. На основе анализа неопубликованных эго-документов и интеллектуального наследия якутского эмигранта М.З. Винокурова, хранящихся в фондах Исторической библиотеки Аляски, реконструируется его биографический мир, раскрывается внутренний ландшафт переживаний героя, его поведенческие стратегии в условиях эмиграции. Герменевтический анализ архивных документов позволил выделить в биографической истории концепт памяти и рассмотреть память как процесс непрерывного обращения к прошлому Якутии, России, Аляски. Личный опыт адаптации якутского эмигранта состоял в манифестировании памяти как протяженного пространства, связывающего с покинутой родиной. Библиотечный и православный архивный проекты в Америке в этом контексте представляют собой презентацию значимых фрагментов памяти прошлого, конструирование интеллектуальной и духовной среды российской эмиграции с целью создания русского мира за рубежом. М.З. Винокуров как истинный патриот видел свою миссию в просветительской и созидающей деятельности на благо отчизны.

Ключевые слова: эго-документы, биографический мир, эмиграция, проектная деятельность, презентация, мемориальные практики, Русская Америка, идентичность.

© Е.Н. Романова, 2021

Ekaterina Romanova,

PhD (History),

*Chief Researcher of the Department of Archeology and Ethnography
of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS,
Yakutsk, Russia,
e_romanova@mail.ru*

BIOGRAPHICAL TOPOS OF M.Z. VINOKUROV (Memory, Strategies, Identity)

Abstract. The article provides a biographical analysis of one of the brightest representatives of the old-time Russian intelligentsia of Yakutia, who emigrated to the United States in 1919, Mikhail Zinovich Vinokurov (1894–1983). The research is based on ego-documents (diaries, correspondence, works, articles, photographs, family documents) stored in the state library of Alaska (Alaska, USA). The article reveals the «American» period of the life of M. Vinokurov. Once in emigration he was chief bibliophile and archivist of the Library of Congress, initiated and implemented a global project to form Russian collections of books, manuscripts, photographs, letters relating to Russian America, the Orthodox Church, and the literary heritage of the Russian emigration. Based on the analysis of unpublished ego-documents and the intellectual heritage of the Yakut emigrant M. Vinokurov, kept in the collections of the Historical Library of Alaska, his biographical world is reconstructed, the inner landscape of the hero's "experiences", his behavioral strategies in the conditions of emigration are revealed. The hermeneutic analysis of archival documents made it possible to single out the concept of memory in biographical history and to consider memory as a process of continuous reference to the past of Yakutia, Russia and Alaska. The personal experience of adaptation of the Yakut emigrant consisted in the manifestation of memory as a connecting extended space with an abandoned homeland. In this context, library and Orthodox archival projects in America represent significant fragments of the memory of the past, the construction of the intellectual and spiritual environment of the Russian emigration in order to create a "Russian world" abroad. M. Vinokurov, as a true patriot, saw his mission in educational and creative activities for the good of his Motherland.

Keywords: ego-documents, biographical world, Yakut emigrant, cultural trauma, memory, intellectual strategies, Russian America, identity.

В современных политических условиях осмысление интеллектуального опыта людей прошлого, анализ трансформации их жизненных траекторий, связанных с глобальными макропроцессами, историческими травмами (войны, репрессии, эмиграция), выявление механизмов адаптации в новых реалиях приобретают все большую актуальность. В этом плане обращение к персональному контексту якутской эмиграции является важной составляющей в реконструк-

ции «мира идей» и действий первой волны якутской интеллигенции. По справедливому замечанию интеллигентоведа Н.Н. Дьяконовой, история якутской эмиграции до сих пор находится на периферии исследовательского интереса и носит в большей мере краеведческий характер [Дьяконова 2002: 188].

В настоящем исследовании в качестве методологической рамки используется актуальное направление исторической науки — интеллектуальная история, позволяющая по-новому рассмотреть «мир идей» интеллектуалов через призму культуры, биографии и социокультурного окружения их носителей [Репина 2001]. Таким образом, предметным полем исследования предстает творческая деятельность человека в общем интеллектуальном пространстве в контексте долгосрочной исторической ретроспективы. В статье применены методологические принципы современных биографических исследований, где жизнь человека представляет собой нарративную структуру (биографический нарратив).

Целью данного исследования является реконструкция персональной истории как биографического нарратива одного из ярких представителей русской старожильческой интеллигенции Якутии, общественного деятеля, православного просветителя, этнографа, библиографа — Михаила Зиновьевича Винокурова (1894–1983). Впервые на основе новых эго-документов раскрывается период его жизни в эмиграции в США.

Введение в научный контекст биографического мира Михаила Винокурова требует обращения к новым архивным, визуальным и личным источникам. Историко-когнитивный анализ «жизнеописания» якутского интеллигента в статье построен на основе эго-документов (дневников, переписки, произведений, статей, фотографий, семейных документов), хранящихся в государственной библиотеке Аляски (штат Аляска, США).

В 2008 г. благодаря договору первого президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева с губернатором Аляски о передаче копий коллекции М.З. Винокурова республике, а также активным действиям представителя Якутии в Северном форуме Анастасии Николаевны Божедоновой и президента Республики Саха (Якутия) В.А. Штырова [Об организационных мероприятиях... 2008: 2] было принято решение о командировке группы исследователей во главе с директором Национальной библиотеки РС(Я) В.А. Самсоновой в г. Джуно (Аляска) для ознакомления и копирования некоторых частей коллекции М.З. Винокурова, которые касались Якутии. Таким образом часть личного архива М.З. Винокурова оказалась в Национальной библиотеке РС(Я).

Биография среды (якутский период)

М.З. Винокуров родился в г. Якутске 30 сентября 1894 г. в семье священника Зиновия Георгиевича Винокурова. З.Г. Винокуров родился в Ситхе на Аляске, где его отец Егор (Георгий) Иванович Винокуров был священником (его отправил и благословил на это служение святитель Иннокентий Вениаминов). Духовные традиции православной культуры явились главными принципами в воспитании детей. Старший сын Иннокентий (1884 г.) стал священнослужителем, средний Тихон (1889 г.) — ихтиологом, младший Михаил также продолжил священническую династию и поступил в духовную семинарию, но не окончил ее и уехал псаломщиком в с. Нерюктай Олекминского улуса Якутского округа.

В период Февральской революции, вернувшись в Якутск, он работал консерватором в областном музее и заведовал городской библиотекой, женился на Анастасии Якушковой, которая тоже была из семьи священников и работала в церковной библиотеке. В 1917–1918 гг. в областном краеведческом музее Михаил Зиновьевич работал вместе с Н.Н. Грибановским, выдающимся библиографом, автором известной «Библиографии Якутии» [Павлова 2011]. Молодой специалист, ставший активным участником начавшегося культурного процесса в Якутии, видел свою миссию в сохранении «уходящей» этнографии якутов посредством музеиных учреждений как важного института, транслирующего культурную память народа, его самобытное наследие.

В своей статье, посвященной проблемам развития национальной культуры и самосознания в якутском обществе, он писал: «Мне хотелось бы остановить внимание общества на широкое течение в жизни якутской интеллигенции, которое проявлялось и раньше, проявляется и теперь в области духовных стремлений к родиноведению, в области национального самоопределения и самосохранения. Прошлогодний весенний бурный всероссийский разлив Великой революции докатил свои волны и к тому самому течению, о котором я говорю... с могучей, казалось, энергией заставил еще шире, еще глубже нестись этому течению по рыхлой почве молодого якутского самосознания» [НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 111, л. 2–7, копия]. Осознавая, что традиционный мир уходит в прошлое, он говорил о «необходимости создания своего национального музея, существующего отображать все то прекрасное и полезное, что создала природа и человеческая деятельность в здешнем krae. Я говорю не о мертвом учреждении, в котором имеются коллекции с ничего не говорящими этикетками и в котором вся жизнь проявляется лишь с посетителями, а об учреждении живом, чуждом мертвого педантизма...»

[НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 111, л. 2–7, копия]. Для Винокурова музей — это пространство обсуждения прошлого и настоящего этнической культуры, это живой диалог поколений. Показательно, что Винокуров писал и о создании специального музеиного журнала, посвященного старине (археологии, истории, этнографии, родиноведению, фольклору и исключительно музеиному вопросу), который, по мнению исследователя, мог бы стать информационным центром коммуникации специалистов и читателей по разным культурологическим проблемам. По сути, начинающий сотрудник уже в своих первых работах развивал оригинальную концепцию музеиного дела, где социокультурный подход был определяющим.

Сформировавшаяся с ранних лет православная ментальность и воспитание в духе культурного пограничья (прекрасное знание якутского языка и этнокультурных традиций) повлияли на научное мировоззрение будущего интеллектуала. Труды по этнографии, языку, проблемам музееведения и первые литературные произведения, посвященные суповой и таинственной природе Севера, отражали широту его кругозора, исследовательский талант и творческие способности. Он с юности увлекался русской литературой, его поэма «Тайга» была опубликована в 1912 г. в общественной и литературной газете «Якутская окраина».

Революцию и приход большевистской диктатуры Михаил Винокуров воспринял негативно. В октябре 1917 г., после того как большевики пришли к власти, в газете «Якутское обозрение» были напечатаны стихи Винокурова, предсказывающие национальный кризис. В 1918 г. Винокуров служит секретарем в социалистической революционной газете, которая поддерживает сначала красных, потом белых. В газете «Голос труда» (№ 7 за 1918 г.) были опубликованы два его стихотворения, одно из которых он посвятил А.Ф. Керенскому как рыцарю, пришедшему спасти Родину.

По своим политическим убеждениям Винокуров был социалистом умеренного крыла партии социалистов-революционеров (эсеров). В годы революции он много писал в газеты и журналы, одно время работал секретарем газеты «Якутское обозрение». В 1918 г. был арестован большевиками. Выйдя из тюрьмы в 1919 г., он вместе с женой уехал через Становой хребет в Охотск (на родину дедушки), а оттуда в Японию и затем в США. Уезжали Винокуровы со всем своим архивом, документами, книгами и периодикой тех лет, семейными реликвиями. Это положило начало коллекции, которую Винокуров собирал на протяжении всей своей долгой жизни. Основу коллекции составляли материалы, посвященные родной Якутии, Аляске и Русской Америке, а также русские издания, вышедшие в Америке.

Находясь в Токио, он пишет письмо российскому консулу в Сан-Франциско, где просит предоставить ему возможность посетить Америку для установления научных и культурных связей с Якутской областью. Это его первое письмо, написанное в Америку, сохранилось в личном архиве. Приведем его текст полностью:

*Moe первое письмо
George Y. Romanovsky
Registered
Mon. George Y. Romanovsky
Consulate of Russia
Frood Building
San Francisco
California
U.Y.A.*

Вот уже долго, почти с полгода, слежу я за Вашим «Вестником» и как бы вижу Вас в этой симпатичной, полезной работе. Мне кажется, не сможет никто другой посоветовать мне в моем, надеюсь, тоже полезном намерении... и поэтому я смело решаюсь именно к Вам обращаться с этим письмом.

Я уроженец обширной Сибирской окраины — Якутской области. В свое время, будучи псаломщиком в разных округах, много я ездил по области, много видел и многое знаю. В начале войны был в Петрограде, занимался там в Публичной библиотеке по вопросам исследования Якутской области. За последнее же время был так называемым консерватором (хранителем) Областного Музея и заведующим местной городской библиотекой.

*Специальность моя — этнография, в самом широком смысле. Мечта моя, так сказать, *idee fixe* — это самое живое и деятельное распространение заветов родиноведения.*

Думаю, что я не малый знаток литературы и быта... Но, к сожалению, отдельно изданных трудов моих не имеется, потому что я, так сказать, был «мелкой сошкой». Я всегда работал лишь черную работу, давая иногда ценные материалы для других, более смелых, чем я.

Но вот теперь с некоторых пор я желал бы работать самостоятельно. Начало этому было положено, но прошло для меня не особенно благоприятно.

...Будучи консерватором музея, находящегося под «ученым руководительством» Якутского Отделения Русского Географического Общества, мне не захотелось быть «консерватором». И я, как идейный музейный работник, стал агитировать в пользу Земства, имеющего средства и не столь мертвого, каковым был и есть этот пресловутый

Отдел. Захотелось мне, чтобы музей имел свой журнал, отображающий интересное, нужное; чтобы музей был живым учреждением.

С этой целью прочитал я доклад в Общем Собрании Земства и напечатал его в местной газетке. Но разбуженный Отдел ученого Общества попросил меня уйти от занимаемой должности, чтобы не было мешающего сладко спать.

А тут еще.

Напечатал я статью о возможности скорейшего проведения железной дороги, соединяющей Якутскую область с мировыми центрами (об Аяно-Нельканском пути) и позволил себе в ней сделать упрек Городской Управе, имеющей некоторое письмо... и молчащей. За эту дерзость и призывы к работе — я был «уволен от занимаемой должности заведующего Городской библиотекой».

— «Первый блин комом!»...

Дальше, говоря короче, через Охотск приехал я с женой в Японию с паспортом, смешно сказать, псаломщика Верхоянского Собора Якутской Епархии!

В дорожной библиотеке моей имеется преимущественно литература о Якутской области. Много у меня, кроме книг, материалов (документов, выписок, вырезок из газет, писем и фотографий) по истории ссылки, по статистике, по истории края, по истории экспедиций, по фольклору якутскому и тунгусскому и т.д. Все это имею с собой как единственное, ценное и необходимое. Сам я и жена хорошо говорим по-якутски. По-тунгусски знаю плохо.

Здесь, в Токио, я занимаюсь в библиотеке духовной миссии, имеющей издания Академии Наук...

Но теперь о деле.

Я хотел бы поехать в Америку со специальной целью ознакомления американцев с возможностями иметь сношения с обширной Якутской областью.

С этой целью я хочу прочесть в нескольких городах мои десять лекций о Якутской области.

Но у меня имеются условия, с которыми, к сожалению, приходится считаться:

1. я не знаю английского языка;
2. мне хотелось бы работать под флагом какого-нибудь солидного общества, которое взяло бы на себя труд по устройству лекций, по изготовлению диапозитивов и картографических материалов;
3. пусть бы это общество, хотя бы в счет гонорара за лекции, помогло мне с женой выехать из Японии, потому что своих средств не имеем мы;

4. пусть бы это общество дало возможность в Америке прожить в тихом сельском уголке первые два-три месяца для того, чтобы подготовить лекции и материалы.

После этого я могу быть вполне к их услугам.

А там, если я встречу сочувствие американского общества, то смогу и продолжать свою деятельность и осуществить ту программу, которая давно уже намечается мной.

Не распространяясь здесь об обширности и богатствах Якутской области, имеющей все возможности быть новой колыбелью для общечеловеческих культурных достижений, я лишь замечу, что без отдельных, устроенных по глухим округам области, ячеек-музеев как живых учреждений, дающих необходимые информации, дело осуществления экономической и культурной поддержки для области невозможно.

Только музеи, в которых будут работать надежные, интеллигентные люди; только путем широкой пропаганды идей родиноведения среди якутской интеллигентной молодежи; только эти факторы могут быть сильнейшими стимулами, чтобы всколыхнуть это сонное царство. Не экспедиции, изучающие извне и не оставляющие в области никаких намеков на продуктивность их работ; не ученые Отделы с их академической, педантичной закваской, а только само якутское общество придет на помощь иностранным капиталам, чтобы слиться с ним и дать плоды...

Поэтому, заручившись сочувствием и средствами американского общества, я проеду через Берингов обратно в Якутскую область.

Там с помощью якутской молодежи и интеллигенции, которые, безусловно, будут на моей стороне, устрою я несколько клубов-музеев, разбросанных по глухим далеким округам, и... они будут давать мне — в Центральный, скажем, Музей в Якутске — материалы, которые, в свою очередь, я буду печатать в журнале, посвященном пропаганде культурно-экономического сближения Америки с областью.

Конечно, я не могу обо всем этом написать Вам подробно и детально в настоящем письме.

Я лишь надеюсь, что при возможной встрече с Вами мы поймем друг друга и будем взаимно помогать в нашей, видимо, тождественной работе...

Этим я и закончу настоящее письмо.

Надеясь на Вашу помощь и советы, остаюсь с почтением Михаил Винокуров [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 82, копии].

Анализ письма позволяет сделать вывод, что М.З. Винокуров позиционировал себя как этнографа в самом широком смысле. Он был полон идей родиноведения (познание своего края, любовь к малой родине, бережное отношение к природному и культурному наследию), сил

и желания своей научной деятельностью принести пользу родной Якутии. Михаил Винокуров проявил себя настоящим патриотом. Его оценка Якутии как потенциальной «новой колыбели для общечеловеческих культурных достижений» отражает мечту Винокурова увидеть процветание своей родины. Письмо отражает стратегическую линию развития якутской культуры в виде ее включения в мировое интеллектуальное и культурное пространство. Речь идет о написании статей, подготовке и чтении научных лекций на тему Якутии, социокультурной музейной концепции, связанной с открытием клубов-музеев в удаленных от центра глухих якутских селах и создании живой сетевой коммуникации «ячеек-музеев» с главным адресатом — Областным краеведческим музеем в Якутске, чтобы передать аутентичный этнографический материал и популяризовать его в журналах Америки. Конечной целью путешествия в Америку он видел возвращение домой и начало работы по продвижению своих музейных и научных проектов на благо Якутии. Позднее он будет заниматься презентацией российской культуры в Америке. Чувство родины никогда не покидало его...

Выехать в Америку Винокурову и его семье помогли духовные представители Православной церкви при русском посольстве в Японии. В официальной переписке по поводу выдачи американской визы была представлена версия о желании Винокурова «побывать на родине его отца, у могилы его бабушки, умершей на острове Ситхе, принадлежащем теперь Северным Соединенным Штатам» [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 38].

Америка — новое место жизни

В январе 1921 г. Винокуровы оставили Японию и пассажирами четвертого класса поплыли в Америку. В феврале они прибыли в Сан-Франциско. Из Сан-Франциско переехали в Питтсбург (штат Пенсильвания), затем последовали в Нью-Йорк и, наконец, в ноябре 1921 г. обосновались в Вашингтоне, где Михаил получил работу в Библиотеке Конгресса. Приехав в Америку, М.З. Винокуров столкнулся с pragmatичным капиталистическим миром. «Земля Свободы» с ее политическими и культурными традициями, ускоренным ритмом жизни оказалась ему чуждой. Позднее, в одном из своих писем отцу Герасиму, он писал:

«...чувствую, что мне не с кем в этом мире поделиться и горестями моими и радостями... Такова и вся жизнь моя... Как-то, помню, я написал Вам, что живем мы в подлое и недобroе время... А оно ведь так и есть на самом деле. Хотя бы взять нашу хваленную “вторую родину”. Ведь Америка наша — самая шумливая, хвастливая и беспокойная страна в мире. И все-то ей хочется всему миру показать и указать

о том, какая она богатая, свободная и счастливая страна в мире. А на самом деле для души человеческой она — ПУСТЫНЯ. Америка для меня (только ли для меня...) — кажется, и главное, переживается мной как многолюдная пустыня... Ни простой человеческой дружбы, ни семьи дружной Вы уже давно не найдете здесь. Здесь ведь всяк для себя живет, все здесь основано на пресловутом “бизнесе” и долларе... А доллар — ихний Бог. Посмотрите, ведь и в церкви ихней (если можно назвать их церкви — церквами...), и в политике, и в частной жизни — везде царствует привилегия доллара, и... главное: люди даже не замечают (или стараются не замечать...) здесь, что цена-то ихнего доллара давно уже падает на мировом рынке и... вот; в результате — все здесь дышит пустыней! Для души человеческой, покрываемой и затемняемой дьявольской шумихой, свистопляской и пошлостью; называя все это музыкой; и искусством; и литературой; театром; кинематографом; телевизией и т.д. и т.д. Правда, все это будто красиво; ярко; красочно; ...Боже мой, как все это по большей части и зло; и бессердечно; и подло и пошло...» [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, л. 8].

Восприятие Америки как «инаковой» по духу можно увидеть и в том, что он перестал писать стихи. Свое состояние в Америке Винокуров называл «глухонемым». Память о прошлом как внутренняя связь биографического нарратива М.З. Винокурова символична. Личный опыт адаптации якутского эмигранта состоял в манифестировании памяти как протяженного пространства, связывающего с покинутой родиной. По сути, в этой ностальгии по отчиму дому в чужом мире, который так и не стал своим, можно увидеть травматическую ситуацию. Феномен эмиграции раскрывает культурную травму как разрыв между прошлым и настоящим, рефлексия по поводу происходящих вокруг событий и изменений формирует экзистенциальную биографию М.З. Винокурова.

В его переписке с другим эмигрантом, политическим деятелем, эсером, писателем, исследователем В.М. Зензиновым прослеживается главная тема — связь с Родиной. Судя по содержанию писем, такая вовлеченность в процесс воспоминаний о Якутии создавала в эмигрантской среде особый «жанр» памяти. Так, в письме от 6 июля 1924 г. из Берлина В.М. Зензинов пишет М.З. Винокурову: «Спасибо Вам за память — все посланные Вами три книжки я получил и особенно был тронут Русским Устьем, для меня очень важно иметь эту книжку» [Алексеева 2017]. В другом письме от 6 февраля 1925 г. он обращается к нему с вопросом: «Напишите, что у Вас делается, какие перспективы, получаете ли Вы какие вести с Родины? Может быть, сумели бы на основании этих писем составить нам корреспон-

денцию из Якутской Советской Социалистической Республики?» [Алексеева 2017]. Будучи в Париже, в 1929 г. Зензинов в письме к Винокурову делится новостью о выходе новых книг по Якутии: «Одна из них — огромный коллективный труд, сборник статей, изданный Академией наук в Петербурге под редакцией Виттенбурга в 1927 г. «Якутия». Другая — С. Обручев. В неведомых горах Якутии (экспедиция к верховьям Индигирки). Обе книги чрезвычайно интересны — особенно для такого якутского патриота, как Вы» [Алексеева 2017]. Коммуникативный мир М.З. Винокурова, состоящий из писем о Якутии или из Якутии, являлся важной частью соотношения себя с «родовым» ландшафтом. Анализ этого-документов показывает, что переживания «якутского патриота» М.З. Винокурова были связаны с тоской по утраченной Родине, позднее эта эмоциональная связь с Якутией проявится в американском цикле стихов «Аляскинская Русь» и «Чужими умрем мы на чужбине».

Можно предположить, что основой нового созидательного опыта стало сохранение якутского языка в семье (общение и переписка), сохранение русского обозначало принадлежность к Российской империи, в свою очередь, английский язык стал языком делового общения в США. Показательно, что в преодолении негативного травмирующего опыта главной адаптивной стратегией «является создание нового исторического нарратива, посредством которого весь прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, вновь оформляется в определенную целостность, в рамках которой эти события приобретают смысл» [Репина 2014: 206–231]. Сохранение и развитие русской культуры на чужбине стало главной задачей якутского эмигранта.

Презентация Русского мира

Михаил Винокуров на посту главного библиографа и архивиста Библиотеки Конгресса инициирует и реализует глобальный проект по формированию российских коллекций книг, рукописей, фотографий, писем, относящихся к Российской Америке, православной церкви, литературному наследию русской эмиграции. Винокуров был занят созданием русской коллекции. «Для меня, эмигранта, работа в Библиотеке Конгресса была верхом удачи и счастья», — позднее писал Винокуров [Якимов 1995: 5]. Он подсчитал, что за годы работы в Библиотеке Конгресса к 1944 г. пополнил библиотеку 923 ящиками с картотекой ценных архивных документов, а кроме этого — книгами, памфлетами, фотографиями, «способствовал вкладу очень ценностного материала — периодической литературы, публикаций, собранных Русским посольством во время войны и революции» [Пирс 1992:

163]. Благодаря усилиям Винокурова массовые поступления материалов в Библиотеку Конгресса произошли в 1927 г. (из церковных архивов Нью-Йорка) и в 1940 г. (из местных церквей Аляски). В конце 1928 г. газета «Правда», орган общества русского братства в Филадельфии, опубликовала на своих страницах статью М.З. Винокурова под заглавием «Это нужно сделать» [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. № 38, л. 37–45, копия].

Статья являлась своего рода манифестом, обращенным ко всем русским писателям, публицистам и печатникам, ко всем, кто заинтересован в сохранении русской литературы в Соединенных Штатах, кто готов оказать содействие в подготовке библиографических данных обо всех русских публикациях, вышедших в Америке. Позднее было сделано 1000 копий этой статьи в форме памфлета, и примерно 600 копий были разосланы в различные организации, институты и частным лицам. В создавшейся ситуации Винокуров взял на себя роль социального фактора, чьи действия привели в движение русскую эмиграцию, в результате чего он стал получать огромное количество почты. Просветительская деятельность Винокурова была оценена в статье Ал. Фовицкого «Это надо было сделать!», отражавшей отношение русской эмиграции к призыву М.З. Винокурова:

«Передо мною небольшая брошюрука, вышедшая в 1928 г. под заголовком “Это нужно сделать”. Автор Михаил Зиновьевич Винокуров, работающий в Библиотеке Конгресса, разослал свой маленький труд-воззвание сотням людей в Америке. Помню, когда я получил эти изящно сброшюрованные странички, что-то дрогнуло в сердце: есть же люди, которые где-то “за кулисами” по крайней мере хоть думают, болеют о том, как бы собрать в дорогую и важную памятку сведения о сделанном для культуры в области литературно-научной русскими за рубежом.

В Западной Европе эта дума-забота овладела целой большой организацией, только что выпустившей первый том еще неполного труда, где собраны сведения о зарубежных научных работах людей из России.

В Америке эту думу-заботу выносил в своей душе один человек, страстно преданный интересам русской литературы и науки, стоявший близко в недавнем прошлом к литературным кругам, теперь отдавший свою жизнь миру книг и, в частности, родной этому миру идее, изложенной в упомянутой брошюре.

Михаил Зиновьевич Винокуров, этот еще такой молодой, горящий фанатически сибиряк с лицом “духовного вождя”, каким-то чудом в свободные минуты, в единственные дни отдыха, сумел настойчиво, твердо, прямо-таки героически оправдать слабые для многих надежды на широкие планы, возглавленные словами: “Это надо сделать”.

<...> Я говорю “восторженно”, так как каждый сборничек стихов, каждая научно-популярная листовка — все это не меньше дорого истинному библиографу, каким является М.З., чем увесистый том ученого. И мне даже показалось, что эти крохотные крупицы, в которых любовно, блестя живыми острыми глазами, рылся М.З., в одном отношении будто даже дороже ему того, что “известно всем”: пригретые беспризорные. Этот редкостный человек Винокуров достраивает громадное здание и тщательно, добросовестнейше, до мелочей отдельывает свой труд, напрягая усилия, чтобы никого не забыть и все найти» [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. № 38, л. 45–46, копия].

Просветительская стратегия Винокурова состояла в активации образов прошлого России в настоящем, в культурном «хранительстве» истории, памяти, духовных ценностей, трансляции Русского мира в чужой стране.

Аляска как «место силы»: «Бог ведет меня»

Материалы по Аляске составляют самую важную часть коллекции Винокурова. В 1944 г. он пишет, что попытки убедить Библиотеку в необходимости его поездки на Аляску для поиска материалов начались в 1925 г. «Никто реально не может понять, насколько... трудна была эта затея, сколько энергии и сил у меня ушло... не имея никаких средств и возможностей, только великую любовь к Аляске и ее прошлому. Ни один не знает, как тяжело было организовать и добиться этой единственной поездки на Аляску» [Пирс 1992: 164].

Эти планы воплотились в жизнь в 1940 г., когда Винокуров получил разрешение Православной церкви и Библиотеки Конгресса для дальнейших поисков рукописей. Поездка заняла три месяца. За это время Винокуров собрал 150 коробок с различными документами. Его письма жене из Сиэтла, Ситхи, Анкориджа, Кадьяка, с Алеутских островов показывают его маршрут. В некоторых частях Аляски попытки Винокурова приобрести архивные материалы были встречены с негодованием. Многие не были согласны с вывозом исторического материала за пределы территории. Из-за начавшейся войны М.З. Винокурову больше не удалось попасть на Аляску. (Через три года старые церкви Кадьяка были разрушены, и все хранившиеся там материалы погибли.)

Аляска в биографической истории Михаила Винокурова представляет собой «место силы», он всегда стремился попасть туда, где начинали свое служение его дед и отец. Во время его пребывания на Аляске он находит могилу отца (ныне святого) Германа на Еловом острове, а также проводит три дня в гостях у отца Герасима Шмальца

(ум. в октябре 1969 г.). Результатом этого визита стала дружба на всю жизнь, отраженная в письмах, охватывающих почти 30 лет [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 1, д. 16, копии]. В последних письмах Герасиму Михаил Винокуров выразил свои самые сокровенные мысли об уходе из этого мира: «А если умру, Вы, дорогой мой друже, будете еще живы, то... она [жена] Вам напишет и Вы совершите отпевание заочно... и пришлите ей землю аляскинскую, освященную Вами при погребении, и она крестообразно посыпет эту землю над моей могилой» [Рукописный фонд НБ РС(Я), ф. 2, оп. 11, л. 29]. Это было своего рода его предсмертное завещание, адресованное близкому другу. По якутским обычаям, мужчины, на долгое время покидающие дом, брали с собой в путь горсть родной земли как символ теплого крова и защиты. Они верили, что предки и духи местности будут всегда рядом. Воспоминания о родной Якутии не давали забыть и о культурных традициях народов, которые прекрасно знал Винокуров. В символическом плане горсть аляскинской земли означала соединение его души после смерти с его родными, покоящимися там, и таким образом он мог завершить свой земной круг возвращением Домой...

Созидательная деятельность якутского эмигранта сыграла огромную роль в сохранении культурной памяти и идентичности русского зарубежья, в восстановлении общей судьбы россиян, оказавшихся в эмиграции. «Проектирование» будущего русской эмиграции в Америке Винокуров видел в функционировании мемориальных практик, где образы прошлого становятся важными составляющими идентификации Русского мира.

Жизненный путь Винокурова как биографический нарратив выстраивается из серии авторских повествований, где сюжетообразующая линия текста и событийное наполнение связаны с памятью прошлого, воспроизводящей собственные «ландшафты памяти». Это и семейно-родовая память о священнослужительской династии Винокуровых. Это и музейная деятельность как сохранение культурной памяти и национальной идентичности. Это и эмиграция как ностальгия по прошлой жизни в Якутии. И, конечно, это еще репрезентирующие память прошлого библиотечный и архивный проекты в Америке, соединяющие в себе интеллектуальные и творческие силы русской интеллигенции с целью создания Русского мира как духовной стратегии российской эмиграции. Концептуальная связка «Память. Православие. Идентичность» реализуется в просветительско-религиозном проекте Винокурова, посвященном спасению архивов Русской церкви на Аляске. Этот проект был, по сути, нацелен на конструирование коллективной идентичности (Русского мира) в Америке.

Список литературы и источников

- Алексеева А.Н.* «Мне было бы интересно все, что Вы могли бы сообщить о Якутии»: документы о Владимире Михайловиче Зензинове в коллекции М.З. Винокурова (Историческая библиотека Аляски, г. Джуно, штат Аляска, США) // Вестн. Национальной библиотеки РС(Я). — 2017. — № 1 (15). — С. 117.
- Винокуров М.З.* К вопросу о передаче областного Музея во владение земства. Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 111, л. 2–7, копия.
- Винокуров М.З.* Это нужно сделать! Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. № 38, л. 37–45, копия.
- Дьяконова Н.Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). — Новосибирск: Наука, 2002. — 238 с.
- Об организационных мероприятиях по передаче копий архивных документов и коллекции М.З. Винокурова, хранящихся в Государственной библиотеке штата Аляска (г. Джуно, США), Республике Саха (Якутия) (Российская Федерация): распоряжение Президента Республики Саха (Якутия) от 10 января 2008 г. № 6-РП // Якутия. — 2008. — 15 янв. — С. 2.
- Павлова В.Н.* М.З. Винокуров и развитие книжной культуры Якутии начала XX века // Вестн. Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). — 2011. — № 1 (9). — С. 83–89. URL: <https://e.nlrs.ru/open/7832> (дата обращения: 27.10.2020).
- Пирс Р. М.З.* Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил / пер. А. Ташлыковой // Полярная звезда. — 1992. — № 3. — С. 160–164.
- Репина Л.П.* Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Спец. выпуск: Историческая биография и персональная история. — М., 2001. — С. 5–12.
- Репина Л.П.* Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 гг. — М.: Наука, 2014. — С. 206–231.
- Таежник М.В.* Посвящается А.Ф. Керенскому // Голос труда. — 1918. — № 7 (5 сент.). — С. 4.
- Якимов О.Д.* Человек из небытия. — Якутск: Бичик, 1995. — 120 с.
- Архив М.В. Винокурова. Письма М.В. Винокурова отцу Герасиму, ф. 2, оп. 11, л. 20.
- Письма М.В. Винокурова отцу Герасиму. Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, л. 8, копии; оп. 1, д. 16, копии.
- Письмо настоятеля Церкви при Российском посольстве в Токио протоиерея Петра Булгакова. Токио, 27 июля 1920 г. Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 38.
- Переписка с российским консулом в Сан-Франциско С.Ю. Романовским. Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. 82, копии.
- Фовицкий Ал.* Это надо было сделать! Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я), ф. 2, оп. 11, д. № 38, л. 45–46, копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«НОВАЯ ЗАРЯ» — RUSSIAN DAILY — "NOVAYA ZARYA".

ИЗ ЦИКЛА
АЛЯСКИНСКАЯ РУСЬ.

***

Как давно все это, пана, было...
Как прожитый век наш не велик.
Безвозвратно прошлое ушло —
Я теперь сам уже старик...

Помнишь, маленький любил я слушать
О твоих аляскинских годах.
И теперь меня вот слезы душат —
Голос твой мне слышится в ушах.

И твоя и мамина могила.
Никогда их не увижу я.
Все ушли, уйдя кто сердцу миль —
Так профает, уйдет и жизнь моя.

Потерял во многое я веру.
Не легко без детской веры жить.
Нет тебя... Но я хочу и верю,
Что могу с тобою говорить...

Как сквозь сон мерещится былое.
Наш Якутск... и пепел камелька.
В сказках наши добре и злое —
И... мечта от жизни далека.

Помню вечер. Помню наши зимы.
Как в столовой за большим столом
«Милость мира», «Иже херувимы»
Тихо пела мама над шитьем...

Для меня-ж была милее сказка —
Твой рассказ о родине белой...
И в уме желания Аляска
Рисовалась живо предо мной.

Далеко была она, родная...
И обидно было мне тогда,
Что она — не наша, а чужая,
Что она — чужая навсегда...

М. В. (Таежник).

Два стихотворения этого цикла были напечатаны в «Новой Заре» (№ 7512).

СВЕЖАЯ БРУСНИК/

Русский

Самые лучшие колбасные изделия:
Польская, Краковская
Ветчинная
Русская чайная
Ветчина

РУССКИЕ шо

ЛЕОНИД ОПАЛОВ.

БЫТЬ МОЖЕТ...

Быть может: счастье белы
По голубому озеру плывет,
Иль розовая тучка в небе,
А может, стань ищи полет.

Иоанном IV, для прот. М. Но, верю, мечту дорогую одну

— Ермаком или даже тем ками», которые были с ним

На деле, по моему счи мнению не историка, ист почти всегда — посересто историческом событии у

многие факторы, они тесны между собой и неизвестный человек среди нашей русской

Вольлем, для примера, по ходили, как бывший редактор журнала

Наполеоном в 1812 году. И «Зарница», издававшегося им в Нью-Йорке в сотрудничество с покойным Ильией Александровичем Рубакиницем...

М. В. (Таежник).
Вашингтон, Д. С.

Иван Иванович Дзионенко — очень известный человек среди нашей русской

всей вероятности, г. Вильямсбург, в сотрудничестве с покойным Ильией Александровичем Рубакиницем...

М. В.

Генеральное почтовое управление

НОВАЯ ЗАРЯ

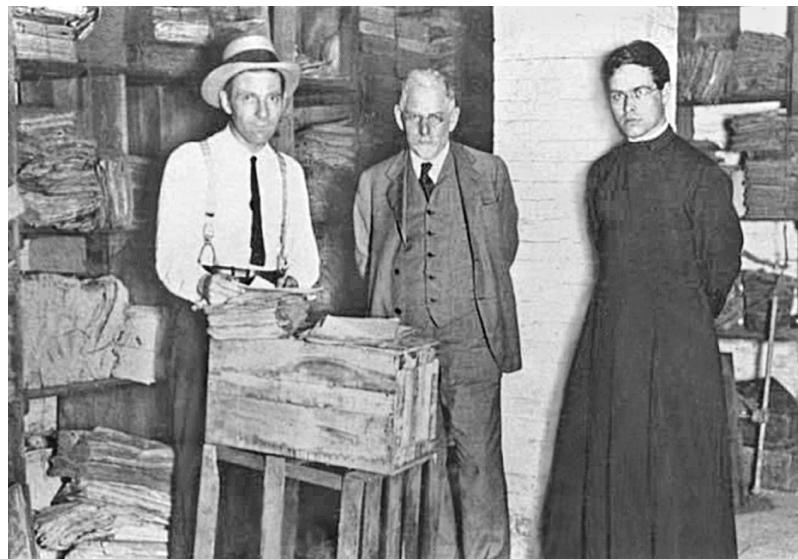
Russian Morning Daily News
«NOVAYA ZARYA».

САН-ФРАНЦИСКО Калифорния

Стихотворение М.З. Винокурова, опубликованное под псевдонимом Таежник в газете «Новая заря».

E.H. Романова

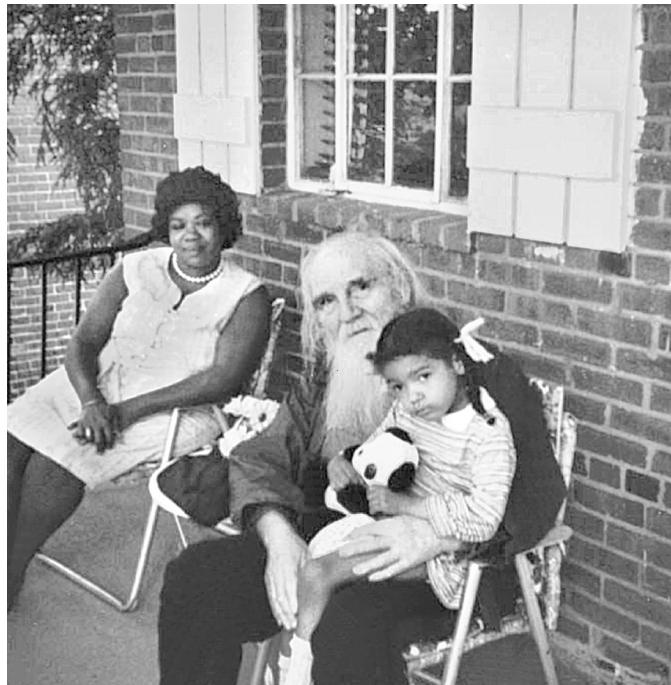
Майкл Винокуров, Вольдемар Йохельсон и преподобный Николас Дж. Кедрофф в подвале Свято-Николаевского собора. Нью-Йорк, 1927 г.

Михаил Винокуров и преподобный Кедрофф осматривают полки русских церковных записей в подвале собора Святого Николая Чудотворца. Нью-Йорк, 1927 г.

Биографические топосы памяти М.З. Винокурова

М.З. Винокуров и его внучка Алиса Тидуэлл. Июнь 1972 г.

УДК 397.481

Л.И. Миссонова

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник, куратор (отв. секр.) серии «Народы и культуры»
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия
missmila@iea.ras.ru

**С.М. ШИРОКОГОРОВ:
ИНТЕЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ
(архивные эго-документы)***

Аннотация. В статье рассматривается эпистолярное наследие С.М. Широкогорова как значимый источник научного творчества ученого-эмигранта. Делается акцент на пересечение путей интеллектуальных биографий русских ученых, чья деятельность осуществлялась в России и вынужденной эмиграции после 1917 г. Эго-документы архивов Польши и Японии позволяют выявить множество страниц междисциплинарных исследований Широкогорова в области лингвистики, этнографии, социальной антропологии различных общностей, прежде всего тунгусской идентичности, а также тюркской, монгольской и др. Рассматривается многолетняя переписка Сергея Михайловича Широкогорова (Китай) и Владислава Людвиговича Котвича (Польша) в период творчества ученых с 1924 по 1939 г. Данная переписка найдена в рукописном фонде Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний (в Кракове). В переписке С.М. Широкогорова с В.Л. Котвичем поднимаются многочисленные вопросы: о проблеме происхождения тунгусоязычных народов, представлениях тунгусов об окружающем мире (о небесном своде и светилах, о трех мирах); о тунгусской лексике и лингвистике, о самоназваниях малочисленных народов, о состоянии ориенталистики, российской науки вообще, книгопечатании, создании карт, а также многие другие вопросы мирового научного дискурса того времени.

Ключевые слова: тунгусы, С.М. Широкогоров, архивные эго-документы, научная среда русской эмиграции после 1917, Научная библиотека Польской академии знаний и Польской академии наук.

---

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Liudmila Missonova

Ph.D, Leading Researcher,

Curator of the Series “Narody i Kultury” (“Peoples and Cultures”),

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology

RAS,

Moscow, Russia

missmila@iea.ras.ru

**S.M. SHIROKOGOROV:
INTELLECTUAL LIFE IN EMIGRATION
(archival ego-documents)**

Abstract. The article considers the epistolary heritage of S.M. Shirokogoroff as a significant source of scientific creativity of the emigrant scientist. The author focuses on the intersection of the intellectual biographies of Russian scientists whose work was carried out in Russia and forced migration after 1917. Ego-documents of the Archives of Poland and Japan reveal many pages of Shirokogoroff's interdisciplinary research in the field of linguistics, ethnography, social anthropology of various communities, primarily Tungusic identity, as well as Turkic, Mongolian, etc. The article deals with the long-term correspondence of Sergey Mikhailovich Shirokogoroff (China) and Vladislav Ludvigovich Kotwich (Poland) during the period of scientists' creativity from 1924 to 1939. This correspondence is found in the Manuscript Collection of the Scientific Library of the Polish Academy of Sciences and the Polish Academy of Knowledge (in Krakow). The Correspondence of S.M. Shirokogoroff and V.L. Kotwich raised numerous questions related to the problems of the origin tungus peoples, the representation of the Tungus about the world (about the heavens and heavenly bodies, about the three worlds), the Tungus language and linguistics, the self of indigenous peoples of Oriental studies, Russian science in general, publishing, map making, and many specific issues of the scientific discourse of the time among scientists from different countries etc.

Keywords: Tungus, S.M. Shirokogoroff, Archival ego-documents, Scientific Environment of Russian Emigration after 1917, Scientific Library of the Polish Academy of Knowledge and the Polish Academy of Sciences.

Рукописное наследие Сергея Михайловича Широкогорова в XXI в. продолжает радовать исследователей новыми внезапными находками, что является результатом насыщенного жизненного и творческого пути ученого. При работе в библиотечно-информационном фонде документов в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) удалось обнаружить неопубликованный ороченско-русский и русско-ороченский* словарь. Изначально он долгие десятилетия хранился в МАЭ РАН. Словарь был составлен Широкогоровым

---

* Орочены — тунгусское племя, кочующее в Китае и Восточной Сибири.

на основе собственного экспедиционного материала, собранного в 1912–1913 гг. С 2018 г. началась реализация обширного проекта по подготовке к публикации этого уникального словаря, написанного более столетия назад. (Благодарю директора Кунсткамеры (МАЭ РАН) члена-корреспондента РАН Андрея Владимировича Головнева и директора Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) Саргылану Васильевну Максимову за содействие и поддержку проекта.) Материал словаря имеет чрезвычайно важное научное и социальное значение в лингвистическом и этнографическом аспекте как для российских, так и для зарубежных читателей, а также исследователей и всех тех, кому дорого наследие коренного малочисленного народа Севера.

Далее последовала научно-исследовательская работа в архивах Польши и Японии. Сегодня можно говорить о междисциплинарном лингво-этнографо-антропологическом проекте как об отдельном направлении изучения творческого пути русских эмигрантов-антропологов/этнографов, в рамках которого в данном случае исследуются как рукописные материалы Сергея Михайловича, так и его коллекции экспедиционных фотографий и вещей. Работа проводится совместно Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, библиотечно-информационным фондом документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), Рукописным фондом Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний (Краков), Университетом г. Торунь (Польша), Университетом Хоккайдо (г. Саппоро, Япония). Кроме того, задействованы материалы отдела редкой книги и рукописей Центральной библиотеки Университета Тенри (префектура Нара, Япония). Необходимо заметить, что последний словарь Широкогорова был опубликован в Токио в 1944 г. в виде фотокопии рукописи [A Tungus Dictionary... 1944]. Найденный словарь посвящен диалекту языка российской тунгусской общности, однозначно не введенному в научный оборот. В ходе проводимого проекта предстоит определить, к какой конкретно тунгусской общности он относится, с какой групповой (этнической) идентификацией соотносится. В архивных материалах С.М. Широкогорова значится, кого он называет «ороченами»: «под именем орочен я буду разуметь не только орочен нерчинского и читинского уез., как это принято официально и перенесено г. Паткановым в литературу, а всех за-байкальских тунгусов-оленеводов, в противоположность кочевым тунгусам-скотоводам» [СПбФА, ф. 849, оп. 5, д. 806, л. 1].

В обширном наследии Сергея Михайловича Широкогорова, которое волею социально-политических обстоятельств оказалось в архивах различных городов и стран, достойное место занимают эго-документы. Так, логичным продолжением явилось изучение многогранного эпистолярного наследия С.М. Широкогорова. Особенно научно значимой оказалась многолетняя переписка Сергея Михайловича Широкогорова и Владислава Людвиговича Котвича в период с 1924 по 1939 г. Данная переписка найдена в рукописном фонде Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний (в Кракове). В. Котвич был главным редактором журнала Польского товарищества ориенталистов. Переписка двух ученых отражает однозначные, искренние и предельно глубокие переживания Широкогорова (очевидно и то, что он был уверен в понимании Котвича, к которому обращался, считая его даже одним из своих учителей, в письмах подписывался как «искренне преданный и благодарный!») по поводу состояния российской науки вообще и многих конкретных вопросов научного дискурса того времени. В январе 1928 г. он писал: «Выписал из Совдепии журналы: Антропологич., Эвгенический, Землеведение и Этнография. Я не могу сказать, чтобы они производили сильное впечатление... Чувствуется, что они идут в далеком хвосте немцев. Масса рабского подражания... второстепенным немецким *sterialisten*» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 77].

Уместно будет обратить внимание на то, как оценивают исследовательский труд С.М. Широкогорова немецкие специалисты. Так, В.Э. Мюльман (ФРГ) в посвященном Сергею Михайловичу некрологе (работа над которым была завершена 2 апреля 1940 г.) особо отметил: «Его работы базируются на собственных полевых исследованиях и наблюдениях чрезвычайной важности, и все они свидетельствуют об интенсивной интеллектуальной обработке материала...» [Мюльман 2002].

По мнению этнолога, автора монографии «Орнаментальное искусство якутов» Уллы Йохансен (ФРГ), В.Э. Мюльман «рассматривал как наиболее убедительное и перспективное направление» в современной (1939 г.) этнологии «собственную школу функционалистов с особым акцентированием исторических и психологических вопросов, величайшими представителями которой он видел Турнвальда и Широкогорова» [Йохансен 2002: 141]. По признанию Йохансен, методика Широкогорова для большинства ученых ФРГ стала особенно авторитетной, а создателя ее Мюльман называет «самым последовательным функционалистом». Обосновывается это мнение тем, что Широкогоров в своих работах — в отличие от еще «антиисторичных» на тот момент британских функционалистов — проводит разыскания в области истории, рассматривает функциональные связи и приспособляемость тунгусов

к другим этническим группам. «При этом он подчеркивает как особое достижение Широкорогова то, что ученый оценивает поведение эвенков на основе их ментальности, а не европейских представлений о поведении, и характеризует такую научную позицию как необходимый постулат этнологии. Только ради этого мы были бы “должны ждать Широкорогова”, — пишет Мюльман...» [Йохансен 2002: 141]. При этом отмечается, что сам Широкорогов старался не оказаться в одном ряду с западноевропейскими социологическими функционалистами (такими как Рэклифф-Браун, Малиновский и др.). Точку зрения Турнвальда (как и Мюльмана) Широкорогов определял как «интегрированный функционализм» [Мюльман 2002: 147].

Улла Йохансен делает вывод, что радикализм размышлений привел ученого к результатам, опережавшим этнологию того времени на добрые 50 лет, например к таким, как «культурно-экологический образ мышления или же постулат восприятия исследуемых народов в соответствии с их собственными психоментальными представлениями, а не сообразно “комплексу исследователя”, в результате чего ученый представляет на суд читателям именно свой собственный “комплекс”» [Йохансен 2002: 142]. Своебразие подхода Широкорогова становится наиболее очевидным, по мнению Мюльмана, в его анализе тунгусского шаманизма, где он показывает, как «северные тунгусы, столетиями подвергавшиеся “этническому давлению” со стороны маньчжуротов и русских, трансформируют эту ситуацию в представления о духах, играющих некую роль в их шаманистическом комплексе. Это и есть “этнология” в широкороговском смысле, определенно оставляющая позади противоречия “исторического” и “психологического” метода» [Мюльман 2002: 147]*.

Наблюдая из Китая, Сергей Михайлович видит, как и чем заполняется пространство исследований в советской науке 30-х гг. прошлого века. Так, он приводит пример, как один китайский молодой человек посетил СССР, и перед ним советские историки хвастались успехами в области китайской истории: «Вышло, по их мнению, что манджуры появились в Китае благодаря интригам китайской буржуазии против китайского пролетариата. Китаец сообщает по этому поводу, что он нашел из общения с советскими историками, что они очень ignorant**». «Вот до чего докатились!» — восклицает Сергей Михайлович [Архив В. Котвича, т. 7, л. 64].

В другом письме Сергей Михайлович с болью приходит к выводу: «Вообще, у них, видимо, нет ни одного этнографа, который бы их дол-

* О межэтническом давлении у тунгусов см. также: [Мюльман 2002: 152].

** Невежественные.

жен был удержан от слишком легкого обращения с этнограф. теориями. Еще, конечно, хуже, когда они притягивают антропологию...» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 21]. А в январе 1935 г. Широкогоров сделал еще один тяжелый вывод: «О новых потерях русских ориенталистов я читал. Понемногу они кончаются, а нового приходит очень мало... Видимо, и Поппе, и Поливанов не из числа честных людей» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 64]. С горечью Сергей Михайлович заключает: «Трудов нового Института Востоковедения я не видел и боюсь, что и видеть-то их не хочу! Уж очень большая потеря времени на чтение всякой пропаганды! Видимо, энергия “приспособления к подлости” у Поливанова иссякла, а Поппе по молодости и естественному невежеству не догадывается, что это ему не выгодно *à la longue**! Препозорнейшая страница из истории так наз. “русской интеллигенции”» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 58 об.]. «Видимо, действительно востоковедение в России попросту и физически вымирает. Ведь теперь у них осталось... только несколько тюркологов (да и то мало!)» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 41 об.].

Из переписки узнаем о творческих планах по изучению и публикации «манджуро-тунгусских материалов». Так, в 1929 г. Сергей Широкогоров пишет в Японию Николаю Невскому [Архив Н.А. Невского № 088-12-С5(4) (B700), л. 1–2] (см. Прил., рис. 1) о том, что он в ближайшем будущем собирается «приготовить к печати... вторую большую работу о тунгусах и манжурах, в которой будет трактоваться о шаманстве» (судьба Николая Невского в тот период была схожа с судьбой Широкогорова [см.: Алпатов 2013: 74–81]). «Официально орочены считаются православными, но в действительности они — настоящие шаманисты и о христианстве не имеют никакого понятия» [Отчет о поездках... 1914: 134]. При этом сетует в январе 1934 г. в письме Котвичу: «Алькор, он же Кошкин, меня игнорирует и ничего не посыпает, как и Поппе. Таким образом, я не знаю о их больших проектах. Читал я о том, что коммунистические этнографы истребляют шаманство как “мелко-буржуазную” ересь... просто надувательство коммунистических заправил, которые держат деньги и их нужно еще убедить в том, что эти никому не нужные “лингвисты и этнографы” могут пригодиться на социалистическое строительство. Отсюда и та наглость голодных людей, которая толкает многих “молодых”, да и старых тоже, на фиглярство в науке...» Трагедия, по мысли Сергея Михайловича, в том, что в России «старые» ориенталисты не передали по традиции своего научного комплекса новому поколению, и это характерно не только для ориенталистов: «Я не представляю себе, например, что будет с русскими историками, социологами и др. Пере-

---

* В конце концов.

рыв в два-три десятилетия может совершенно прервать традицию. Особенно при том условии, что многие историки и социологи уничтожены физически». При этом ученый отмечает, что «это только особые формы одного и того же процесса культурного сжимания, совершенно неизбежного в существующей мировой обстановке. Русский случай — это только частный и жестокий случай...» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 61–61 об.]. В целом ситуация книгопечатания в мире очень беспокоит ученого: «Дело в том, что в Китае печатается большое количество изданий на немецком и английском языках, которые даже не помечаются, что они печатались в Китае, — торжественно ставятся: Лондон, Нью-Йорк, Берлин и т.д. ... В поле моего зрения входит, конечно, не все. Можно думать, что действительность еще выразительнее» (14 декабря 1932 г.) [Архив В. Котвича, т. 7, л. 52].

В переписке с В. Котвичем Сергей Михайлович не только с эмоциональной болью, но и с многочисленными конкретными деталями (что позволяет понять, насколько внимательно он следил за академическими публикациями и досконально изучал то, что удавалось получить от коллег с родины) фактически ставит вопрос, который становится актуален и сегодня: в какой степени возможно доверять академическим трудам того времени, к примеру изданным картам? Так, в апреле 1932 г. он разбирает «Этнографическую карту», «изданную Комиссией Академии наук», описывает полную неразбериху («поистине поразительно рутинерство!»), отмечая массу географических и исторических ошибок, некорректность в отношении обозначения расселения и наименования народов без привязки к конкретному времени и многое другое, в итоге характеризует это как «появление в свет... нового опозоривания Академии и русской науки!» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 47–49] (см. Прил., рис. 2).

Из этой же переписки впервые (!) становится известно, что Широкогоров намеревался осуществить изучение языка «ороков» (ныне по переписи РФ — уйльта) Сахалина, что осуществилось бы в 1925 г., если бы удалось найти «хотя бы небольшие средства» на поездку; он писал также за год до этого, что у них с Елизаветой Николаевной есть на Сахалине друзья — тунгусы, к которым она ездила на месяц в 1924 г., чтобы избежать тропической жары в Китае и совместить «отдых с небольшим делом» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 12 об. — 13]. Понимая, что в тот период Елизавета Николаевна могла быть только на Карафуто — части Южного Сахалина, относящейся к Японскому губернаторству (1905–1945 гг.), вероятнее всего, она могла посетить корсаков и тунгусов (т.е. эвенков и уйльта/ороков, часто ведущих совместное оленеводческое хозяйство в смешанных браках) в Поронайском районе Сахалина (на о. Сачи — японское название тех лет,

ныне о. Южный). При этом Сергей Михайлович заранее пытается изучить этнонимию народа Сахалина: «А нет ли в словаре Пилсудского (это ведь ороки Сахалина?) указаний как себя называют ороки и перечень их родов?» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 79]. Остается только сожалеть, что такая экспедиция не состоялась.

Интересно, как в среде ученых-эмигрантов и тех, кто остался в России после 1917 г., пересекаются интеллектуальные пути (что нашло безусловное отражение в эго-документах). Известный китаист и японист Николай Иосифович Конрад (его научным руководителем был Василий Михайлович Алексеев) писал из России в Японию Николаю Александровичу Невскому о том, как сужается интеллектуальный круг общения в российской научно-профессиональной среде: ранее Алексеев, Владимирцев, Широкогоров и Конрад часто проводили научные беседы в тесном общении, однако в 1917 г. встречались, как прежде, уже только Конрад и Алексеев [Архив Н.А. Невского, № 088-12-С5(1) (В700), л. 7–8] (см. Прил., рис. 3). Все активное научное обсуждение переходило в жанр именно многостраничных писем.

Значительный вклад супругов Широкогоровых в изучение северных тунгусов оценила выдающийся этнограф-тунгусовед и лингвист Г.М. Василевич (она опиралась на работы С.М. Широкогорова, опубликованные в 1919, 1923, 1926, 1929, 1934, 1935 гг.; также переписывалась с Сергеем Михайловичем и в январе 1935 г. предложила ему обменяться написанными ими книгами [Архив В. Котвича, т. 7, л. 64]). Василевич отметила, что «Широкогоров первым попытался изложить свою гипотезу об этногенезе тунгусоязычных народов... Его этнографические материалы по эвенкам с бассейна Витима и с правых средних притоков Амура очень ценные» [Василевич 1961: 32, 36, 79–82]. В переписке с Котвичем постоянно поднимаются вопросы происхождения тунгусоязычных народов. Как предполагал С.М. Широкогоров, первичный очаг формирования предков северных тунгусов располагался в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы [см.: Туров 2008: 23–24]. Дальнейшая миграция предков тунгусов, по представлению С.М. Широкогорова, подразделяется на два этапа. Первый этап был связан с освоением ландшафтов и биоценозов горной тайги в бассейне Уссури и Сунгари для интенсивного развития охотничье-оленеводческого хозяйства. Второй этап стал следствием того, что маньчжуры переходили на земледелие и скотоводство, и поэтому шел процесс борьбы за хозяйствственные территории. Более того, образование государства чжурчжэней в конечном итоге привело к тому, что в IV–VI вв. н.э. предки северных тунгусов оказались окончательно вытеснены со своей предполагаемой «исторической прародины». Таким образом, они продвигались на север, осваивая

таежные пространства к северо-западу и востоку от Яблонового и Станового хребтов [Туров 2008: 24–25].

Очень важное место в представлениях тунгусов об окружающем мире занимают небесный свод и светила, а также три мира (Верхний, Средний и Нижний), что не могло не найти своего отражения (воплощения) в орнаментах, имеющих сакральное значение. Именно в переписке с В. Котвичем поднимается множество вопросов, которые дискуссионно обсуждаются в научной литературе и через 100 лет. К примеру:

«...Что касается огона, то же значение “захождения” как это от бурятского... меня навело на мысль об этнографическом комплексе “захода — восхода” etc., т.е. движения солнца как одушевленного существа. Orona... мне представляется ...формой от ого — входить... в этнографическом сознании Монголов их старый термин от ого — входить [Мне очень приятно, что ого — место, etc. Вы считаете турецким, т.к. ...мне всегда казалось, что это слово не тунгусское и не монгольское, а источника я не знаю]» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 58];

«Солнце, как мне кажется, в сознании Монголов проделывает свой путь “встав, спустившись”, а вечером возвращается и “входит” к себе, т.е. восходит, идет, заходит; встает, идет, садится [как это существует в европейских языках]...» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 59];

«Любопытно, что и теоретизирующие манжуры, не знающие живого манжурского языка и читающие по-манжурски, как мы читаем по латыни, иногда пытаются читать букву за буквой...» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 61].

Вопросы небесного свода обсуждала с С.М. Широкогоровым и Г.М. Василевич. Характерно, по ее мнению, что «небесный свод у эвенков называется буга, нянгня, калан...». Название «буга» характерно для тунгусов Нижнего Приамурья. Г.М. Василевич приводит еще два названия для небесного свода, которые отметил С.М. Широкогоров: коклон и туру, но подчеркивает, что не во всем согласна с ним [Василевич 1961: 552; Shirokogorov 1935: 56, 61].

В рассуждениях о тунгусской лексике и лингвистике Сергей Михайлович пишет, что «к “логике” тунгусского анализа “отношений во времени и пространстве” я себе хорошо набил руку. Посему... вспомню, что “здесьний” как самоназвание народов все больше и больше уступает место другим названиям при более детальном изучении языков, и оно [это идея] было скорее вызвано общетеоретическими соображениями о “примитивности” всех народов, кроме европейцев, — психология либеральствующих эволюционистов 19 века» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 58 об.].

Постоянно проводит параллели, делает сравнения тунгусских диалектов с «манжурским», монгольским, якутским языками и др. [Архив В. Котвича, т. 6, л. 70]. Пишет в ноябре 1927 г., что «наконец получил...

Серошевского “Якуты”. Жаль, что книга пришла, когда уже часть работы о Тунгусах напечатана» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 68 об.]. «Конечно, мне сейчас чрезвычайно трудно без монгольского, турецкого (Радлова), якутского (Пекарского) словарей» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 71]. Благодарит за присланые книги, в первую очередь — «Пекарского в двух посылках» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 69, 71, 81] (см. Прил., рис. 4).

После Октябрьской революции Широкогоров жил во Владивостоке (1918–1922 гг.), сотрудничая с Северо-Восточным антропологическим отделом Дальневосточного университета. Как известно, в 1922 г. он вынужденно эмигрировал в Китай, где преподавал в университетах (Шанхая, Амоя, Кантона — до 1930 г., далее в Пекине — университеты Фуйен и Цинъхуа) и вел научные изыскания в провинциях Южного и Северо-Восточного Китая, постоянно занимаясь исследованиями по избранной на всю жизнь теме. Умер в Пекине 19 октября 1939 г. [Архив В. Котвича, т. 6, 7; Вступительная статья... 1995: 134]. После ухода из жизни С.М. Широкогорова именно в китайской печати стали появляться первые воспоминания о нем с характеристикой его трудов. Б.Б. Гуревич писал в харбинской газете «Заря» о своем необыкновенном знакомстве со знаменитым русским ученым и его женой еще до революции, в 1914 г., на китайской стороне Амура, в поселке Восьмын. С.М. Широкогоров возглавлял экспедицию, снаряженную Императорской Российской академией наук для изучения быта тунгусов и орочен. Наблюдая полтора месяца за работой гениального профессора, он отмечал, что его работа длилась по 18 часов в сутки, всю свою жизнь он отдал на пользу человечеству. Супруга С.М. Широкогорова, Елизавета Николаевна (после его смерти состояла профессором Пекинского национального института по классу рояля), в письме Б.Б. Гуревичу отмечала, что проф. Широкогоров в течение жизни выпустил 50 печатных трудов, изданных на четырех языках, и оставил ряд работ, подготовленных к печати, и большое количество материалов [Гуревич 1940; Крадин, Решетов 2007: 5–6]. Нельзя не отметить, каким верным и деятельным другом ученого по творческому пути — от самого начала до самого конца — была Елизавета Николаевна Широкогорова [К 130-летию... 2017]. Это подтверждается многочисленными подробными записями Елизаветы Николаевны в этнографическом экспедиционном дневнике, отчетах о поездках (к примеру, с 22 июня по 2 августа 1912 г., см.: СПбФА РАН, ф. 849, оп. 5, д. 803, л. 1–37; д. 806. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Об ороченах и тунгусах. Отдельные главы. Фрагменты рукописи. На оборотах листов: отчеты о поездке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг.). Частично ей удалось опубликовать труды, но некоторые рукописи остаются неведомы для читателя и по сей день.

Список литературы и источников

- Алматов Е.М. Николай Александрович Невский — японист // Николай Невский: жизнь и наследие: сб. ст. / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев, В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.
- Васильевич Г.М. Эвенки. Этнографическая монография. Книга первая. 1961 [рукопись]. Библиотечно-информационный фонд документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).
- Вступительная статья Иноуэ Коити (Широкогоров С.М. Тунгусский литературный язык) // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1995. — № 1. — С. 134–139.
- Гуревич Б.Б. Светлой памяти проф. С.М. Широкогорова. К первой годовщине его смерти // Заря. — Харбин, 1940. — 19 нояб.
- Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнографию [пер. с нем. Д.А. Функа] // Этнографическое обозрение. — 2002. — № 1. — С. 139–143.
- К 130-летию со дня рождения С.М. Широкогорова (специальная тема номера) / отв. ред. А.А. Сириня, В.Н. Давыдов // Этнографическое обозрение. — 2017. — № 5. — С. 5–66.
- Крадин Н.П., Решетов А.М. Н.Л. Кощевский и С.М. Широкогоров: дружба и сотрудничество в китайской эмиграции // Этнографическое обозрение. — 2007. — № 6. — С. 5–13.
- Кузнецов А.М. Кто Вы, профессор Широкогоров? или Осторожно — фальсификация // Вестн. антропологии. — 2017. — № 4. — С. 107–118.
- Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) [пер. с нем. Д.А. Функа] // Этнографическое обозрение. — 2002. — № 1. — С. 144–155.
- Отчет о поездках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. 2. — Петроград, 1914. — № 3. — С. 129–146.
- Туров М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. — Иркутск: Амтера, 2008. — 228 с.
- A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts By The Late Prof. S.M. Shirokogoroff. — Tokyo (Nippon): The Minzokugaku Kyōkai, 1944. — 258 p.
- Shirokogorov M. Psychomental complex of the Tungus. — London: Kegan Paul, trench, Trubner & Co, 1935. — 469 p.
- Библиотека Польской академии наук и Польской академии знаний (г. Краков). Архив Владислава Котвича, № 4600, т. 6 (1924–1928), л. 1–90 (с об.); т. 7 (1929–1939), л. 1–88 (с об.).
- Библиотека Университета Тенри. Архив Н.А. Невского, № 088-12-C5(4) (B700), л. 1–2; № 088-12-C5(1) (B700), л. 7–8.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 830, оп. 3, д. 44228, л. 12.

С.М. Широкогоров: интеллектуальная жизнь в эмиграции

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН). Этнографические коллекции С.М. и Е.Н. Широкогоровых в фондах МАЭ РАН.

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Библиотечно-информационный фонд документов.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФА РАН).

Л.И. Миссонова

ПРИЛОЖЕНИЕ

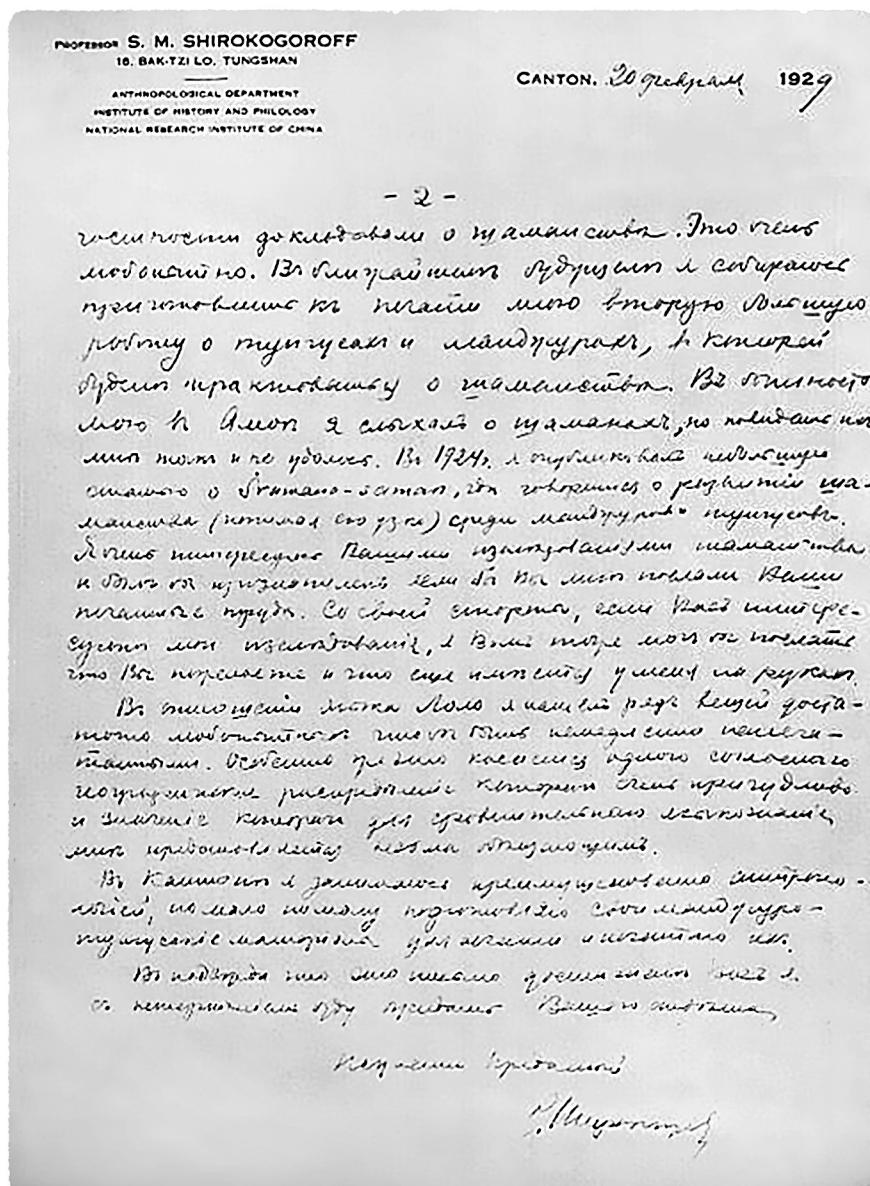

Рис. 1. Из письма С.М. Широкогорова Н.А. Невскому. 1929 г.

С.М. Широкогоров: интеллектуальная жизнь в эмиграции

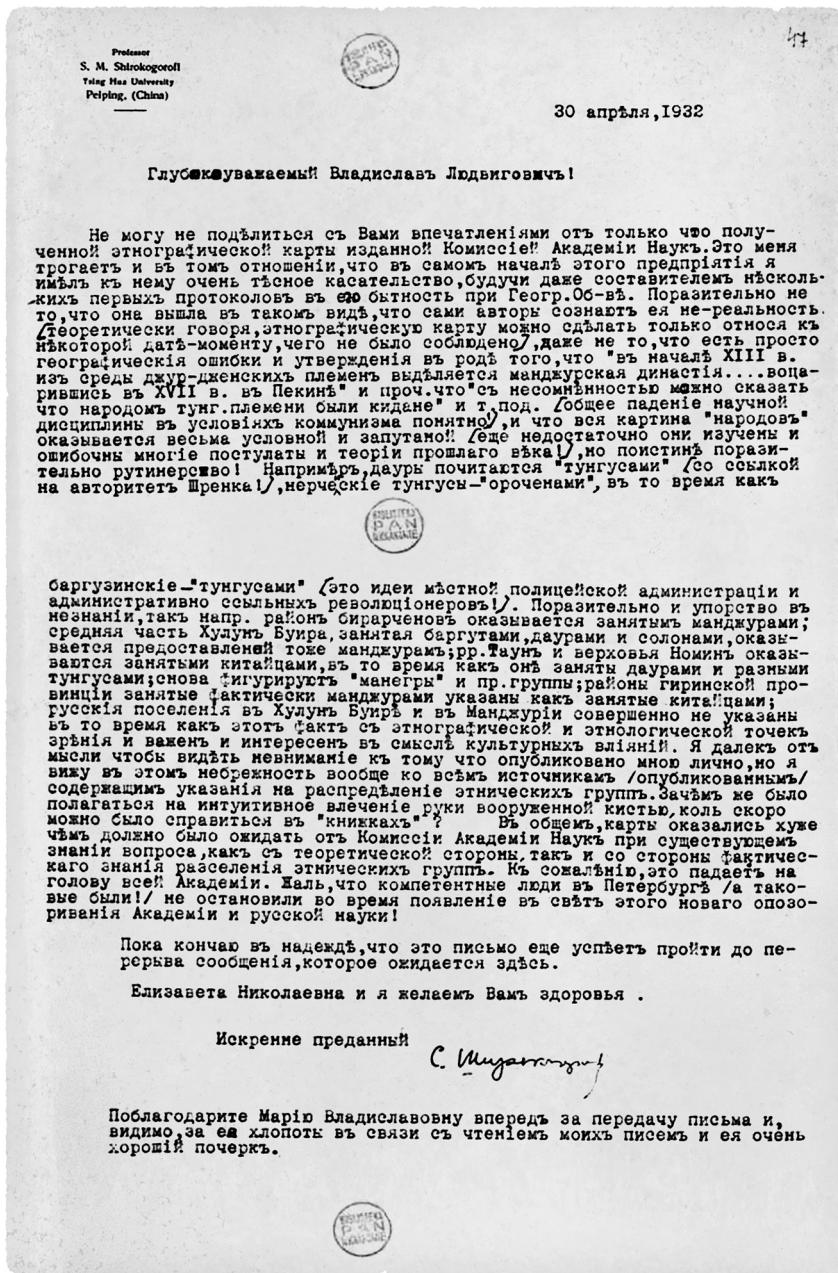

Рис. 2. Страницы письма С.М. Широкогорова В.Л. Котвичу. 1932 г.

Л.И. Миссонова

16-го Июля

Адрес: Орел. Ситниковская ул. дом
Иванова, /Ху на ляж в свое
"жънс"/

Дорогой Николай Александрович.

шла нас среда, начиная с утренней "Asahi" и кончая sensei'ями. И мнѣ хочется сказать Вам все это, Николай Александрович, в надеждѣ, что Вы постараетесь отдохнуть от многого, от чего можно отдохнуть, несмотря на давление самого японского воздуха.

И вновь повторю; Вы счастливы, потому что у Вас есть время и возможность жить не так, как живем мы в Россіи и в частности в Петерѣ, есть время и возможность стать шире, окрыленѣе, а главное, аристократичнѣе во всем, что составляет нашу духовную отынку. Вы счастливы опять-таки потому, что живете в Японіи, где можете над союзом это продѣлать. Мы же можем, увы, только сознавать, что нужно дѣлать, но не продѣлывать: нет времени - пропасть нас уже захватывает. Представьте себѣ чоловѣка, который схвачен водоворотом и мчится к пучинѣ; он сознает, что нужно спасаться - но уж этого сдѣлать не в состояніи. Таковы и мы, и таков, в частности, Ваш друг.

Сейчас /через 1/2 часа/ иду к Василію Михайловичу. Мы с ним встречаемся аккуратно каждый день и проводим вѣсѣ 5-6 часов. Говорим, говорим.... Вначалѣ говорили четверо: он, Владими́ров, Широкогоров и я. Потом Владими́ров /доцент/ уѣхал читать кальянам их грамматику; через недѣлю уѣхал Широкогоров /антрополог из А. Н./ и остались мы двое. Тао-Динь etc. Но, увы, и здѣсь мало просвѣта. С одной стороны, вся окружающая нас условія, с другой же, паки и паки мы сами и то, что в нас существует.

Рис. 3. Из письма Н.И. Конрада Н.А. Невскому. 1927 г.

С.М. Широкогоров: интеллигентская жизнь в эмиграции

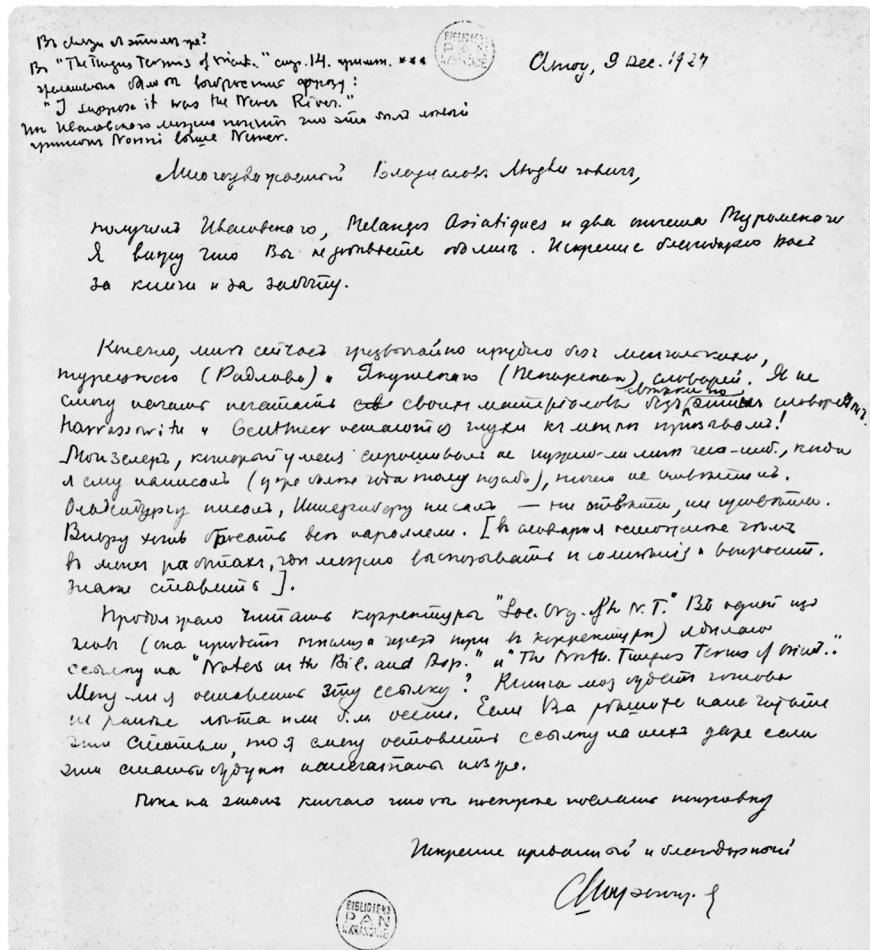

Рис. 4. Письмо С.М. Широкогорова В.Л. Котвичу. 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Саввинов П.О. Якутская эмиграция в российской историографии: ис-	
тория изучения и современные исследования	7
Башкиров М.Б. Проблема идентичности русской эмиграции во Фран-	
ции в 1920–1940-е гг. сквозь призму семейной истории	23
Измайлова Б.И. Татарские ученые-эмигранты в поисках истоков нацио-	
нальной истории в первой половине XX века	37
Антонов Е.П. Якутская эмиграция: интеллектуальное наследие	49
Кузьменко О.Н. Якутия как «место силы»: биографическая «инициа-	
ция» В.М. Зензинова	75
Романова Е.Н. Биографические топосы памяти М.З. Винокурова (па-	
мять, стратегии, идентичность)	90
Миссонова Л.И. С.М. Широкогоров: интеллектуальная жизнь в эмиг-	
рации (архивные это-документы)	108

Научное издание

ЛОКАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: МИР ЯКУТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Фото на обложке:

слева: М.З. Винокуров (крайний слева) — из рукописного фонда М.З. Винокурова,
Национальная библиотека Республики Саха (Якутия);
справа: А.А. Рязанский — из публикации: Харысхал В. Эмигрант Асклипиодот Рязанский:
«...думать о возвращении на родину в ближайшие годы не приходится, даже весьма
возможно, что мы никогда не вернемся...» // Илин. — 2015. — № 1–2. — С. 43.

Редактор Н.С. Астанина. Художественный редактор Л.В. Матвеева. Художник Н.А. Ларшина
Технический редактор Н.М. Остроумова. Корректоры И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева
Оператор электронной верстки Р.Г. Усова

Подписано в печать 12.03.21. Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 399.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.
(383)343-35-45, (383)344-33-75
rednauka@yandex.ru

Сайт издательства <https://naukapublishers.ru>
Сайт интернет-магазина «Академкнига» <https://naukabooks.ru>